ЕЖЕГОДНИК

финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 3

Ижевск
2011

Редакционный совет:

В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева)
М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркуский университет)
К. Салламаа (Финляндия, Оулуский университет)
С. Тот (Эстония, Таллинский университет)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций, Париж)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ, ФУНОЦГТ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ) – главный редактор
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 3

Ижевск
2011

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Н. И. Леонов*, доктор психологических наук, профессор, проректор по научной работе УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук, доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д. И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 3 / Науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 140 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

© Удмуртский государственный университет, 2011
© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

К О Л О Н К А Р Е Д А К Т О Р А 7
Юбилейный контекст сотрудничества 7

Юбилейные поздравления 9

Я З Ы К О З Н А Н И Е 16
Цыганкин Д. В. Топонимы, связанные с историей засечных черт 16
Дмитриева Т. Н. Этнические контакты на Казыме и таинственная рыба ванкар 22
Ившин Л. М. Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ 30

Ф О Л Ь К Л О Р И С Т И К А 38
Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Дни недели в системе представлений удмуртов о времени 38

Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е 55
Латышева В. А. Лирика Родины в мемуарах Питирима Сорокина (Зырянская юность мыслителя. Основы искусств. Природа и народ) 55

И С Т О Р И Я, А Р Х Е О Л О Г И Я, Э Т Н О Г Р А Ф И Я 62
Загребин А. Е. О языке этнографических текстов второй половины XVIII века (на примере описания финно-угорских народов России И. Г. Георги) 62
Мельникова О. М. «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих…» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей») 76
Бехтерева Л. Н., Васильева О. И. Удмуртское крестьянство накануне сплошной коллективизации 87

К У Л Ь Т У Р А, И С К У С С Т В О 98
Карм С. Эхо Урала в Эстонском национальном музее, или музеологический аспект эстонского концепта «финно-угорский мир» 98

Д И С К У С С И И, Г И П О Т Е З Ы 111
Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире 111

Р Е Ц Е Н З И Я 126
Никитина Г. А. Рец. на: Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа: Монография. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.: ил. 126

О Т З Ы В 133
Денисов В. Н. Уникальный труд Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» теперь доступен ученым Удмуртии 133

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ СОТРУДНИЧЕСТВА

Выходит очередной Ежегодник финно-угорских исследований. Изначально в основу идеи Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий, как и формирования материалов Ежегодника, положена концепция поликультурности (сосуществования и взаимодействия национальных и мировой культур в условиях глобализации). Организационно осуществляется периодичность выпусков – 4 сборника в год. Состав авторов – международный. В редакционный совет сборника входят известные финно-угороведы ближнего и дальнего зарубежья. Отрадно отметить, что каждый его выпуск – это совместный труд профессорско-преподавательского состава Удмуртского государственного университета и научных сотрудников Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, отмечающего в этом году свой 80-летний юбилей. Закономерно, что наше первое слово – о достижениях юбиляра.

Созданный как Научно-исследовательский институт им. 10-летия Удмуртской автономной области, сегодня Институт является одним из известных академических центров, получив признание в России и за рубежом своими исследованиями в области финно-угроведения.

Важность незаурядной тематики научных исследований и их практическая значимость, высокий теоретико-методологический уровень выполняемых работ подтверждаются выигранными грантами отечественных и зарубежных научных фондов.

Всем известны крупномасштабные проекты «Феномен Удмуртии» и «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа», благодаря которым открываются новые знания об этнополитическом развитии республики и сопредельных территорий в последнее десятилетие XX века. Междисциплинарный поиск реализуется в изучении историко-культурного ландшафта, особенно священных мест и обрядовых традиций народов Камско-Вятского региона. Еще одно направление, связывающее институт с европейским финно-угроведением, – изыскания в области истории, теории и практики этнографического изучения удмуртов и в целом финно-угорских народов России.

В аспекте разработки национально-регионального компонента и внедрения его в учебно-образовательный процесс сотрудники института ежегодно готовят учебники и учебные пособия, читают курсы лекций во всех вузах Удмуртии, осуществляют руководство курсовыми и выпускными квалификационными работами студентов Удмуртского государственного университета.

Не случайно в 2011 г. была создана в УдГУ базовая академическая кафедра этнологии и регионоведения, что подчеркивает тесную связь науки и образования, реализацию принципа интеграции науки и образования.

Научные сотрудники института – члены диссертационного совета, активно осуществляющие экспертную деятельность при проведении университетом конкурсов, реализуемых проектов и других мероприятий.

Значительна роль сотрудников института в создании Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар» и Архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай». Популяризация научных знаний и богатейшего культурного наследия дала мощный импульс для творческого переосмысления их роли в современном искусстве и для зарождения новых направлений в культурном процессе республики.

Удивляет и радует то, что, небольшой по составу сотрудников, институт отличается высоким уровнем их квалификации и выполняет важную функцию координатора исторических и филологических исследований в Удмуртии, организуя крупные проекты и объединяя усилия различных исследовательских центров.

Уважаемые коллеги! В день юбилея примите самые искренние и добрые пожелания дальнейших творческих успехов, крупных научных достижений, творческой атмосферы в коллективе! Тепла вам и радости!

Леонов Николай Ильич,
доктор психологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: nikolasleonov@rambler.ru

Leonov Nikolai Ilyich,
Doktor of Psychology, professor
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: nikolasleonov@rambler.ru

ЮБИЛЕЙНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Уважаемые друзья!

Примите мои искренние поздравления со знаменательным юбилеем Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН – старейшего научно-исследовательского учреждения нашей республики.

Восемь десятилетий, прошедших с основания Института, наполнены самоотверженным трудом истинных подвижников научного дела и настоящих патриотов нашего Отечества, сохраняющих и обогащающих духовные ценности, науку и культурное достояние народа Удмуртской Республики.

Отрадно, что сотрудники Института никогда не были сторонними наблюдателями жизни республики. Вы считаете своим гражданским и профессиональным долгом находиться в центре событий, помогать людям правильно их понять, воспитывать чувства патриотизма и гордости за родную землю. Это очень важное качество.

От всей души желаю вам праздничного настроения, здоровья, благополучия, успехов и радости в вашей очень нужной и важной работе!

Президент
Удмуртской Республики *А. А. Волков*

Ижевск, 21 сентября 2011 года

Уважаемые работники
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения
Российской академии наук

От всей души поздравляю вас с замечательным юбилеем Института!

В 80-летии вашего научного учреждения сплелись воедино и славная история, и яркое настоящее, и твердая уверенность в завтрашнем дне.

На протяжении всей своей деятельности Институт оказывал и продолжает оказывать существенное влияние на развитие Удмуртии и удмуртского этноса. Об этом свидетельствуют широта тематики научных изысканий, количество и качество подготовленных научных трудов, роль института в подготовке научных и педагогических кадров.

Вы по праву гордитесь страницами биографии Института, именами тех, кто стоял у истоков его создания, кто обеспечивает его авторитет и востребованность сегодня.

Желаю вам, уважаемые друзья, успехов в реализации творческих замыслов, доброго здоровья, оптимизма и благополучия!

Председатель
Государственного Совета
Удмуртской Республики *А. В. Соловьев*

Ижевск, 21 сентября 2011 года

Уважаемые коллеги!

Министерство образования и науки Удмуртской Республики сердечно поздравляет Вас с 80-летием со дня основания института!

Выражаем огромную благодарность за многолетнее сотрудничество в воспитании подрастающего поколения!

Деятельность института, направленная на изучение и сохранение историко-культурного наследия нашего края, является неоценимым вкладом в развитие культуры республики.

От всей души желаем удачи во всех начинаниях, оптимизма, здоровья и благополучия!

Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Министр
образования и науки Удмуртской Республики *А. Л. Кузнецов*

Ижевск, 2011

Уважаемый Алексей Егорович!
Уважаемые сотрудники института!

Сердечно поздравляю вас со знаменательной датой – 80-летием со дня основания Удмуртского института истории, языка и литературы!

Исторические вехи пройденного пути свидетельствуют об огромном потенциале научной мысли, внесшей уникальный вклад в развитие фундаментальных и прикладных исследований в области финно-угроведения.

Благодаря целеустремленности, огромной созидательной энергии, творческому поиску, высокому профессионализму, умению бережно хранить заложенные традиции ваш коллектив неизменно добивается успехов в осуществлении самых смелых планов и идей.

Сегодня Удмуртский институт истории, языка и литературы по праву является координирующим центром гуманитарных наук в республике, получившим признание в России и за рубежом.

В этот праздничный день примите пожелания творческих успехов, научных поисков и новых обретений, крепкого здоровья, благополучия и удачи!

С уважением,
Министр культуры, печати и информации
Удмуртской Республики *Д. Е. Иванов*

Коллективу Удмуртского института
истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Президиум Уральского отделения Российской академии наук от всей души поздравляет вас с 80-летним юбилеем института!

Начав свою жизнь в рамках Научно-исследовательского института им. 10-летия Удмуртской автономной области, сегодня Институт является одним из известных академических центров, получивших признание в России и за рубежом своими исследованиями в области финно-угроведения.

Важность незаурядной тематики научных исследований и их практическая значимость, высокий теоретико-методологический уровень выполняемых работ подтверждаются выигранными грантами отечественных и зарубежных научных фондов.

В день юбилея примите самые искренние и добрые пожелания дальнейших творческих успехов, крупных научных достижений и творческой атмосферы в коллективе!

Председатель УрО РАН
академик *В. Н. Чарушин*

Главный ученый секретарь УрО РАН
д.э.н. *Е. В. Попов*

Дорогие друзья!
Президиум Удмуртского научного центра
Уральского отделения РАН
от всей души поздравляет вас со знаменательным юбилеем –
80-летием образования Удмуртского института
истории, языка и литературы УрО РАН!

Вы прошли славный трудовой путь от Научно-исследовательского института Удмуртской автономной области до Учреждения Российской академии наук, широко известного в стране и за рубежом научными изысканиями в области финно-угроведения.

Ваши достижения в изучении истории и культуры народов Камско-Вятского региона с древности и до современности, в исследовании памятников истории и культуры Удмуртии вносят весомый вклад в копилку не только отечественной, но и мировой гуманитарной науки, о чем свидетельствуют многолетние научные связи Института с Финляндией, Венгрией, Эстонией и другими странами. В вашем коллективе сегодня плодотворно трудятся доктора и кандидаты наук, научные сотрудники, специалисты, являющиеся передовым отрядом Удмуртского научного центра УрО РАН.

Желаем вам, дорогие друзья, крепкого здоровья, счастья, благополучия, уверенности и научного задора, дальнейших успехов и свершений на благо российской науки!

Председатель Президиума
Удмуртского научного центра УрО РАН
академик *А. М. Липанов*

Главный ученый секретарь
Удмуртского научного центра УрО РАН
к.х.н. *А. В. Трубачев*

Ижевск, 2011 г.

Уважаемый Алексей Егорович!

Примите сердечные поздравления от архивистов республики и Удмуртского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов.

Позади – большая история, нелегкий путь постижения истины, научные открытия, весомые достижения. Впереди – огромное поле для дальнейшей работы на благо Удмуртии. Науку продвигают вперед увлеченные, неравнодушные люди. Мы верим, что во всех делах и начинаниях коллектив института ждет успех и у академической науки Удмуртии есть будущее.

Искренне благодарим Вас и Ваших коллег за многолетнее и плодотворное сотрудничество.

Председатель Комитета по делам
архивов при Правительстве
Удмуртской Республики *Н. В. Тойкина*

Председатель правления
Удмуртского республиканского
отделения РОИА *Н. К. Коробейникова*

21.09.2011

Глубокоуважаемые коллеги, друзья!

От имени Объединенного совета по гуманитарным наукам УрО РАН и коллектива Института истории и археологии УрО РАН сердечно поздравляем вас со знаменательным юбилеем – 80-летием со дня создания Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН!

За истекшее время пройден значительный путь, позади трудности становления, противоречия творческого поиска, связанные с вхождением в большую науку. Сегодня Институт вышел на новые рубежи и, благодаря накопленному багажу опыта и знаний, уверенно перешагнув границу третьего тысячелетия, целенаправленно двигается к новым высотам!

Ценим сложившееся взаимодействие между нашими организациями, реализующееся в совместных исследованиях и решении проблем гуманитарных наук. Уверены, что Ваши интеллектуальные возможности, помноженные на славные традиции, и впредь будут служить на благо российской гуманитарной науки. В этот замечательный день искренне желаем вам благополучия, крепкого здоровья, бодрости духа и новых творческих успехов!

Председатель Объединенного совета
по гуманитарным наукам УрО РАН,
директор Института истории и археологии УрО РАН,
академик РАН *В. В. Алексеев*

Уважаемый Алексей Егорович,
уважаемые сотрудники Удмуртского института истории,
языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук!

Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузебая Герда сердечно поздравляет вас со знаменательным юбилеем – 80-летием.

На протяжении многих десятилетий между Национальным музеем и вашим институтом сложились разносторонние творческие отношения.

Благодарим Вас за поддержку наших творческих планов и заинтересованное участие в работе музея. Примите, дорогие юбиляры, искренние пожелания новых успехов, здоровья, личного счастья и благополучия.

Директор Национального музея
Удмуртской Республики им. К. Герда *Р. Ф. Мартынова*

21.09.2011

Уважаемые коллеги!
Дорогие друзья!

От имени коллектива Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан сердечно поздравляю Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН со знаменательной датой – 80-летием со дня основания!

80 лет для института – это зрелый возраст, которому присущи дух созидания, радость творчества, ясное видение путей дальнейшего развития. Это возраст мудрости, способной объединить опыт прошлого и предвидение будущего. Это возраст свершений и ожиданий – как от самих себя, так и от коллектива единомышленников.

Нас объединяет общая цель – служение науке и обществу во имя сохранения и развития родного языка, укрепления национального самосознания, морально-нравственных и культурных устоев наших народов.

От всей души желаю вам крепкого здоровья, благополучия, творческого вдохновения и успехов в самых смелых проектах и начинаниях!

С уважением,
директор Института
профессор, член-корреспондент АН РТ *К. М. Миннуллин*

21.09.2011 г.

Уважаемые коллеги!

Коллектив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия сердечно поздравляет Вас с замечательным юбилеем – 80-летием со дня образования института!

В этот торжественный день примите искренние пожелания новых успехов, достижений и инициатив! Желаем всем сотрудникам института крепкого здоровья, творческого долголетия, неиссякаемой энергии, плодотворного сотрудничества, ярких научных свершений!

Директор
Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
доктор исторических наук,
профессор *В. А. Юрченков*

Дорогие друзья!

80-летний юбилей института УрО РАН – праздник, который для Союза писателей Удмуртии особенно дорог. Под сводом здания института в 20-30-е годы минувшего столетия создавалась Книга исторического пути удмуртского народа, летопись его культуры, литературы и развития национального языка.

Институт выполняет роль координатора исторических и филологических исследований в республике, способствует развитию культуры удмуртского этноса, играет важную роль в воспитании плеяды выдающихся представителей национальной интеллигенции.

Поздравляем директора института и его коллег, желаем крепкого здоровья, творческих успехов, счастья и яркого негасимого сияния звезды под названием УИИЯЛ УрО РАН.

Председатель правления Союза писателей УР *Е. Е. Загребин*

Ижевск, 21 сентября 2011 года

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511.1-115

Д. В. Цыганкин

ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСТОРИЕЙ ЗАСЕЧНЫХ ЧЕРТ

В статье подробно рассматриваются топонимы (в основном ойконимы), возникновение которых связано со строительством оборонительных сооружений на южной и юго-восточной границах Русского государства.

Ключевые слова: топонимы, ойконимы, засечная черта, этимология.

Возникновение многих топонимов зависит от конкретных исторических событий. Так, строительство сторожевых черт и их функционирование – это одна из страниц истории мордовского края. *Засеками* в XVI–XVII вв. называлась система оборонительных сооружений на южной и юго-восточной границах Русского государства – для защиты от нашествия татар, а также в качестве опоры при наступлении.

Термин происходит от слова засека – «преграда из срубленных и наваленных деревьев». Засечные черты состояли из тесных завалов – засек, которые дополняли естественные препятствия местности, чередуясь с безлесными промежутками, частоколами, надолбами, земляными валами. На путях наиболее частых вторжений татар строились города-крепости. Оборона засечных черт осуществлялась пограничной стражей. Протяженность их на территории мордовского края была довольно велика. Часть первой сторожевой (засечной) линии была проложена от Темникова до Алатыря (1552–1556). В 1638 г. началось строительство новой засечной черты: от Сурского Острога на Атемар, Саранск, Шишкеево. Она протянулась более чем на 100 *км*. По мордовской земле проходила еще одна укрепленная линия – Инсарская. В районе села Хованщина она соединялась с Атемарско-Саранской линией [1]. Она возводилась с 1647 по 1653 год.

Одновременно с засечными чертами начинается «земельное приобретательство» дворянами земли плодородных долин рек Суры, Мокши, Инсара, Сивини – усиленный процесс раздачи мордовских земель светским и духовным феодалам, местным мордовским мурзам, служилым людям.

В Присурье и Примокшанье со второй половины XVI в. усиливается приток мордовского населения из районов, примыкающих к Темникову, Арзамасу и Алатырю. Этим движением были охвачены и русские люди: станичники, бортники, сторожа и крестьяне, бежавшие от тяжелого гнета помещиков из центральных уездов России. Сюда же продвигается и некоторая часть татар, осевших ранее в районах, прилегающих к Темникову. Значительная часть мордовских земель перешла в государственный фонд, вследствие чего в мордовском крае открылась возможность насаждать поместную систему: стали вырастать новые села, деревни, слободы и города.

С возникновением поселений появились и новые названия, этимологически свидетельствующие о тяжелом труде крестьян на строительстве засечных черт, о самовольном захвате крестьянской пашни, лугов и других угодий русскими помещиками, об эксплуатации населения края русскими, мордовскими и татарскими феодалами. Новые топонимы – это и память об истории многих городов МАССР, бывших крепостей на засечных чертах. Например, г. Ардатов – прежние крепостные ворота на Темниковско-Алатырской засечной черте. На их месте стало развиваться село, а затем и город.

В «Книге письма и меры писцов Д. Пушечникова да подьячего А. Костяева мордовских и буртасских земель...» (1624, 1625, 1626) упоминается мордовская деревня Ардатово [2], что говорит о существовании селения еще до «Книги письма...». Часть его жителей несла сторожевую службу на засечной черте. Название связано с мордовским дохристианским именем Ордатка (от *ордадомс* «обидеться», *ордакш* «обидчивый», «ломака», «зазнайка»). Опорным пунктом-крепостью на оборонительной линии был Инсар. Его основание датируется 1647–1653 гг. В названии в свою очередь отражается гидроним (река Инсар), составленный из двух мордовских слов: *ине* – «большой» и *сар*/*сара* – «ответвление», «развилка», «приток» (букв. «большой приток реки»). И. К. Инжеватов трактует слово *сар*/*сара* как «место заосоченное, заболоченное» [3], что, на наш взгляд, не соответствует внутренней форме этого термина.

Начало постройки острога-крепости Саранск датируется 1641 годом. Выбранное место было весьма удачным: острог расположился при впадении реки Саранки (от которой и получил свое имя) в реку Инсар. Здесь сходились большие дороги – Крымская (из Крыма в Казань) и Московская (из прикаспийских степей в Москву) [4]. В основе топонима Саранск лежит слово *сара*, относящееся к финно-угорскому фонду лексики и унаследованное общемордовским языком в формах *сар*/*сара*/*сур*/*сура* «ветвь», «разветвление, развилка». В таком значении оно сохранилось и в других родственных языках: фин. *saara* «разветвление», *joehaara* «рукав реки», кр. *шуара* «развилка», вепс. *sara* «разветвление», саам. *суурр* «ветвь, развилка». На территории русского Севера *сара*/*сора* нередко встречается в самостоятельном топонимическом употреблении: *Сара, Сора, Свара, Сарга*. Эти названия небольших рек, а также населенных пунктов, расположенных на их берегах, широко распространены в Ленинградской области, особенно в бассейнах рек Свияж и Паша [5]. Ошибочно, на наш взгляд, утверждение И. Д. Воронина, что Саранск получил свое имя от названия урочища, откуда река Саранка берет свое начало – **Саразкурт** (*вирь сараз* «тетерев» + *курт* «куст», букв. «место сбора тетеревов») [6]. Полагаем, что неправ и Г. Н. Петерсон,

предположивший, что название восходит к тат. *сара* «желтый» или *заран*: «...саранская местность могла быть названа от множества желтых цветков, которые и ныне изобильно покрывают низменность по берегам рек Тавлы и Инсары около Саранска, но есть и другое татарское слово, в котором более явственно слышится имя города, это *заран*, что означает “зловредный”. Если имя города произошло от этого слова, то, вероятно, потому, что низменная и болотная местность, примыкающая к городу, в старину особенно славилась жестокими и упорными лихорадками» [7].

В середине XVI в. в Мещерском крае начинает строиться Темников, ведущий свою историю от Старого Города, который был основан в 1536 г. как один из опорных пунктов-крепостей на засечной черте [8]. По поводу его названия в краеведческой литературе нет единого мнения [9]. Вслед за И. К. Инжеватовым мы склонны усматривать в нем тюркский элемент – *темень*/*тюмень* «множество», «десять тысяч» [10]. В средневековой Монголии *тумэн* – «полк», «войско, состоящее из 10 тысяч человек», «какая-либо территориальная общность населения», «улус» [11]. Темник – это военачальник над Тюменью, тьмою, то есть десятью тысячами населения. Названия *Темников* и *Тюмень* (Тюменская обл.), ст. *Тюмень-Арык* (Казахстан) и др. этимологически, по-видимому, связаны единой внутренней формой, общим значением – «множество людей». По мнению темниковского краеведа А. А. Чернухина, «когда безымянная (Старогородская) крепость была включена в так называемое Касимовское царство, то вполне возможно, что в ней жил татарский темник – начальник над «тьмою», т. е. десятью тысячами населения, поэтому и сложилось название “Темников”» [12].

Засеки – это не только города-крепости. Значительно их влияние на историю многих населенных пунктов не крепостного назначения, в частности села Атемар (ныне Лямбирский р-н), основанного в 1640 г. как опорный и сборный пункт на Саранской засечной черте. Гарнизон Атемарской крепости состоял из казаков, стрельцов и пушкарей. Вокруг него возникли придворные поселения, где жили служилые люди. Память о них сохранилась в названиях Пушкарские Выселки и Стрелецкая Слобода. Существовали также поселения посадского типа. Так, Посад (от рус. *посадити* «поставить», «устроить») – крупный населенный пункт, состоящий из постоялых дворов, лавок и дворов торгово-промышленных людей, а также *посопные* слободы – Посопная Слобода (отсюда Посоп), где жили крестьяне, платившие *посопный* хлеб (который они обязаны были доставлять в город-крепость и ссыпать в основные хлебные амбары).

Название **Атемар** – эрзянское. В нем отражается строительство опорного пункта на речке Атемарьке. *Атямарь* – эрзянское название *вишни* (старый, большой, главный + *марь* «ягода, плод»). Местность, где возник опорный пункт, была заселена эрзей. Некоторые исследователи связывают *Атемар* со значением «старый холм», не учитывая при этом мордовского произношения названия.

В 15 *км* от села Атемар находится населенный пункт **Воротники** (Лямбирьский р-н). Название его связано с историей служилых людей – **воротников**, несших службу у охранно-контрольных ворот. Недалеко от Атемарско-Саранской засечной черты они основали поселение, которое и получило имя Воротники (ср. у В. И. Даля **воротник** «вратник», «приворотник», «сторож у ворот» [13]).

Появление нескольких населенных пунктов в Инсарском районе связано с засечной чертой. Среди них – Засечная Слобода (село в Инсарском р-не). Оно возникло как поселение стражников-солдат, набиравшихся из жителей различных сел (по 1 человеку с 20 дворов). Во второй половине XVI века засечная стража насчитывала от 30 до 35 тысяч ратных людей [14]. Слобода – это тип древнего поселения. В пределах Мордовской АССР этот термин отмечен более чем в 10 географических названиях, многие из них – отголоски эпохи засечных черт. Инсарская черта имела несколько слобод. Кроме упомянутой Засечной Слободы, «архив земли» сохраняет для потомков Потижскую Слободу. Две другие – Лухменская и Кортляевская – сейчас не существуют. Были также слободы Ямская, Солдатская, дошедшие до нас в топонимии. Новоямская Слобода – село в Ельниковском р-не. Его история соотносится с историей Темникова. Город-крепость, как любой другой военно-оборонительный пункт на засеках, имел свои спутники-поселения, называемые слободами: Стрелецкая, Пушкарская, Солдатская, Ямская. Солдатские слободы – спутники городов-крепостей – имелись на всех засечных чертах, они назывались Солдатское, Солдатчино, Солдатская Слобода. Память о них сохраняют два населенных пункта с названием Солдатское – это села в Ардатовском и Октябрьском р-не Саранска.

С Инсарской засечной чертой связывает свою историю населенный пункт Стрелецкая Слобода – село Рузаевского района (на берегу реки Левжа). Название **стрелецкая** указывает на то, что в нем жили стрельцы, служившие на Инсарской засечной черте.

Есть в Старошайговском районе, на правом берегу реки Рудня, населенный пункт Ингенер-Пятина, основанное служилыми казаками Шишкеевского острога. Казачьи разъезды служилых людей входили в общую систему защиты государственной границы. По мнению краеведов И. Д. Воронина и А. С. Тувина, населенный пункт Ингенер изначально был передним наблюдательным пунктом, или постом, на засечной сторожевой черте. Д. В. Живайкин в статье «Село Ингенер Пятина» (Трудовая правда. 1978. 13 апреля) связывает данное название с географическим расположением у подошвы наиболее выпятившейся руднянской гряды гор.

Биография каждого из названий – это лишь небольшая живая веточка в великой кроне того дерева, которое мы называем историей народа. Ничем иным, как историко-топонимическим памятником является, например, наименование Алтары (село в Ромодановском р-не). Населенный пункт Рейтарский основан вблизи Атемарской засечной черты темниковскими татарами, служившими *рейтарами* на черте и проживавшими в нем. Рейтары (нем. Reiter «всадник») – вид кавалерии, появившейся в наемных армиях Западной Европы в XVI в. В России с 1630-х гг. и до конца XVII в. существовали рейтарские полки. Такой полк стоял и на засечных чертах, проложенных в мордовском крае. За свою службу рейтары получали денежное жалование, а некоторые – землю, поместья.

В «Атемарской десятне 1660–1670 годов» перечисляются жители, которые служат «великого государя рейтарскую службу». Татары-рейтары селились не только в Рейтарском, но и в других местах. Некоторые из них стали основателями различных поселений, и их имена запечатлелись в названиях (например, **Аксеново** –

татарское село в Лямбирском р-не). В «Атемарской десятне» сообщается, что Сюнбайко Аксенов служил рейтаром в Саранском уезде и имел землю [15].

Шишкеевская крепость-острог возникла в 1638–1641 гг. [16]. Здесь несли службу татары и мордва. В частности, группа пушкарей была из мордовской деревни Кулдым [17]. Были тут и казаки деревни Ингеняр. Такие названия, как Шишкеевская Казачья Слобода, улица Пушкарка, Стрелецкая Слобода, напоминают нам о былом военном значении. Название Шишкеево – гидронимического происхождения, в его основе лежит слово *шиш*/*шеше,* означающее «река, речка» и находящее соответствие в хантыйском языке *шишенг* «быстрая, маленькая речка» и в мансийском – *шош* «ручей».

Возведение сторожевых черт открыло новый важный период в истории мордвы. Началось, как сказано выше, усиленное заселение мордовских земель, особенно черноземных долин Суры, Инсара, Мокши, Виндрей и Иссы, русскими. Стали заметными миграционные процессы, активизировался отток части мордовского населения на юго-восток. Эти крупные изменения не могли не сказаться на этноязыковом развитии мордвы и топонимии бассейна этих рек. Возникают русские поместные поселения стольников и князей Ромодановских, Голицыных, Бутурлиных, Барятинских и помещиков Дубасовых, Жуковых, Торбеевых и др., получивших одними из первых в западной части Мордовии земельные угодья, на которых возникают поселения под названиями Жуково, Торбеево, Богданово.

Наименования поселений отражаются в «языке земли», передаются из поколения в поколение. Одним из них является Ромоданово. Более 350 лет тому назад мордовская деревня Кошкомра, расположившаяся на берегу реки Инсар, в 1622 г. по «жалованной грамоте царя Михаила Федоровича» была передана стольнику князю Ивану Ивановичу Ромодановскому. Князь здесь получил более 110 гектаров земли [18]. Деревня по фамилии своего владельца стала называться Ромоданово. Атемарская засечная черта прокладывалась недалеко от Ромоданова, и близость эта не могла не отразиться на образе жизни населения. Многие жители были мобилизованы для строительства, в их числе были служилые люди, несшие дозорную службу.

Таким образом, XVI–XVII столетия – время интенсивного формирования элементов топонимической системы Мордовии, обусловленного историческим процессом, в частности постройкой оборонительных черт.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Вепс. – вепсский; кр. – карельский; нем. – немецкий; рус. – русский; тат. – татарский; фин. – финский; э. – эрзянский; ДМ – документы и материалы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Герасимов А. И.* Ромоданово. Саранск, 1981. С. 9.
2. См.: *Захаркина А. Е., Конеников С. С., Ишунин Д. А.* Ардатов. Саранск, 1966. С. 4.
3. *Инжеватов И. К.* Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1979. С. 69.
4. См.: *Воронин И. Д.* Саранск. Саранск, 1961. С. 24.
5. См.: *Кисловский С. В.* Словарь географических названий Ленинградской области. Л., 1974. С. 144.

6. См.: *Воронин И. Д.* Указ. соч. С. 33.

7. *Петерсон Г. Н.* Краткий очерк достопримечательности г. Саранска и Саранского уезда: Сборник Пензенского губернского статистического комитета. СПб., 1899. Вып. 4. С. 35.

8. См.: *Чернухин А. А.* Темников. Саранск, 1973. С. 13.

9. См.: *Воронин И. Д.* Достопримечательности Мордовии. Саранск, 1967. С. 150–152.

10. См.: *Инжеватов И. К.* Указ. соч. С. 189.

11. См.: *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 569–570.

12. *Чернухин А. А.* Указ. соч. С. 17–19.

13. См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1959. Т. 1. С. 245.

14. См.: БСЭ. 1972. Т. 9. С. 381.

15. ДМ. 1953. Т. 3. Ч. 2. С. 233.

16. См.: *Воронин И. Д.* Саранск. С. 40.

17. См.: Там же.

18. См.: *Герасимов А. И.* Указ соч. С. 11.

Поступила в редакцию 11.02.2011

D. V. Tsygankin

Toponyms associated with the history of the Zasechnaya Cherta (Great Abatis border)

The article considers the toponyms (mostly oykonims), the origin of which is associated with the construction of fortifications on the Southern and South-Eastern borders of the Russian State.

Keywords: toponyms, oykonims, Zasechnaya Cherta (Great Abatis border), etymology.

Цыганкин Дмитрий Васильевич,
доктор филологических наук, профессор,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск
E-mail: cygankin@yandex.ru

Tsygankin Dmitry Vasilievich,
Doctor of Philology, professor,
Mordovian State University
Saransk
E-mail: cygankin@yandex.ru

УДК 811.511.1’373.21 + 811.511.1’373.613

Т. Н. Дмитриева

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ НА КАЗЫМЕ И ТАИНСТВЕННАЯ РЫБА ВАНКАР

В статье рассматриваются важные источники этноисторической информации, сохраняющие сведения о лингвоэтническом взаимодействии на Казыме и об истории формирования современной топонимической системы Казымского региона.

Ключевые слова: топонимическая система, бассейн реки Казым, коми-обско-угорские этнические и языковые контакты.

Топонимия бассейна реки Казым, преимущественно хантыйская, многогранно отражающая освоение территории региона казымскими ханты, является важным источником этноисторической информации, сохраняющим сведения о лингвоэтническом взаимодействии на Казыме с далекого прошлого до наших дней.

Формирование современной топонимической системы Казымского края происходило при участии многих поколений местных жителей, и не только ханты. Участниками этнических и языковых контактов на Казыме являются ханты, ненцы, коми, манси и русские. Многочисленные свидетельства этих многосторонних и разновременных контактов выявлены в топонимии Казыма [См.: 2. С. 414–492].

Ценный материал о контактах казымских ханты с другими народами можно найти и в текстах хантыйского фольклора, опубликованных в последние годы.

Так, одно из хантыйских преданий – «Как ханты на р. Казым переехали» было записано Т. А. Молдановым и Т. А. Молдановой в 1997 г. у казымского ханты П. И. Сенгепова. Здесь повествуется о том, как первые ханты переселились с Сосьвы на Казым и встретились там с коми-зырянами, которые и были жителями Казыма:

«*Сказывают, на р. Казым раньше коми жили, зыряне жили, долго ли жили, хорошо ли жили. Однажды с Большой Сосьвы, с той стороны Оби один мужчина-ханты приехал, земли решил посмотреть. У того человека было немного оленей. Решил он посмотреть, что за земля казымская. Звали его Лосьми. Поехал Лосьми*

вверх по р. Казым. Доехал до Вош-Югана. Стал там жить. Как-то решил съездить на свою родину в гости, люди спрашивают его: “На новые земли переехавший человек, какая же там земля? Для нас найдется или нет?” Отвечает Лосьми: “Как не найдется, да вот только севернее меня зыряне с оленьими стадами живут”. Говорят сородичи: “Ну и что, пускай они пасут оленей еще севернее”.

С тех пор каждый год по две-три семьи стали переезжать с Сосьвы на Казым. Хантов становилось все больше и больше. Со временем их стало совсем много.

У зырян, что севернее жили, олени не стоят на одном месте. Стали олени на р. Казым приходить. По поводу оленей между хантами и зырянами споры начались. Зыряне обвиняют переехавших с Большой Сосьвы: “Вы не диких оленей добываете, а наших, домашних”.

В то время на казымской земле, повсюду, дикие олени паслись. Говорят ханты: “Нет, мы только диких оленей добываем, мы видим, что ваши олени по всей земле разбрелись, вот что, давайте меняться. Вам с оленями нужно переехать на другую сторону Оби, откуда мы прибыли, там пастбища очень хорошие, зимние пастбища хорошие и пойменные места есть”. Зыряне отвечают: “Да как же мы переедем, землю не посмотрев”. Две зырянские семьи собрались, на другую сторону Оби переехали. Стали жить, земля и в самом деле для оленей хорошая, пастбища хорошие. Вернулись они как-то к своим, рассказывают про те хорошие земли. Ханты советуют им: “Вам нужно переехать, земли для всех хватит”...» [4. С. 121–122. Перевод Т. А. Молданова].

И дело кончилось тем, что зыряне ушли с Казыма на Сосьву, а ханты стали жить на Казыме.

В этом тексте есть одна очень важная деталь, речь о которой и пойдет далее. Согласно преданию, в Казыме тогда водилась рыба **ванкар**, и ее тоже забрали и увезли с собой на Сосьву зыряне:

«*В те времена на р. Казым рыба какая-то вкусная была, ее называли ванкар. Зырянам жалко было эту рыбу оставлять. Среди них был шаман, он и говорит соплеменникам: “Ванкар мы с собой заберем. Поймаем живых рыбок, перевезем их в Сосьву, там отпустим. Вслед за ними и вся рыба туда переберется жить”. Мордой* [ловушкой] *или еще как-то выловили они эту рыбу, четыре или пять рыбок в берестяных ведрах перевезли на Сосьву и там выпустили. Вот так и увезли с р. Казым рыбу ванкар, а земля осталась за хантыйскими людьми…*» [4. С. 122].

Интересно, что, по данным путевых описаний Г. Ф. Миллера 1740 г., относящихся к реке Казым, слово (он пишет: «название») «**Wangr** означает рыбу земга (то есть семга. – *Т. Д.*), несмотря на то, что она не встречается ни в этой местности, ни где-либо еще в Сибири. Она известна остякам вследствие соседства реки Печоры, где этой рыбы очень много» [9. С. 252].

Если говорить о Печоре, то о ней казымским хантам, по-видимому, действительно было известно давно, о чем свидетельствуют в том числе и данные фольклора. Ведь не случайно среди персонажей гостей, приходящих на медвежий праздник, традиционно проводимый у обских угров в честь добытого медведя, есть так называемые *печары*, по-хантыйски *петщар ёх* – гости с Печоры (хант. *ёх* – ‘народ’). По словам одной из жительниц с. Полноват, «*Их три,* ***хөлөм*** *петщар. Как будто они оттуда, с* ***Петщар-вош*** (то есть ‘из Печар-города’)*, с Печоры*

приехали. Они тоже свою песню привезли на праздник. ***Петщар Ас*** *где-то есть, Печорский Обь,* ***ӆантәӊ Петщар, хӱӆәӊ Петщар*** (‘изобильная П., рыбная П.’). *Говорят: “Мы свою пляску привезли, свою песню привезли, Потом оставим вам это все”. Приехали как рассказывать про свои земли, про свои угодья. Они хорошие люди пришли*» (Ользина М. А. 1993 г., с. Полноват Белоярского р-на. Полевые материалы автора).

Вариант этой же песни («Песня Печерских (масок)») был записан Н. В. Шабаршиной (Молдановой) также в 1993 г. от Е. Е. Молдановой в д. Ванзеват Белоярского р-на. Ср.:

«Семь Печерских в берестяных масках,
Семь Печерских в облезлых малицах <…>
С вод обильной Печеры,
С вод рыбной Печеры
В веселый дом, где находится болотный зверь,
Вот мы приходили»*.

Заметим, что относительно этнической принадлежности *печаров*, которых соотносят с летописной печерой рубежа II тысячелетия, ясности нет: в них видят и пракоми, и праненцев, и отмечают участие части печаров в формировании современной народности манси [См.: 10. С. 54; 14. С. 16]. В последнее время археологи предполагают, что в позднем средневековье восточная часть региона Печорского Приуралья входила в единую с нижним Приобьем этнокультурную область, заселенную угорскими этносами. Впервые выделены древности позднего средневековья, сопоставляемые с печерой, в культуре которой прослеживаются как пермские, так и зауральские угро-самодийские элементы [15. С. 217–218].

Обозначающее рыбу семга слово **Wangr**, о котором речь шла выше, входит в состав зафиксированного Миллером [9. С. 252] хантыйского названия реки **Wangr-wasch-jugan,** притока Казыма в верхнем течении.

Можно было бы предположить, что Миллер недостаточно точно записал этот топоним, поскольку та же река имеет современное название *Вовәр вош юхан* «Река городка Вовра», а **Вовры**, по легенде, был одним из сыновей того самого первого казымского ханты по имени Лосьми**. Но если Миллер не ошибся, то где же следует искать слово **Wangr**, или **ванкар**?

В хантыйских словарях название семги вообще отсутствует, так как она не водится в реках на территории проживания ханты. В словарях коми языка слово *ванкар* или сколько-нибудь похожее на него также не фиксируется, хотя, казалось бы: если, согласно легенде, зыряне забирали с собой *свою* рыбу, то она и называться должна была *по-зырянски.* Однако современные коми называют семгу *сьӧмга* или *чими*, в вымском диалекте отмечено также *вый чери*, букв. ‘масляная рыба’ [См.: 1. 622, 701; 5. С. 659, 743; 22. С. 356].

---

* См.: [16. С. 24–27 (хантыйский текст), С. 141–142 (русский перевод)].

** «У Лосьми было семь сыновей. Самого старшего звали Вовры. Второго сына звали Шохрен (Щохрәп), третьего – Йисхо, четвертого – Йисра. После него был сын по имени Мувча, затем Сень. Самого младшего, седьмого сына звали Крылатый Пастар, еще у него было имя Мужчина с каменным сердцем» [4. С. 123].

Любопытные совпадения неожиданно обнаружились в языке манси.

В материалах Топонимической экспедиции УрГУ есть мансийская лексическая картотека, собранная в полевых условиях в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в ходе работы с манси-оленеводами на Северном Урале. В этой картотеке имеется (к сожалению, единственная) карточка, на которой в 1971 г. от верхнелозьвинского манси Николая Васильевича Анямова из селения Керасколынгъя павыл записано: «*waŋkər χul* – семга», и здесь же, в скобках, очень важное примечание: «*waŋkər* – крючок».

Согласно мансийскому словарю Б. Мункачи–Кальмана, в северном диалекте мансийского языка *vāŋkėr ~ vaŋkari* [*wāŋkər*], в тавдинском v*ėŋėr ~* v*ėnγėr* – это ‘крюк’, ‘крючок’, (в тавд. также) ‘щипцы, клещи’, (в сев. также) ‘вид рыбы, семга, стерлядь / Salmo salar’ [23. С. 717].

Название семги у северных манси вполне может отражать особенности внешнего вида этой рыбы: известно, что СЕМГА (Salmo salar) или ЛОСОСЬ БЛАГОРОДНЫЙ «в море питается мелкой рыбой и ракообразными, а входя в реки для нереста, он перестает питаться и сильно худеет. Брачный наряд выражается в потемнении тела и появлении на боках тела и голове красных и оранжевых пятен. У самцов удлиняются и искривляются челюсти, на верхней челюсти образуется крючкообразный выступ, входящий в выемку на нижней челюсти» [26; 28].

Согласно другим описаниям Salmo salar, «У половозрелых самцов на переднем конце нижней челюсти имеется крюк, который входит в выемку верхней челюсти»; «Самцы приобретают **брачный наряд**: нижняя челюсть у них увеличивается и крючкообразно изгибается, увеличивается высота тела» [25].

Но если семга не водится в сибирских реках*, как могли северные манси узнать о ней? Как слово попало на Казым? Существуют ли лексемы, родственные мансийскому *wāŋkər*, в языке ханты? – все эти вопросы требуют ответа.

---

* «На всем протяжении Сибири представителей рода Salmo нет. Они появляются лишь на берегах Тихого океана, где в реках по азиатскому и американскому берегу обитают особые виды…» [27]. «Места нагула семги – северная часть Атлантического океана. Отсюда она входит на нерест в реки Европы, от Португалии на юге до Белого моря и р. Кары на севере. …В наших реках, впадающих в Баренцево и Белое моря, с августа до замерзания идет крупная осенняя семга» [26]. Средний вес лосося в Онеге и в Печоре составляет 7,5–8,8 кг [25].

Начнем с хантов. По данным «Диалектологического и этимологического словаря хантыйского языка» В. Штейница, оказывается, что родственные мансийским однокоренные лексемы, образованные от глагольной основы с исходным значением ‘ползти’ (далее > ‘спотыкаться, запнуться’ > ‘задеть, зацепиться’ > ‘крюк, багор’ > ‘достать’ и т.д.), широко представлены в хантыйских диалектах, в том числе: сын. *waŋkər-* ‘ползать’, обд. *vangïr-* ‘делаться кривым’, казым. *waŋ‘ri-* ‘вытаскивать (уголь)’, *waŋkərmə-* ‘схватывать крючком’, обд. *wȧŋkər* ‘крюк у держателя котла’ (то есть приспособления, на котором котел подвешивается над огнем. – *Т. Д.*), шерк. (в песнях) – *wiŋkər* ‘разрывающий крючок (Reißhaken) для рыбы и т.д.’ (самолов? острога? – *Т. Д.*), также конд. -*wȧŋkrəp*, казым. *waŋ‘rєp*, обд. *wȧŋ‘rep*, берез. *vankrip* ‘крюк’ – как и манс. пелым., вагильск. *waχrp*, в-лозьв., сосьв. *wāŋkrip* ‘крюк’ [См.: 24. С. 1608–1610].

В современном словаре казымского диалекта названия для семги также отсутствуют, но есть ***ваңкарєң*** ‘кривой’, ***ваңкәртті*** ‘зацепить’, ***ваңкріті*** ‘подцеплять’, ***ваңкті*** ‘ползти, уползти’ [21. С. 36–37].

Следовательно, слову *ванкар* найдено место среди обско-угорской лексики, и зафиксированный Миллером «из устных известий» в первой половине XVIII в. казымский топоним **Wangr-wasch-jugan** (в транскрипции его можно записать как *waŋkər wəš jŏχan*) имеет в своем составе компонент мансийского происхождения. Значение топонима – «Река городка Сёмги» (или «Сёмжего городка», как переводил екатеринбургский историк А. Т. Шашков, изучавший угорские княжества XVI–XVII вв. и городки этих княжеств [См.: 3. С. 147; 11. С. 137]). Только надо иметь в виду, что семга (Семга!) в данном случае вполне может быть антропонимом, называющим хозяина городка (вспомним того же легендарного Вовры). Но уже и во времена Миллера «здесь не обнаруживались следы старой крепости, что обычно предполагает слово **Wasch**» [9. С. 252]. Как отмечает А. Т. Шашков, этот городок уже к концу XVI в. прекратил свое существование [3. С. 147; 11. С. 137].

Манси Северной Сосьвы познакомились с семгой, возможно, благодаря коми, встречаясь с ними на восточном и на западном склонах Урала, и назвали ее по-своему: *waŋkər χul* – букв. ‘крючок-рыба’. В ходе миграции манси на Казым это название стало известно и хантам: не случайно сообщается в предании, что Вовры приехал на Казым «с Большой Сосьвы». Значит, мы можем говорить, что перед нами еще одно вероятное свидетельство участия сосьвинского населения в формировании территориальной этнической группы казымских ханты*.

Известно, что коми много столетий назад, причем задолго до русских, начали осваивать земли к востоку от Урала, и «зырянский след» на Сосьве обозначен достаточно хорошо**. Убедиться в этом можно, опираясь на многие факты. Вот лишь один из них: на реке Ляпин, притоке Сосьвы, и ныне существует основанный коми-ижемцами в середине XIX в. поселок с мансийским названием Саранпауль «Зырянское селение» [8. С. 242]***.

---

* См.: [12; 17–20].

** В вышедшей в 2006 г. монографии Н. А. Повод «Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.») сведения по этому вопросу представлены наиболее полно [14. С. 31–70].

*** О коми топонимии на Урале и за Уралом см. также: [6. С. 169–174; 7. С. 39–45].

Топонимические материалы путевых описаний Миллера 1740 г. также дают ценные сведения об одном из путей через Урал на Печору и о зырянах в районе Сосьвы.

В частности, по его сведениям, участок Уральских гор, откуда берет начало р. Сыгва (соврем. р. Ляпин), имеет название **Печерские горы**: «Река Сыгва, по-вогульски Sek-ja, такой же величины, как и Сосьва в этой местности, и имеет вместе с ней одинаково удаленный исток из **Печерских**, или, иначе, так называемых **Югорских гор**» [9. С. 240]; далее подробно описан один из известных путей через Урал по водоразделу из бассейна р. Оби в бассейн р. Печеры (соврем. Печоры): через бассейн Сыгвы – по р. Schokur (соврем. р. Щёкурья) и р. Kyrtass (Кыртас, соврем. р. Хартес), затем через волок – в р. Торговую, р. Щугор, из него в Печеру [9. С. 242].

Кратчайший путь из Ляпинского городка до Березова, как указывает Миллер, «остяки называют **Siran-jusch** [то есть «Зырянская дорога». – *Т. Д.*], а обычно **Руской тес**, потому что русская сторона, благодаря указаниям зырян, после прохождения Югорских гор первоначально прошла в район Березова по этому пути» [9. С. 236].

Описывая **Луликарские** зимние юрты на Сосьве, Г. Ф. Миллер пишет: «по-вогульски leli-usch-paul, на юго-восточном берегу. Здесь издавна было маленькое вогульское укрепление, которое на языке этого народа называется leli-usch. Зыряне, которые первыми разведали эти места, в своем произношении изменили leli на luli, откуда, с добавлением зырянского Karra (то есть город, или крепость) возникло [название] Luli-Karra и Луликарской» [9. С. 237][*].

Здесь же Миллер, первый историк и первый выдающийся топонимист Сибири, дает объяснение еще одного топонима, связанного с зырянами, и вместе с ним – всех остальных известных в Приобье зырянских топонимов на «Karra»: «Искарра, или Искарское старое городище, по-вогульски Achtisch-usch, то есть **Каменной городок**, на южном берегу… В давние времена было заселено как вогулами, так и зырянами, которые первое время торговали здесь с вогулами. …Название Is-Karra в зырянском языке имеет с вогульским названием одинаковое значение, так что отсюда подтверждается, что все русские названия тех вогульских и остяцких прежних укреплений, которые имеют окончание **karra**, происходят от зырян. А причина того, что так называли это место, в том, что Сосьва здесь течет уже в горах и старая крепость расположена на каменистом грунте. Поскольку камень, скала, скалистые горы как в русском языке, так и в вогульском, зырянском и всех сибирских языках обозначаются одним словом» [9. С. 245].

О названии селения Юильские юрты, прежде Юильский городок, на Сыгве (=Ляпине) Миллер замечает: «Трудно сказать, откуда возникло русское название и что оно означает. Можно, однако, предположить, что оно первоначально было дано пункту зырянами, и от них передано русским» [9. С. 242]. Справедливость предположения Миллера о коми происхождении этого топонима подтвердилась [См.: 2. С. 457–459].

---

[*] Об этимологии топонима Люлюкары (Люликары) см.: [8. С. 160].

Таким образом, у северных манси (и сосьвинских, и лозьвинских*) с давних времен происходило (и продолжается до сих пор) общение с коми, от которых они могли узнать о семге. Затем ее мансийское название попало на Казым, а в хантыйском фольклоре вернулось с Казыма обратно на Сосьву. И даже если учесть, что манси и сами могли попадать в верховья Печоры, роль коми в этом сюжете не уменьшается.

Коми-хантыйские и мансийско-хантыйские контакты на Казыме имеют свою историю и отражены в местной топонимии**. Таинственное слово **ванкар** из хантыйской легенды стало еще одним доказательством коми-обско-угорского лингвоэтнического взаимодействия в Казымском регионе и в Приобье в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.

2. *Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005.

3. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Учебник для старших классов. Екатеринбург, 1999.

4. Кань кунш олдаӈ (Публикации материалов Ханты-Мансийского окружного научно-фольклорного фонда) / Авт.-сост. Т. А. Молданов. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 1997.

5. Коми-русский словарь / Под ред. В. И. Лыткина. М., 1961.

6. *Матвеев А. К.* Нёройки караулят Урал. Свердловск, 1976.

7. *Матвеев А. К.* Топонимия Урала: Учебное пособие. Свердловск, 1985.

8. *Матвеев А. К.* Географические названия Урала. Топонимический словарь. Екатеринбург, 2008.

9. *Миллер Г. Ф.* Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек… от места ее разделения на Большую и Малую Обь. Из устных известий. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / История Сибири. Первоисточники. Вып. VI. Новосибирск, 1996. С. 246–260.

10. *Отшамов П.* Угорские истоки // Ямальский меридиан.1992, № 1. С. 52–54.

11. Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

12. *Перевалова Е. В.* Северные ханты. Этническая история. Екатеринбург, 2004.

13. *Повод Н. А.* Коми Северного Зауралья (XIX-первая четверть XX в.). Новосибирск, 2006.

14. *Савельева Э. А.* Европейский Северо-Восток накануне христианизации // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. статей. В 2-х т. Сыктывкар, 1996. Т. I. С. 16–27

15. *Савельева Э. А.* Основные итоги археологического изучения эпохи средневековья европейского Северо-Востока // Коренные этносы Севера европейской части России на

---

* О контактах между сосьвинскими и лозьвинскими манси Г. Ф. Миллер тоже писал: «На Лозве… живут вогулы, относящиеся к уезду города Чердыни в Перми, и они иногда переходят на Сосьву, как и те, что живут на Сосьве, посещают Лозву» [9. С. 245]. Это общение постоянно и теперь.

** О коми-хантыйском взаимодействии на Казыме и о коми компоненте в местной топонимии см.: [2. С. 446–464]. О мансийском компоненте в составе казымского населения и о мансийском следе в топонимии Казыма см.: [2. С. 464–477].

пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 213–220.

16. *Слепенкова Р. К.* Арєм-моньщєм ед ки мӑнд… Если моя песня-сказка дальше пойдет… Серия Дыдӑҥ ясӑҥ [Живое слово]. Вып. 2. Фольклорное творчество Евдокии Егоровны Молдановой из деревни Ванзеват. Ханты-Мансийск, 2003.

17. *Соколова З. П.* Загадка Юильского городка // Советская этнография. 1977. № 4. С. 129–138.

18. *Соколова З. П.* Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири // Сб. науч. трудов. Кемерово, 1986. С. 71–78.

19. *Соколова З. П.* Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов // Проблемы этнической истории народов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 118–132.

20. *Соколова З. П.* Легенды Вут-Ими. Путешествие по Оби и ее притокам к хантам и манси // Югорские россыпи. Сургут, 1993.

21. *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь. СПб., 2006.

22. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.

23. *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch (Wogulisches Wörterbuch gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán). Budapest, 1986.

24. *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Bearbeiter: Gert Sauer. Berlin, 1966–1993. Lfg. 1–15.

25. www.ecosystema.ru/08nature/fish/028.htm

26. www.floranimal.ru /pages/animal/s/3325.html

27. www. gulfstream-fish.ru/ 93/98/c44f7580-e073-…

28. http:/fish-book.ru/syomga

Поступила в редакцию 28.01.2011

T. N. Dmitrieva

Ethnic contacts in Kazym and unknown fish Vankar

The important sources of ethno-historical information are shown in the article. They have information about linguistic-ethnic interaction in the Kazym river region and about the formation history of the modern toponymic system of this territory.

Keywords: toponymic system, Kazym river region, Komi-Ob-Ugrian linguistic and ethnic contacts.

Дмитриева Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
г. Екатеринбург
E-mail: fasmer@yandex.ru

Dmitrieva Tatiana Nikolaevna,
Doctor of Philology, professor,
The Ural Federal University
Yekaterinburg
E-mail: fasmer@yandex.ru

УДК 811.511.131(81’35)

Л. М. Ившин

РУКОПИСНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ: ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В статье рассматриваются особенности правописания рукописного Евангелия от Луки на удмуртском языке. Графика и элементы орфографии Евангелия базируются в основном на графике и элементах орфографии первой печатной грамматики удмуртского языка 1775 г. под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка».

Ключевые слова: удмуртский язык, письменные памятники, Евангелие, графика, орфография.

Христианская церковь, выполняя свою конкретную функцию – русификацию инородцев через распространение своей идеологии путем крещения – сыграла определенно положительную роль в развитии культуры многих народов, удмуртского в том числе. Как известно, массовая христианизация удмуртов начинается с середины XVIII в., после открытия в Казани в 1740 г. Новокрещенской конторы. До этого времени основная часть коренного населения Удмуртии пребывала в язычестве. Однако одно дело – принятие крещения, другое – постижение сути христианского вероучения. Народ, в большинстве своем не знающий языка Библии и богослужебной литературы, не был в состоянии постичь Слово Божие. И не случайно миссионеры, прежде чем идти проповедовать христианское учение, сначала изучали языки тех народов, среди которых собирались работать. Первая грамматика «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», изданная в Казани в 1775 г., создавалась с целью просвещения новокрещенных удмуртов в христианской вере.

В начале XIX в. в силу различных культурно-исторических причин возникла необходимость перевода религиозных текстов на языки неславянских народов

* Работа выполнена в рамках проекта молодых ученых УрО РАН на 2011 г. «Наблюдения над языком неопубликованных удмуртских переводов Евангелий от Луки и Иоанна».

(инородцев). К этому времени преобладающее число нерусского населения России было уже обращено в христианство, однако языковой барьер оставался одним из существенных препятствий на пути распространения православия. Естественно, возникла потребность в литературе, написанной на родном языке новокрещенных.

Первые упоминания о попытках перевода религиозных текстов на удмуртский язык относятся к 1803 г., когда последовал указ Святейшего Синода о переводе на инородческие языки катехизиса и молитв и проч.» от 22 января 1803 года. Этот указ был разослан по Новгородской, Казанской, Астраханской, Тобольской, Тверской, Рязанской, Вятской, Тамбовской, Иркутской, Пермской и Оренбургской губерниям [3]. Удмурты в то время входили в состав 4-х епархий: Вятской, Казанской, Оренбургской и Пермской; следовательно и вотские (то есть удмуртские) переводы должны были поступить от 4-х епископов. Святейший Синод преследовал цель создания перевода молитв, доступных для свободного понимания широкому кругу неславянских народов. В каждой губернии нашлись свои энтузиасты перевода священных текстов на инородческие языки. В результате были представлены переложения на олонецкий, карельский, татарский, чувашский, мордовский, черемисский и удмуртский (вотяцкий) языки.

В 1818 г. в Вятке был открыт Библейский комитет, куда в качестве переводчиков были приглашены священники, знавшие удмуртский язык. Они приступили к переводу всех четырех Евангелий (от Марка, от Матфея, от Луки, от Иоанна), но, к сожалению, первые два будут изданы спустя лишь более чем четверть века [1; 2], остальные же остались в рукописном виде. Как отмечают исследователи [5; 7; 8; 9], именно при создании этих книг миссионеры и просветители (а также редакторы и издатели) проделали огромную работу в поисках (использовании) лексических, морфологических и синтаксических эквивалентов в удмуртском языке для адекватной передачи русскоязычного материала священных текстов.

В данном исследовании в качестве объекта лингвистического анализа выбран перевод Евангелия от Луки на удмуртский язык, рукопись которого была обнаружена нами во время одной из командировок в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН – Отъ Луки святое благовѣствованіе (фонд 94, бумаги А. М. Шегрена, опись 1, дело № 245, 31 лист).

Общая характеристика

Некоторые сведения об объеме и месте хранения этой рукописи встречаются в научной литературе [4; 5; 6; 10; 11]. Однако до настоящего времени рассматриваемое нами Евангелие не подвергалось не только детальному, но и поверхностному анализу.

Согласно источникам, Вятский Комитет Библейского Общества в 1823 г. поручил священнику Иоанну Анисимову (с. Бусурман Можга) перевести Евангелие от Луки на удмуртский язык. Существенную помощь ему оказали священники С. Красноперов (с. Алнаши), Павел Тронин (с. Дебессы), Николай Утробин (с. Унинское), Никифор Невоструев (с. Укан) и Алексей Шкляев (с. Святицкое). Таким образом, в работе над переводом данного Евангелия участвовали священники разных удмуртских приходов, однако диалектную

основу составляет северное наречие. Что касается времени работы над удмуртским текстом, по данным Б. И. Каракулова [6], Евангелие было переведено уже к 1821 году. П. Н. Луппов [10] приводит другую дату – начало 1824 года.

Рукопись имеет форму тетради, без переплета, составлена на плотной темно-серой бумаге, от времени заметно потрепанной, особенно по углам. Размер манускрипта 30 х 20 *см*, штемпелей и филиграней на бумаге не имеется.

На первом листе рукописи Евангелия от Луки дается название: «Переводъ Святаго благовѣствованія отъ Луки на Вотяцкій языкъ». С первого оборотного листа начинается собственно удмуртский перевод, текст разделен на главы и стихи. Евангелие располагается на 31 листе, которые исписаны с обеих сторон. Интересен тот факт, что в рукописи не приводится русскоязычный оригинал Евангелия (как известно, тексты остальных Евангелий расположены на листах в два столбца: в левом – русскоязычный или церковно-славянский оригинал, в правом – удмуртский перевод).

Особенности графики

Евангелие от Луки написано скорописью, характерной для письма начала XIX в. – почерк внешне не очень красив, но буквы достаточно четкие. Следует заметить, что их начертания базируются на графике первой печатной грамматики удмуртского языка [12]. В тексте имеются многочисленные исправления. При записи удмуртских слов употреблено несколько надстрочных знаков: акут (´), графис (`), псила (’), псила и акут (˝), камора (^). Первые два, а также четвертый применяются для обозначения ударения в словах. Графисом в анализируемом памятнике письменности обычно обозначается наконечное ударение, а акут ставится преимущественно над гласной односложного слова, например: *То́кма но Солэ̀нъ имъі̂осы̀съ па́сь кариськизы̀ кылы̀зъ но солэ̀нъ*, *вэраны̀ но́ куцькѝз*, *восятса̀ Инмаръзэ̀* (4)*. Псила последовательно отмечает начальную гласную в слове: *Кукэ̀ но́ орцизы̀ нуна̀лъ-і̂осъ восяськэмълэ̀сь Солэ̀нъ*, *бэрты̀зъ а̊сла̀дъ дома̀зъ* (2об.). В некоторых лексемах применяется двойной знак – псила и акут над одной буквой (˝), используемый для передачи ударного звука в словах, которые начинаются с гласной буквы и имеют ударение на первом слоге, например, формы императива. Камора использована для передачи на письме диграфов **і̂о** или **ј̂о** (орф. **ё**), ставится над обеими буквами.

В рукописи использованы следующие буквы и их сочетания: а, б, в, г, д, дз, е (є), і̂о (ј̂о, јо), ж, з, и, і, й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ув, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я, ѣ. По конфигурации их можно разделить на две группы. Одну составляют общеизвестные буквы русского алфавита, уже внедренные в удмуртскую графическую систему начиная с XVIII века и сохранившиеся в современном удмуртском языке до наших дней. В другую группу относятся буквы латинского алфавита или сочетания русских и латинских букв – **ј**, **і̂о**, **ј̂о**, **јо**. Необходимо отметить, что буквы **ф**, **х**, **щ**, а также **є** в исконных удмуртских словах не встречаются, а только в заимствованной из русского или через русский язык

* Здесь и далее примеры приводятся лишь с указанием страницы (в круглых скобках) исследуемой рукописи, орфография оригинала полностью сохранена.

лексике. Некоторые из графем имеют по два, а то и более вариантов начертаний. Остановимся на некоторых наиболее часто встречающихся написаниях отдельных букв в порядке алфавита:

1) буква **в** имеет два начертания: а) в виде четырехугольника, б) наподобие современного круглого ***в***;

2) буква **д**: а) приближается к современному строчному графу, б) вариант с загибом вверх (***д***);

3) буква **е**: а) написана как обычное строчное **е**, б) похожа на перевернутую **э** – **є** (так называемое «длинное е»), которая в церковнославянской письменности считалась вариантом кириллической строчной буквы **е** (прописная буква единая) и употреблялась в начале слов и после гласных. В современных изданиях старинных текстов знак **є** часто используется для всех **е** (видимо, из-за сходства графического облика), хотя исторически и этимологически это, скорее всего, ошибочно;

4) диграф, обозначающий звукосочетание *йо*: а) десятеричное **і** и **о** (с каморой над обеими буквами – **ío**), б) латинская **j** и **о** (также с каморой над обеими буквами – **jô**) и в) латинская **j** и **о** без каморы;

5) буква **к**: а) тождественна современному письму, б) две вертикальные палочные графы, в) приближается к строчной латинской *к* (***k***);

6) буква **т**: а) состоит из четырех палочных графов – три вертикальных и один поперечный над ними, б) близка к современной строчной (***т***), в) подобна цифре ***7*** (без серединного поперечного графа);

7) буква **ъ** (твердый знак или «ер») приближается в основном к современному начертанию, часто графически не различается с **ь** (мягким знаком или «ерь») или ѣ («ять»).

Определенные трудности для переводчиков представляло обозначение специфических удмуртских звуков и их комплексов средствами русской графики. Из особенностей графики рукописи необходимо отметить следующие:

1. Своеобразная удмуртская гласная среднего подъема среднего ряда *ӧ* (*ę*), отсутствующая в русском языке, в большинстве случаев обозначается буквами **э** (**э̀**, **э́**), **е**, или **о**, напр.: *сэлы̀къмтэ́къ* [*s'ęliktek*] 'без греха' (1 об.). *э́зъ бы́га вэраны̀* [*ęz bi·ga veraniˌ*] 'он(а) не смог(ла) сказать' (2), *кэ̀мъ* [*kęt*] 'чрево' (3), *эдьязы̀* [*ędjaziˌ*] 'они начали' (3 об.); *кебертэ̀къ* [*kębertek*] 'бессовестно' (9), *серы̀нъ* [*s'ęriˌn*] 'за' (10); *восяты̀зъ* [*vęs'atiˌz* ~ ? *vos'atiˌz*] 'он благословил' (6), *поя̀нъ* [*pęjan* ~ ? *pojan*] 'искушение' (8). Слово *восяты̀зъ*, возможно, следует произносить через *о*, поскольку в работах Ю. Вихманна [14; 15] встречается форма *vos'ȧs'kị̂nị̂* 'gebet' и *vos'ȧs'kị̂nị̂* 'beten' с указанием на глазовский диалект.

2. Звук *ы* (*iˌ*) в большинстве случаев обозначен буквой **ы** (**ы̀**, **ы́**): *поттызъ* [*pottiˌz*] '(он) вытащил' (3 об.), *быттызы̀* [*biˌttiˌziˌ*] '(они) закончили' (6), *шунды̀* [*šundiˌ*] 'солнце' (9 об.), *калы̀къ* [*kaliˌk*] 'народ' (10).

Кроме того, для передачи этой фонемы нередко используется буква **и**:

а) в анлауте: *имъіо̂сы̀сь* [*iˌmjosiˌs'*] 'из ртов' (4), *исты̀зъ* [*iˌstiˌz*] '(он) послал' (8 об.);

б) после согласных *ж* и *ш*: *выжѝ* [*viˌžiˌ*] 'род' (7), *жужѝтъ* [*žuˌžiˌt*] 'высокий' (8 об.), *пыжѝнъ* [*piˌžiˌn*] 'в лодке' (10) и др. Подобное написание может быть объяснено влиянием правил русской орфографии;

в) после парных по велярности/мягкости согласных (где **и**, обозначая звук *ы*, показывает мягкость предшествующего согласного): *азѝнъ* [*az'i̯n*] 'перед, до', *кызѝ* [*ki̯z'i̯*] 'как', *пытѝ* [*pi̯t'i̯*] 'след', *волѝтъ* [*vol'i̯t*] 'гладкий' (7). В данном случае также чувствуется влияние правил русского письма;

г) для обозначения анлаутного сочетания *йы*: *илзѐ вандынѝ* [*ji̯lze vandi̯ni̯*] 'сделать обрезание' (5 об.). В некоторых примерах анлаутное сочетание *йы*- передается буквосочетанием **jы-**, например: *jыръjоссѐ* [*ji̯rjosse*] 'его головы' (11 об.).

3. Звук э (*е*) передается:

а) буквой **э** (**э̀**) (в большинстве случаев): *вэрàзъ* [*veraz*] '(он) сказал' (2 об.), *улэмѐзъ* [*ulemez*] 'его жизнь' (3), *Назаретѐ* [*nazarete*] 'в Назарет' (6). Надо заметить, что в начале рукописи примерно до десятой-одиннадцатой страницы буква **э** (**э̀**) употреблена для обозначения фонемы э даже после палатальных согласных, например: *шонэрѐнъ* [*šon'eren*] 'правдою' (4 об.), *тылэддѝ* [*ti̯l'eddi̯*] 'вас' (5), *огазѐ* [*ogaz'e*] 'вместе; рядом' (5 об.);

б) буквой **е** (**è**): *Великтѐмъ* [*vel'iktem*] 'Пасха' (6) *шонертѐ* [*šon'erte*] '(он) разравнивает', *гурѐзь* [*gurez'*] 'гора', *со дынѐ* [*so di̯n'e*] 'к нему', *лесьтѐмъ* [*les'tem*] 'сделанный; (он) сделал' (7);

в) знаком ѣ: *отвѣтѐ* [*otvete*] 'в ответ' (3 об.), *тыртэмъ мѣстà* [*ti̯rtem mesta*] 'пустыня' (8), *со дынѣ* [*so di̯n'e*] 'к нему' (10).

4. Традиционно буквенное обозначение аффрикат:

а) сочетание знаков **дз** и буква **з** применяется для передачи палатальной звонкой *ӟ* (*ǯ*): *адзисьі̂осъ* [*aǯǯis'jos*] 'свидетели' (1 об.), *зэ́ць лы̀къ* [*ǯečli̯k*] 'величие' (3), *лыдзинѝ* [*li̯ǯǯi̯ni̯*] 'читать; считать' (8 об.), *кырзя̀са верàзъ* [*ki̯rǯasa veraz*] 'он сказал нараспев' (24);

б) графема **ц** (иногда **ч**) показывает палатальную глухую фонему *ч* (*č̌*): *воця̀къ* [*voč̌a·k*] 'весь' (1 об.), *капцѝ* [*kapč̌i*] 'легкий, нетрудный' (2), *цэрэктѝзъ* [*č̌erekti̯z*] '(он) закричал' (3), *покцѝ* [*pokč̌i*] 'маленький, младший' (3 об.), *чі̂орыгъ* [*č̌ori̯g*] 'рыба' (23 об.);

в) буквой **ж** систематически передается велярная звонкая *ӝ* (*ǯ*): *жутѝзъ* [*ǯuti̯z*] '(он) поднял' (4), *шунды-жужàнъ* [*šundi̯ǯužan*] 'восток' (4 об.);

г) графема **ч** применяется для обозначения велярной глухой *ӵ* (*č*): *чинатэм-ѐзъ* [*či̯natemez*] 'ее обкуривание ладаном' (1 об.), *кэчѐ* [*ke̯če*] 'какой' (2 об.), *пучкѝнъ* [*pučki̯n*] 'в, внутри' (3), *бычъ-калтòзъ* [*bi̯čkaltoz*] '(он) вонзит' (6).

5. Для передачи билабиального согласного *ў*- (*u̯*-), встречающегося в анлауте перед гласным звуком *а*, используется графема **у** или буквосочетание **ув**: *гоштэмѝнъ увàнь* [*goštemi̯n u̯an'*] 'написано' (5 об.), *уамѐнъ* [*u̯amen*] 'через' (6), *уваскѝзъ* [*u̯as'kiz*] '(он) спустился, (он) опустился' (7 об.), *уармàй мумѝ* [*u̯armaj mumi*] 'моя теща' (9 об.), *увалéсенъ* [*u̯al'esen*] 'с постелью' (10 об.) и др.

6. Буквосочетания **і̂о**, **jo** и **ĵо** использованы для передачи звукосочетания *йо*: *ужъ-і̂осы̀съ* [*užjosi̯z*] 'его дела' (1 об.), *сі̂о-тòзъ* [*s'otoz*] '(он) отдаст' (2 об.), *кылзысьі̂осъ* [*ki̯lzi̯s'jos*] 'слушатели, слушающие' (6 об.), *дышацькѝсь-ĵосъ* [*di̯šeckis'jos*] 'ученики' (11), *синъĵоссэ* [*s'injosse*] 'свои глаза' (12), *сĵотъ* [*s'ot*] 'отдай' (12 об.)

Особенности орфографии

Отдельные специалисты по истории языков отрицают наличие собственно орфографии в ранних письменных памятниках [13]. Как известно, в удмуртском языке в первой трети XIX в., когда были переведены Евангелия, вербально сформулированных орфографических правил еще не было, поэтому целесообразнее, как нам кажется, оперировать термином «элементы орфографии». Из элементов орфографии рукописи представляется возможным выделить следующие:

1. Удмуртские сочетания **жы** и **шы** систематически пишутся через букву **и**: *кужимъзэ̀* [*kužįmze*] ’свою силу’ (3 об.), *жужѝтъ* [*ǯužįt*] ’высокий’ (8 об.), *пыжѝнъ* [*pįžįn*] ’в лодке’ (10).

2. Палатальность парных согласных перед *ы* передается в письме последующей гласной **и**: *о̊зѝ* [*oz’į*] ’так’ (2), *со́ дынѝсь* [*so dįn’įs’*] ’от него’ (3), *канѝлъ* [*kan’įl*] ’легко, легкий’ (3 об.), *кузѝмъ* [*kuz’įm*] ’дар, подарок’ (5 об.), *этинѝ* [*ęt’įnį*] ’звать, позвать’ (11).

3. Для обозначения велярности конечного согласного, а также иногда согласных середины слова (не всегда последовательно), применяется последующая буква **ъ** (ер): *козмамъзэ̀* [*kozmamze*] ’его благословление’ (2 об.), *сэлыкътэ̀къ* [*s’ęlįktek*] ’без греха’ (1 об.), *уамэ̀нъ вэрась-лэ̀нъ* [*u̯amen veras’len*] ’у лжесвидетеля’ (6), *квараѐзъ* [*kvarajez*] ’его голос’ (9 об.), *мызо́нъ-јосъ* [*mįzonjos*] ’другие’ (10 об.).

4. Евангелие изобилует разными написаниями одних и тех же слов и их форм: *со дынэ̀* (2 об.) ~ *со дынѐ* (7) ~ *со дынѣ* (10) [*so dįn’e*] ’к нему’, *сјôтъ* (12 об.) ~ *сіôтъ* [*s’ot*] ’отдай’ (23), *вэра̀зъ* (3) ~ *вера̀зъ* (9) [*veraz*] ’он сказал’, *ціôрыгъ* (10) ~ *чіôрыгъ* (23 об.) [*č́orįg*] ’рыба’, *тылэдлѝ* (5) ~ *тиледлы* (23 об.) [*tįl’edlį ~ til’edlį*] ’вам’ и др. Подобные случаи непоследовательности написания подтверждают то, что отмечали специалисты относительно орфографии древних памятников письменности немецкого языка: «Иногда создается впечатление, что древние писцы подчас даже избегали одинаковых написаний и сознательно стремились к разнообразию. На такое предположения наталкивают случаи разного написания одних и тех же слов» [13].

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз подчеркнуть, что графика и элементы орфографии рукописного Евангелия от Луки базируются в основном на графике и элементах орфографии первой печатной грамматики удмуртского языка 1775 г. под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка». Присутствие в тексте Евангелия случаев различного буквенного оформления одних и тех же удмуртских слов и их форм доказывает, на наш взгляд, то, что удмуртская орфография в первой половине XIX столетия находится еще в самом начале своего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ильминскій Н.* Опыты переложенія христианскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки въ началѣ текущаго столѣтія. Казань: Типографія Императорскаго университета, 1883. С. 94–95.

2. Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, глазовскаго нарѣчія. Казань. 234 + 135 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 12–386].

3. Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, сарапульскаго нарѣчія. Казань. 234 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 11–248].

4. *Каракулов Б. И.* Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития: Материалы междунар. науч. конф. (Глазов, 19–21 ноября 1997 года). Ч. 1: Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. Глазов, 1997. С. 6.

5. *Кельмаков В. К.* Школаын дышетскон книга удмурт литературной кыл сярысь: Рецензия-эссе // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Междунар. симпозиума / Удмуртский государственный университет. Факультет удмуртской филологии. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. С. 314.

6. *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удмуртский государственный университет. Факультет удмуртской филологии. Кафедра общего и финно-угорского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. С. 50.

7. *Кондратьева Н. В.*, *Зверева Т. Р.* О первых печатных книгах на удмуртском языке 1847 года издания // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья… С. 323.

8. *Лупповъ П. Н.* О первыхъ вотскихъ переводахъ источниковъ христианскаго просвещенія // Православный собеседникъ. Казань, 1905. С. 606.

9. *Лупповъ П. Н.* Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Вятка: Губернская типографія, 1911. С. 284, 391.

10. *Каракулов Б. И.* Типы изучения ранних текстов (на материале удмуртского языка) // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб. научн. тр. / АН СССР. Ин-т языкозн. Совет ученых и специалистов. М., 1987. С. 185–186.

11. *Каракулов Б. И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 127.

12. Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975].

13. *Зиндер Л. Р.*, *Строева Т. В.* Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студентов педагог. институтов. М., Л.: Просвещение, 1965. С. 26.

14. *Wihmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901. С. 127.

15. *Wihmann Y.* Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wihmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen (= Lexica Sosietatis Fenno-Ugricae XXI). Helsinki, 1987. С. 315.

Поступила в редакцию 17.08.2011

L. M. Ivshin

Graphical and Spelling Analysis of the Handwritten Gospel of St. Luke in Udmurt

The article deals with the features of spelling of the handwritten Gospel of St. Luke in the Udmurt language. The graphic and elements of spelling of the Gospel are based on the graphic and elements of spelling of the first Udmurt grammar printed in 1775 under the title «Works applying to the Vot language».

Keywords: the Udmurt language, written monuments, the Gospel, graphics, the spelling.

Ившин Леонид Михайлович
кандидат филологических наук,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Ivshin Leonid Mihailovich
Candidate of Science (Philology),
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.3(=511.131)

Т. Г. Владыкина, Г. А. Глухова

ДНИ НЕДЕЛИ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ УДМУРТОВ О ВРЕМЕНИ

На основе анализа номинаций дней недели в современном удмуртском языке и их сопряженности с календарной обрядностью реконструируется архаический недельный цикл и его эволюция в традиционной удмуртской этнокультуре.

Ключевые слова: категория времени, дни недели, будни и сакральные дни, номинация дней недели, архаический цикл, современный цикл.

Время – одна из основополагающих категорий, разрабатываемых в культуре каждого народа [12. С. 448–452]. Важной составляющей в общей картине восприятия времени являются представления о структуре суток и днях недели.

Современный отсчет недельного времени удмуртов, как и в других культурах, состоит из семи дней, которые в узколокальных традициях называются по-разному, но нигде не обозначаются порядковым числительным:

понедельник – *вордйськон* / *арнянунал бер* / *ӟуч арня бер* / *вуж базарнал* / *поньдельни́к* – рождение / следующий за воскресеньем день / после русского воскресенья день / старый базарный день;

вторник – *пуксён* / *кӧснал* / *офторни́к* – «сидение», «становление» / «сухой» день. Название этого дня, по-видимому, означает вхождение недели в свое русло;

среда – *вирнунал* / *покчи арня* / *середа́* – «кровавый» день / малое воскресенье;

четверг – *покчи арня* / *удмурт арня* / *арня ӝыт* / *четвери́к* – малое воскресенье / удмуртское воскресенье / вечер перед воскресеньем;

пятница – *бигер арня* / *арня нунал* / *удмурт арня* / *пекинча́* – татарское воскресенье / воскресный день / удмуртское воскресенье;

суббота – *кӧснунал* / *субота́* – «сухой» день;

воскресенье – *арня* / *арнянал* / *ӟуч арня* / *базарнал* – неделя / воскресный день, русская неделя / русское воскресенье / воскресенье / базарный день [2. С. 197; 8. С. 91; 10. С. 254. 16. С. 38–39].

Представления о семидневной неделе и номинации каждого ее дня – явление достаточно позднее: «число дней недели у удмуртов, как и других народов, вначале было связано с первичным счетом по пальцам, поэтому первична пятеричная система <…>. Позднее при переходе на семидневную неделю к ним добавились еще два дня <…>. Формирование этой <…> «языческо-иудейско-христианско-мусульманской» [по А. Н. Самойловичу] системы относится ко времени хазарского царства. Происходило оно в зоне Сев. Кавказа, в сложной среде булгарских племен, и развивалось позже в Волго-Уральском регионе» [4. С. 223–224].

В удмуртском календаре отголоски существования «укороченной» недели хорошо сохранились в праздновании Великого дня / Пасхи (*Акашка́ / Быдзы́м нунал / Великтэм / Паска́*). И тексты раритетных изданий XIX века, и записи современных респондентов содержат информацию о том, что Акашка отмечают в течение недели, в которую органично вплетены обряды и праздники народного и христианского календарей [5. С. 94–97]. Рассмотрим содержание праздника, разложив описания на ключевые моменты, которые дают возможность четко представить структуру праздника и его временные границы. Видно, что этот самый значимый праздник в календарном цикле длился от четырех до семи дней, причем с переходом на христианское летоисчисление в границах семидневной недели в его структуру были включены дни подготовки праздника, то есть его канун (см. Приложение: Текст 1). В случае с праздником в Киясовском районе, например, в сознании носителей традиции, по их информации, канун включает два дня: вечер среды и Великий четверг как один день и субботу – как второй день. Но на практике оказывается, что архаическая пятидневная неделя «продлена» до семи дней за счет трех подготовительных дней, в которых пятницы как таковой нет вообще (см. Приложение: Текст 3).

В приведенных примерах нигде не уточняется и никак не именуется ни один из дней. Информанты ограничиваются лишь их порядковым перечислением: «в первый день», «во второй день» и т.д. Описания обрядов по дням дают возможность сказать, что празднование *Быдзы́м нунал* / Пасхи начиналось с вечера среды или с четверга, то есть с «удмуртского» воскресенья. И такой отсчет праздничных дней не случаен.

Счет недели в современной удмуртской традиции связан с восприятием недели по христианской (русской) и татарской культуре. Но в архаической календарной неделе номинированными оказались всего два сакральных дня. Оба они связаны с жертвоприношением: в одном случае – с закланием животного (*вирнунал*), в другом – без заклания (*кӧснунал*). Другие дни воспринимались как будни и были безымянны, то есть назывались просто ***арня*** «день года», «[самый] короткий временной отрезок года». Впоследствии термин стал употребляться со значением «неделя», а под влиянием христианства – и «воскресенье». Календарный лексикон расширил его смысловое поле включением в круг «воскресений» этнически маркированных дней недели: ***четверг*** – *удмурт арня* = *удмуртский день* / *удмуртское воскресенье* в знач.: *«завершение удмуртской недели»*; ***пятница*** – *бигер арня* / *удмурт арня* =

татарский день / воскресенье; удмуртский день / воскресенье в знач.*: «завершение татарской недели / удмуртской недели»*; ***воскресенье*** *– арня нунал / ӟуч арня = воскресный день / русский день* в знач.: *«завершение русской недели».* «Этническая окраска» терминов была связана, по-видимому, с этнической идентификацией народа, с необходимостью восприятия своей культуры как целостной и отделенной от других культур.

Таким образом, дни недели в архаической культуре содержали всего три названия, которые выстраиваются на оппозиции: будни – сакральные дни. Будни именовались **арня** – букв.: «день года» (< ар «год», «осень» [7. С. 33]), «безымянный день», а сакральные – **вир(о)нунал** и **көснунал**. При этом удмуртское **арня**, как отмечают удмуртские исследователи, – это «проточувашское или древнебулгарское заимствование: др.-булг. **арна көн** – «пятница»; **арна башы** (букв. «начало недели») «понедельник» [1. С. 115; 8. С. 90–91]. Но истоки номинации, по-видимому, гораздо древнее и имеют индоевропейские корни [14. С. 171].

Пятидневная неделя, четыре дня которой воспринимались как обычные (*арня нунал* – день недели, будни) и потому не имели закрепленного за ними названия, завершалась жертвоприношением предкам и верховным богам. Восприятие древними жертвоприношения как сакрального временного отрезка чрезвычайно важно для понимания дальнейшего расширения недельного цикла. Очевидно, что жертвоприношение было вписано в суточный цикл (*уй-нунал* – ночь-день), и поминовение предков вечером / ночью предваряло жертвоприношение богам утром следующего дня. При этом его началом было уже время пополудни предыдущего дня. Архаическое восприятие суток как ночи-дня* было следствием переплетения лунного и солнечного календарей и сохранило свои отголоски в культурах многих народов. Ср. в связи с этим запреты на проведение определенного вида работ с утра праздничного дня, но разрешение на их выполнение после полудня; определенные часы отпевания и захоронения покойного (до 12 часов дня или до захода солнца); хронометраж церковных служб, в частности, вечерни, каноны которой приурочивают начало воскресенья к вечеру субботы. В свете этих представлений становятся понятными и библейские выражения о временах первотворения («И был вечер, и было утро: день один» (*Бытие I, 1–5*), «И был вечер, и было утро: день второй» (*Бытие I, 6–8*) и т.д.).

Отсчет суток с вечера продлил, по-видимому, жертвоприношение до двух дней. Вечером одного дня поминали предков без заклания животного (*көснунал*), утром другого – приносили богам кровавую жертву (*вир(о)-нунал*). Продление недели на два дня при христианском времяисчислении потребовало номинации каждого дня недели, что привело к уточнениям и дополнениям.

В приведенной ниже таблице представлена реконструируемая по названиям удмуртская неделя в ее эволюции: в первом столбце даны названия пятидневной недели, во втором – шестидневной, в третьем – семидневной

* О соотношении ночи-дня и дня-ночи в обозначении суток см.: [14. С. 187–195].

в соотнесении с современным четвергом как ее началом*, в четвертом – названия современные.

1	Арня нунал / День года	Арня нунал / День года	**Удмурт арня / Удмуртское воскресенье**	Вордйськон / Рождение
2	Арня нунал / День года	Арня нунал/День года	**Удмурт арня / Бигер арня Удмуртское / татарское воскресенье**	Пуксён / Становление
3	Арня нунал / День года	Арня нунал / День года	**Кöснунал / Святой день (букв.: «сухой») = Поминовение предков**	Вир(о)нунал / День [для принесения] жертвы = Святой день
4	Арня нунал / День года	Арня нунал / День года	**Ӟуч арня / Русское воскресенье**	Удмурт арня / Удмуртское воскресенье
5	Вир(о)нунал / День [для принесения] жертвы = Святой день	Кöснунал / День [для принесения] жертвы = Поминовение предков = Святой день	**Вир(о)нунал / День [для принесения] жертвы = Святой день (Вордйськон)**	Бигер арня / Татарское воскресенье
6		Вир(о)нунал / День [для принесения] жертвы богам = Святой день	**Вир(о)нунал / День [для принесения] жертвы = Святой день (Пуксён)**	Кöснунал / День [для принесения] жертвы = Поминовение предков = Святой день
7				Ӟуч арня / Русское воскресенье

Полагаем, что «разведение» *кöснунал* и *вир(о)нунал* произошло в связи с введением *ӟучарня* не только как этнического, но, прежде всего, как христианского маркера, отвергающего кровавые жертвоприношения языческих культов. С воскресеньем могла соотнестись только жертва «без крови», потому *кöснунал* предварил *ӟучарня*, а *вирнунал* сместился на среду – середину официальной семидневной недели. Тем не менее, судя по описаниям обрядов [см. Приложение], восприятие недели в праздничном цикле сохранило реликтовую иерархию «третьего столбца», из которых выпадают *вордйськон* и *пуксён*, а *ӟучарня* и *вironунал* не только соседствуют, но и взаимодополняют или даже взаимозаменяют друг друга. Проекция жертвенных дней и буден на оппозицию «чет – нечет» вносит в их семантику оценочные значения «хо-

* О двойном счете дней недели – с воскресенья и/или с понедельника см.: [11. С. 154–169; 13. С. 95–99].

роший – плохой» / «тяжелый – легкий»: при отсчете «христианской» недели с субботы-воскресенья как одного дня однозначно тяжелым днем считается среда [8. С. 93]. При отсчете с понедельника тяжелым днем считается также суббота, поскольку это поминальный день, когда в каждом доме предков поминают стряпней. В эту традицию вписывается также *ньыльдон уй* (букв.: сороковая ночь, соответствует 40-му дню) – обычай поминать умершего в субботу накануне сорокового дня. В этом контексте понятна описанная в этнографической литературе ситуация, когда леший «не принял» предназначенную ему жертву, поскольку она была принесена в неподобающие обычаям сроки – в субботу [3. С. 211]. До сих пор обрядовые ситуации различных локальных традиций сохраняют реликтовые нюансы представлений о значимости отдельных дней недели, их положительном или отрицательном статусе: «*Арняӝыт ваёзы вал вылькенак. Лушкаса ваёзы вал*» (В среду вечером привозили невесту. Красть надо было [невест]) [6]; «*Кен вайыны ветло вал вторнике, четверге яке субботае гинэ. Мукет нуналъёсы уг ветло вал*» (За невестой ездили только по вторникам, четвергам или субботам. В другие дни не ездили) [9].

Знаковые детали архаической недели сохранены и в современной обрядовой культуре: поминовение предков предваряет календарные моления и любое воскресенье как поклонение верховным богам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

***Текст 1.* Акашка**

Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. O. 169–171.

«*Акашка дюон урт-муртъёслэн чын бадзым дюонзы. Дюонэз дюч паскаэн чоч кучкыса, сизем нунал ортчитозь ялан гынэ дял карса, шыдыса, серектыса – дюо*» (Праздник акашка у удмуртов – самый великий праздник. Начинали праздновать в русскую Пасху, в течение семи дней, все отдыхая, играя-смеясь, праздновали*).

Арня нуналъёс – **Дни недели**	***Сям-йылоллэн радыз***	***Структура обряда***
Азьла нынал – **Канун**	***Дюонлы дасяськыны*** азьло нынаназ сур-арак пёзьтыса, бискилиёс, дусмакъёс пыжыса, такаёс вандыса [дасясько].	***К празднику готовиться*** накануне варят пиво-кумышку, пекут бискили / бискыли**, **дусмак**, режут барашка.
	Шыдонэн шыдыны лымшыр бере нылъёсын вуэм пиёс возь вылэ пото; отын кырзаса,	***Играть в игры*** после обеда совершеннолетние девушки и юноши идут на луг;

* В связи с необходимостью сохранения стилистики оригинала здесь и далее дан буквальный перевод текста.

** Бискыли – каравай, небольшие хлебы из лучшей яровой муки.

	эктыса турлы шыдонэн шыдо: лудэн но, шор дюбоэн но.	там с песнями, плясками в разные игры играют: и в «игру в поле», и в «столб посередине» [«Горигори ясно»].
	Жӧыт дюмшан та дюмшан дыръя нылъёс-пиёс, гуртлэн улла паласен кучкыса, ваннапал гурт пуӥэ вутозь, кубызэн шыдыса, кырӟаса, вань коркан эктыса ветло.	***Вечернее / ночное гуляние*** вечером девушки-парни ходили-гуляли от нижней околицы до верхней, обходили дома с песнями, с плясками под скрипку.
	Пу пыртыса ветлыны дюмшан бытмем бере, пинял пиёс коркалы быдэ пу пыртыса ветло. Со пыртэм пуэн ӵукна таба-нянь пыжо.	***Дрова [в избы] заносить*** по завершении гуляния парни в каждый дом заносили дрова в деревне. Утром этими дровами топили печь и пекли табани.
Кыкетӥ нынал – **Второй день**	***Шыд дырысен лымшырозь – Иньмарлы вӧсяськыны [гидказьын]*** пыжем таба-нянен но ӝукен гидьказьын; «сӧллык, тазалык, дюэзнянез, шуныт зорзэ мед сётоз вал!» шуса вӧсясько; собере та вӧсяськем табанез-ӝукез корка пырыса сио.	***С утра до обеда – Богу молиться [во дворе]*** с испеченными табанями и кашей во дворе, «благополучия, здоровья, теплого дождя чтобы дал!» говоря, молятся; заходят в дом и едят освященные табани и кашу.
	Мудоре мыныны ыжыт улэм бере, бискилиен, сӥлен, сурен-аракен мудоре мыныса, нош ик вӧсяськыны кучко; Вӧсь кылъёсынызы та дыръя тазьы шуо: «Эй, бадӟым Иньмаре, осто Иньмаре, кылдӥсевордӥсе! Арсын лыктэм акашкамес тыныслыгын, кауγакуаратэк дюыны мед кылдытод вал! Быдӟым мудоре! Сӧллык, тазалык, шуддэ-бурдэ сёт милемлы! Деч-таза, нылэн-пиен улмон кар! Черлӥсь мозмыты! Кизем дюме-няньме бур поты, куамын-ньыльдон шепо луыса мед будоз! Шуныт ныналъёс, шуныт зоръёс сёт, тӧлэз эн лэзь! Дюмез-няньмез деч мылкыдэн ужаса, сиыны-дюыны кылдыты! Дялан вӧсяськыны ум вучкиське,	***Идти в семейное святилище (мудоркуа)*** чуть позже идут на мудор с бискыли, мясом, пивом-кумышкой и снова начинают молиться; в молитвах так говорят: «Эй, Великий Инмар, Боже, создатель-родитель! Один раз в год пришедшую акашку спокойно, не ругаясь-без шума праздновать ты бы нам дал! Великий Мудор! Благополучия, здоровья, счастья дай нам! С хорошими-здоровыми детьми чтобы жить нам пришлось! От болезней сохрани! Посеянные наши хлеба чтобы хорошо взошли, чтобы с тридцатью-сорока колосьями выросли! Теплые деньки, теплые дожди дай, от ветров сохрани! Чтобы хлеба наши с настроением пришлось

	со понна милемыз эн кушты вал!»; та вӧсь кылын сӥзем ӵӧжез со арын котьку луэ вандыны. Вандыкызы ялан, «Иньмар милеськым вӧсьмес мед кылоз, мед адӟоз, ачмесыз медаз кушты!» шуо.	убрать, чтобы есть-пить [жить] нам довелось! Молиться каждый раз не получается, за это нас не оставил бы!»; с этими словами-молитвами жертвенную утку в этот год в любое время можно жертвовать. Когда режут, произносят: «Чтобы Инмар услышал наши молитвы, увидел, [моление] чтобы нас не оставил!».
	Быдӟым куала мыныны мудорын вӧсяськем бере вань коркась муртъёс шыдэн-нянен, аракен-сурен икеме (гумно), быдӟым куала мыно; та быдӟым куалалэн шораз тыл ӝуа; тыл котырын султо курбон сӥзись муртэн вӧсяськись муртъёс. Вӧсяськыса курбон-сӥзись мурт шыдлӥсь-няньлӥсь тырвылзэ тылэ куштэ, собере кылем шыдэзнянез вӧсяськись муртъёс корка бертыса семняосынызы сио.	***Идти в Великую куалу*** после моления в семейной куале все идут с угощением (букв.: хлеб-суп), кумышкой-пивом на гумно, родовую – великую куалу. В середине этой куалы зажжен костер; вокруг костра встают жрец и все молящиеся. После моления жрец бросает в огонь лучшую часть освященных угощений, оставшееся участники обряда несут домой и угощают всю семью.
	Рогой шуккыны / сурем шуккыны / шайтанэз улляны шыд дырисен лымшырозь рогой шуккон луэ. Пересьёс тае «сурем шуккон» шуса, верало. Та рогой шуккон дыръя, пинялъёс вал вылэ пуксьыса, одӥг гурт пуñэ люкасько. Люкаськем бере та гурт пуñйсен музон гурт пуñэ вутозь быдэс гурт вамен «рогой, рогой!» черектяса, бодыёсын лепетъёсыз, заборъёсыз жугыса ветло. «Рогой, рогой!» черектяса, соёс, «Шайтанэз улляськом!» шуса, верало. Быдэс гуртэз валэн ветлыса быдтэм бере, вал вылӥсьёс возь вылэ мыно. Татын жугыса ветлэм бодыёссэс шуре ыргытъяло, «Шайтанэз бодыен валсе ву вылтӥ лэзиськом!» шуса. Собере пиӵалъёсын ыбыло, ыбем куараенызы «шайтанэз курдатӥськом» шуса верало.	***Рогой бить / шуметь / изгонять шайтана*** от завтрака до обеда бывает обряд рогой. Старики его называют «сурен шуккон» – букв.: «битье шумом». Во время этого обряда парни верхом на лошадях собираются в конце деревни. После того как все соберутся, от одного конца до другого конца деревни [парни] ездят с криками «рогой, рогой» и ударяя палками по крышам, по заборам. Такими криками они говорят, мол, «Шайтана (злых духов) изгоняем!». Объехав так верхом всю деревню, они отправляются на луг. Здесь эти палки выкидывают в речку, говоря: «Злых духов вместе с палками по воде отправляем!». Потом стреляют из ружья, звуком стрельбы, дескать, «злых духов пугаем».

	Шулдыр шыдон – валэн дюмшан лымшыр бере туж шулдыр шудон, валэн дюмшан луэ. Пинял пиёс вал вылын, нылкышноёс кырезен коркасен коркае кырзаса, эктыса ветло. Соёсын ветло кудке пересьёс но. Та пересьёс коркалы быдэ баскич вылын табанянен, курегпыз табаэн Иньмарлы вёсясько: «Та коркаез ыродлйсь, тыллйсь-пулйсь мед возьмалоз!», шуса. Вёсяськем бере корка кузё сионэз-дюонэз вае дюмшасьёслы. Та сионэз-дюонэз чын азьла ик вёсяськись пересьёс веръяло, собере вал вылын пукись пинялъёслы люко. Валэн дюмшакы курегпызъёс но, баńкышетъёс но люкало вал ворттытйсьёслы тёляны. Та баńкышетъёсыз соёслйсь гынэк люкало, кинь туэ бызиз либо туэ кышно басьтйз. Дюмшан бере пинял пиёсын нылъёс вал вылын бусйе мыно бусйез котыръяны. Бусйез котыръям бере валэн ворттытон луэ; люкам баńкышетъёсыз деч вортытйсьёслы сёто. Жыт кудке коркан нош ик шыдыны кучко, куазь зардытозь уг быдто.	***Веселые игрища – праздничное гуляние на лошадях*** после обеда игрища начинаются, праздничное гуляние на лошадях [проходит]. Молодые парни верхом на лошадях, женщины, играя на гуслях, с песнями и плясками обходят дома. Вместе с ними ходят и несколько стариков. На ступеньках крыльца каждого дома они с табанями и яичной лепешкой молятся Богу: «Этот дом от плохого-злого, от пожаров чтобы оградил!». После моления хозяин дома преподносит гостям угощение. Вначале преподнесенные угощения пробуют молившиеся перед этим старики, затем раздают парням, которые верхом. При объезде дворов собирали яйца и полотенца, чтобы потом наградить победителей на скачках. Эти полотенца собирают только у молодоженов. После обхода дворов молодые парни и девушки верхом на лошадях выезжали на поле для объезда поля. После этого начинаются скачки на лошадях; собранные полотенца дарят победителям скачек. Вечером в каком-нибудь доме снова начинаются игры, которые продолжаются до рассвета.
Куньметй, нюлетй нынал – **Четвертый, пятый день**	***Шулдыр дюон / зазег шыд*** куньметй, нюлетй нынал пересь муртъёсын кышноёслэн шулдыр дюонзы луэ. Та дюонэз «зазег шыд» шуса верало. Гурт кыклы люкиське; огпал пуńаз зазегъёс пёзьто, музон пал гурт пуńйсь зазег шыд карымтэёсыз куноёслы ётё. Пересь муртъёс, кышноёс кубызэн, кырезен коркаисен корка ветло; коркалы быдэ зазеген, сурен, аракен сектасько. Музон нынал музон гурт пуńын луэ тазьы ик зазег шыд. Та зазег шыд	***Праздничные гуляния / «гусиный суп» [праздничный гусь]*** На третий, четвертый день – праздничный пир пожилых. Это празднество называют «гусиный суп». Деревня делится на две половины: вначале варят гуся в одном конце и приглашают в гости в один конец деревни. Старики и женщины со скрипками и гуслями обходят дома; в каждом доме угощаются гусятиной, пивом и кумышкой. На следующий день «гусиный суп» бывает в другом

	дыръя пиёс-нылъёс одйг корка люкаськыса шыдо, экто.	конце деревни, также проводится праздничный «гусиный суп». Во время этих гуляний молодежь собирается в одном доме, там играют и пляшут.
Арняннал – **Воскресенье**	***Гуждор йӝук пӧзьтон*** арняннал «гуждор йӝук пӧзьтон» луэ; та йӝук пӧзьтон дыръя нылъёс-пиёс кырезен, кубызэн дюмшаса, кеӈьыр, сӥль, вӧй, дьӧл, курегпыз люкало. Люкам бере вань коркась муртъёс тусьтыен-пуньыен возь вылэ йӝук пӧзьтыса вӧсяськыны мыно. Та йӝукез туж бадзым пуртйен йӝытлапал вутозь пӧзьто. Йӝук вутозь нылъёс-пинялъёс шыдо, пересьёс музъем вылэ пуксьыса верасько. Йӝытлапал, йӝук вуэм бере, кудке пинялъёс вал вылэ пуксьыса гуртэ «аргышъёсыз» ӧтьыны мыно. Та «аргышъёсыз»: чын переськез пиёсмуртэн кышномурт аргыш пуксьымтэ пересьёс пушкын. Аргышъёс вал вылын лыктэм бере, пересьёс вӧсяськыны кучко. Вӧсяськем бере, тусьтызэс кутыса, пурты доре мыно. Пуртйись йӝукез йӝутэм бере возь вылэ пуксьыса сио. Аргышъёс ассэс пурты доре йӝуклы уг мыно, соёслы музонъёс тусьтйен вайыса пукто. Йӝукез сием бере кылемзэ корка нуыса берто. ***Сэбет корка*** аргышъёсын ыжыт нылъёс-пиёс сэбет корка люкасько. Та сэбет корка арлы быдэ гурт кузя радэн музон коркан луэ. Сэбет коркан	***Приготовление обрядовой каши гуждор*** в воскресенье бывает приготовление обрядовой каши гуждор; для приготовления обрядовой каши молодежь с гуслями, со скрипками обходит дома, собирая крупу, мясо, масло, молоко, яйца. После сбора продуктов варят кашу на лугу, и все с посудой отправляются туда. Обрядовую кашу весь день варят в большом котле. Пока готовится каша, молодежь играет, старики устраиваются поудобнее и время проводят за разговорами. Вечером, после приготовления каши, несколько парней верхом на лошадях отправляются в деревню за «аргышами». В аргыши выбирают самых пожилых в деревне мужчину и женщину, которые еще ни разу не избирались на эту «должность». После того как привезут аргышей* верхом на лошадях, старики начинают молиться. После моления с мисками подходят к котлу. Взяв кашу, садятся на лугу, и начинается трапеза. Аргыши же сами не идут за кашей, им приносят другие. После всеобщей трапезы оставшуюся обрядовую кашу несут домой. ***Изба для проведения обряда*** вечером аргыши и несколько девушек-парней собираются в обрядовой избе (*сэбед корка*). Для проведения этого обряда каждый

* Аргыш – почетная должность при большом жертвоприношении во время праздника Акаяшки [УРС 2008: 45].

	пересьёс сектасько, нылъёс-пиёс кубызэн, кырезен кырзаса экто. Кошкон азязы нылъёс пиёслы турлы кырзан кылъёс кырзало.	год избирается определенный дом. В *сэбед корка* старики угощают друг друга вином, девушки и парни поют и пляшут под аккомпанемент скрипки и гуслей.
Сизьыметӥ нунал – **Седьмой день**	***Выльдӥськон*** сизьыметӥ нунал «выльдӥськон» луэ. Ӧукна султыса пиёс сӥль, вӧй, кеӈьыр, курегпыз люкало; люкам бере соёсыз кунь люкетлы люко: азьло люкетсэ лэзё такыр бусйе, кыкетӥзэ – ӟег бусйе, куньметӥзэ – сезьы бусйе. Собере вуэм пиёс бусылы быдэ кунь ӧошен, вить ӧошен вӧсяськыны мыно. Вӧсяськем бере люкам сионъёсыз пӧзьтыса сио, Иньмарлы курбонэз сӥзьыса выльдӥсько. Акашка дюонэз тазьы ортчыто.	***Рождение / букв.: обновление*** на седьмой день бывает «рождение/обновление». Утром юноши собирают мясо, масло, крупу, яйца; затем все собранное делят на три части: одну часть отправляют на паровое поле, вторую – на ржаное поле, третью – на овсяное поле. Затем совершеннолетние парни делятся по три-пять человек и идут молиться на эти поля. После моления собранные продукты варят и едят, «обновляя» жертву Инмару. Праздник Акашки так проводят.

Текст 2. **Быдзым нунал** (Пасха).

РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН-1984. Оп. 2-Н, Д. 764. С. 8–9. Барышева Е. Курсовая работа «Календарные обряды д. Ст. Салья Киясовского района» / Руководитель: Т. Г. Владыкина.

Чотаське та нунал вӧе пырон арняысен. Тямысэтӥ арняез луэ (Отсчитывается этот день с масленичной недели. На восьмую неделю приходится).

Арня нуналъёс – **Дни недели**	***Сям-йылоллэн радыз***	***Структура обряда***
Нырысетӥ нунал – **Первый день**	***Курегпуз питыръяса шудон; бӧлякен вӧсьнерге ветлон*** та нуналэ нянь пыжо, табань сиё, курегпуз буяло. Быдзым нуналлы одно ик выль дэрем дйсяло. Нылпиос курегпуз бичало, собере курегпуз питыръяса шудо. Жытазе мӧйыос бӧлякен вӧсьнерге ветло.	***Игра «катание яиц»; гостевание с родственниками*** в этот день пекут хлеб, едят табани, красят яйца. На Великий день / Пасху обязательно новое платье надевают. Дети собирают яйца, затем «катают яйца». Вечером старики ходят в гости по родственникам на обрядовое угощение.
Кыкетӥ нунал – ***Второй день***	***«Пучи ворттон»*** «пучиворттон»луэ. Туэбызем выль кенъёслэсь чук бичало пересьёс, собере валэн ӧошатӥськон луэ.	***«Вербные скачки»*** проводят обряд «привоз вербы». Старики собирали полотенца-чуки у молодушек, вышедших

	Ӧошатйсько кинлэн мылкыдыз вань, кин быгатэ: егит пиос но, мӧйыосызгес но. Та нуналлы валзэс азьло ик дасяло вал ини: ӟечгес сюдо, утялто. Вормисьёслы бичам чуксэс сётъяло. Валэз корка пыртало, вӧсям табанез сюдо, сюмыкен вина сектало.	в этом году замуж. Затем проводят состязания на лошадях. Соревнуются желающие, кто может: и молодые парни, и мужчины среднего возраста. К этому дню лошадей готовили заранее: лучше кормили, ухаживали. Победителям дарили собранные полотенца-чуки. Лошадь заводили в дом, кормили освященными табанями, подносили чашу с вином.
Куиньметӥ нунал – **Третий день**	***«Курегпуз лушкан»*** мӧйы пиосъёс курегпуз лушкаса ветло, турын сигысь но утчало, куддыръя пукись курег улысь но окто. Собере вань курегпуззэс огине люкаськыса сиё.	«***Кража яиц***» пожилые мужчины ходят по дворам и крадут яйца. Обыскивают сеновалы, иногда вытаскивают даже из-под куриц. Затем собираются в одном месте и съедают яйца.
Нььылетӥ нунал – **Четвертый день**	***Быдӟым нунал келян – «Пересь сюан»*** нош нььылетӥ нуналаз – быдӟым нунал келян «пересь сюан». Нырысь кык-куинь пересьёс выль кен дӥсяськыса (йыразы чалма изьыяло) вылӥсь улэ коркась корка пыраса васько. Собере трос но трос люкасько. Озьы ӝытозь кыстӥське. Котькуд корка пырыкузы кырӟаса пыро: «Татчы гинэ уд пырылы, / Кытчы гинэ пырылод. / Уд ведь шедьты, уд ведь шедьты / Таослэсь но ӟечъёссэ». Пересьёсты куно каро, соос кема уг уло, мукетаз кошко. Пумаз вуыса, келяськыса бертыло гуртазы.	***Проводы Пасхи – «Свадьба стариков»*** а на четвертый день – проводы Пасхи «свадьба стариков». Вначале двое-трое старушек наряжались молодушками (повязывали головные полотенца). Ходили по домам, ориентируясь вниз по течению реки, заходили из дома в дом, где к ним примыкали другие. Так продолжалось до вечера. При входе в каждый дом пели песню: «Сюда не войдешь, / Куда же войдешь. / Не найдешь ведь, не найдешь ведь / Лучших хозяев, чем эти». Стариков угощали в каждом доме, но они в одном доме долго не задерживались, шли в другой. Так обходили все дома, дойдя до конца деревни расходились по домам.

Текст 3. **Быдӟым нунал** (Великая Пасха)

РФ УдГУ – 1997. Инд. Т. Л. 5–12. Инф.: Степанова М. С., род. в 1923 г., в д. Салья Киясовского р-на. Образ.: 7 кл. Зап.: Степанова Оксана, Киясовский р-н, д. Старая Салья, 1997 г.

Та нунал самой быдзымез вал. Солэсь арнялы азьло вылэм пучы арня (Этот день был самым великим. Неделей раньше было Вербное воскресенье).

Арня нуналъёс – **Дни недели**	***Сям-йылоллэн радыз***	***Структура обряда***
Покчи арня – **«Малое воскресенье» – Среда**	***Быдзым нуналлы дасяськон*** Пучы арня ортчем бере, мукеташ, покчи арняе, мунчое пыро, гылтйсько. Нош покчи арняысь удмурт арняе уй – кулэм потон уй. Та уе кулэмъёс пото, шуо. Соин ик, жобъёс юртэ медаз пыре шуыса, вань öсъёсы сусыпулэсь вайзэ тыро.	***Подготовка к Великому дню*** после Вербного воскресенья, в следующее «малое воскресенье» [среду] моются в бане, очищаются. В ночь же со среды на четверг – Великий четверг. В эту ночь, говорят, к живым возвращаются умершие. Поэтому, чтобы всякая нечисть (бесы) не зашла в избы, над всеми дверями втыкали можжевеловые ветки.
Удмурт арня – **Четверг**	нош удмурт арнялэн ӧчукнаяз сур пöзьто. Сурез пöзьтон понна, нырысь ӟегез пöсь вуэн пылато, собере сое шобырто. Со ӟег уданы кутскем бере, сое гуре поныса куасьто но вукое нуыса изо. Та ӧчужъемлэсь ик сур пöзьто. Удмурт арняе ик табань но нянь шумесъёсыз миськыса кельто.	В четверг утром варят пиво. Чтобы сварить пиво, вначале ржаные зерна промывают горячей водой, потом их укрывают. Как только зерно начинает прорастать, выкладывают сушить его в печь, затем везут молоть на мельницу. Из этого солода варят пиво. В четверг же квашенки моют.
Кöснунал – **Суббота**	***Быдзым нуналлы дасяськон*** кöснуналэ ӧчукна ик ваньмыз чылк-чылк дйсясько. Пересь мурт вöсяськыса мынэ шур дуре, тыр ву вае. Быдзым нуналэ со вуэн нянь кото. Кöснуналэ, Быдзым нуналлы дасяськыса, нош ик мунчое пыро. Та нуналэ, мунчое пырем беразы, ӝытазе ваньмыз черке мыно но ӧчукнаозь отын вöсясько.	***Подготовка к Великому дню / Пасхе*** в субботу утром все одеваются во все чистое. Старейший молится и затем идет к реке за чистой водой. В Пасху на этой воде ставят тесто. В субботу, готовясь к Пасхе, снова моются в бане. Вечером все идут в церковь и молятся там до утра.
Арня нунал – **Воскресенье**	**Быдзым нунал**	**Великий день / Пасха**
Нырысетӥ нунал – **Первый день**	***Гидкуазьын вöсяськон*** арня нуналэ, Быдзым нуналэ, ӧчукна ик табань пыжо. Куиньзэ, нырысь пыжемъёссэ, вöсяськон	***Моление во дворе*** в воскресенье, в Пасху, рано утром пекут табани. Первые три кладут в жертвенное блюдо. На табани

	тусьтые поно. Соос вылэ ик поно на кукей табань но. Пу сюмыке кисьто сурез. Ваньмыз та дасямын вösяны. Чылк-чылк тöдьы дйськутэн, кус керттонэн дйсяськем пересь пиосмурт, табанез кияз кутыса, потэ гидкуазе вösяськыны. Со сьöры мукетъёсыз. Маке вера, вösяське но йыбырттэ. Собере, корка пырыса, табанез вандыло но, ас понназы вösяськыса, сиё. Табере вösясь пиосмурт поттэ сурез. Озьы ик вösяськемзы бере, пыро корка. Нырысь сурез юэ ачиз вösясь мурт, собере солэсь пичиезгес, озьы самой пичиозь. ***Курегпуз питыръяса шудон*** быдэс чугун кукей буяло вал. Со буям кукейёсты коркась корка бичаса ветло. Табань сиемзы бере, пересь пиосмуртъёс кукей питыртыса шудо вал. Нош нылкышноос со дыре кунян йыр пöзьто. Кинлэн кунянэз öй вал, ӟазег пöзьто вал. ***Вösьнерге ветлыны*** пöзем бераз вösьнерге ветло вал. Бöлякез öтчаса но гурт улйысен выллане тубо, коркась корка пыраса. Котькуд коркан пичи ке но вина сектало, сур юо, сиськыса пуко. Бöлякез пыр потыса, ваньмыз гуртазы берто... Озьы ортче вösьнерге ветлонлэн нырысетӥ нуналыз.	кладут еще и яичную лепешку. В деревянную жертвенную чашу наливают пиво. Все это готовится для моления. Пожилой мужчина, одетый в чистую белую одежду, опоясанный, выходит во двор с табанями в руках. За ним выходят все остальные. Что-то говорит, молится и кланяется. Затем заходят в дом, нарезают эти табани, и каждый, молясь про себя, съедает. После этого старик выносит во двор пиво. Также после моления заходят в дом. Вначале пробует пиво сам хозяин, другие пробуют по очереди, последними пробуют молодые. ***Игра «катание яиц»*** целый чугун красили яйца. Собирали крашеные яйца по домам. После того как поедят табани, пожилые мужчины «катают яйца». Женщины в это время варят телячью голову. У кого не было телят, варили гуся. ***Гостевание с родственниками*** после того как все сварится, ходили друг к другу в гости. Приглашали родственников, начинали гостевание в нижнем конце деревни, и поднимались вверх. В каждом доме подавали немного вина, пили пиво, угощались. Обойдя дома всех родственников, возвращаются домой... Так проходит первый день – гостевание с родственниками.
Кыкетӥ нунал – **Второй день**	***Вösяськон нунал*** быдӟым нуналлэн самой бадӟым вösяськон нуналэз. Та нуналэ нош ик мунчое пыро, чылкыттисько. […] вösяськыны тыр ву ваё. Со вуэн нянь шумесэ нянь кото, пичи куинь батон пыжо. Ваем тыр вуэз одиг пуньы гинэ вösяськон винае поно. Пыжем куинь батонзэс	***День моления*** самое большое моление Великого дня. В этот день снова моются в бане, очищаются. […] молиться приносят чистую воду. На этой воде ставят тесто, пекут три маленькие булочки. Ложку принесенной чистой воды наливают в освященное вино.

	интыяло вösяськон тусьтые, нош пу сюмыке поно вösяськон аракызэс. Ваньзэ тае дасям беразы потоно вösяськон куалае. Пичиосты отчы уг лэзё вал. Быдэс семья ӝök сьöрын возьмаса пуке. Атай гинэ куалаын вösяське. Корка пырем бераз, со няньёсты пичиен гинэ вандылыса вöен зыра но семьялы люкылэ. Нырысь сие ачиз, собере аслэсьтыз пичиезлыгес сётэ, собере эшшо пичиезлы, озьы самой пичиез дырозь. Со вöям нянез «осто» шуыса сиё. Нош сюмыкысь вösям винаез сёто вал мойыослы гинэ. ***Вösьнерге ветлыны*** озьы сием-юэм бере нош ик ветло вösьнерге. Нош ик böляк люкаськыса улӥысен выллане тубе. Котькуд коркалэн кузёез куооослы вösям винаез веръятэ.	Испеченные три булочки кладут в жертвенную миску, а в деревянную жертвенную чашу наливают вино для освящения. После приготовления идут в куалу. Маленьких туда не пускают. Вся семья сидит за столом в доме и ждет. Только отец молится в куале. После того как он заходит в дом, он разрезает освященный хлеб, на каждый ломоть намазывает масло и подает каждому члену семьи. Вначале пробует сам, потом раздает по старшинству остальным членам семьи. Хлеб с маслом едят со словами «Остэ!» («Господи!»). Жертвенную чашу с вином подавали только старикам. ***Гостевание с родственниками*** после семейной трапезы снова идут в гости по родственникам, ориентируясь по течению реки, идут снизу вверх. В каждом доме хозяин дает гостям пригубить освященное вино.
Куинетӥ нунал – **Третий день**	***«Пучы ворттон»*** быдзым нуналлэн куинетӥ нуналаз пучы ворттон. Кölэм бере, пиналъёс выль кенакъёслэсь чук бичаса ветло: кин кышет, кин чалма, кин ӧушкон сётэ. Собере гурт сьöрысь Тарлау нимо интые мыныса, валэн ӧошатско. Валъёссэс кузёоссы олокызьы но чеберъяло вал. Кудӥз, мылкыд карисьёс, огшоры бызьылыса но ӧошатско вал. Ӧошатскись чук кутӥсь киысь кышетъёсты басьтэ, со адями мукет чук кутӥсен ваче юо вал. Озьы таос юмшаку, вал ворттӥсьёс соос доры валъёсынызы ик пырылӥзы, но соос кыклэсь трос уг луо. Со валъёссэс сэндралэсь кыдёке уг ортчыто, куто. Коркалэн кузёез вал кузёлы вина сётэ. Нош соос коня ке асьсэос юо, коня ке валзэс сектало.	***«Вербные скачки»*** на третий день Пасхи – вербные скачки. Дети собирают подарки-чук у молодушек: кто платки, кто головные полотенца-чалмы, кто обычные полотенца давал. Потом шли за деревню на открытую местность под названием Тарлау, где устраивали скачки. Хозяева своих лошадей украшали. Кое-кто соревновался в беге. Участники скачек брали предназначенные для подарка полотенца из рук того, кого называли «чук кутись» (подарки держащий). Их больше двух не было. Пока они друг друга угощали, участники скачек к ним в дом прямо на конях заезжали. В избе дальше полатей коней не пускали, придерживали. Хозяин верховым вина подавал, а они немного сами пили, немного коням давали.

Ньылетӥ нунал – **Четвертый день**	***Урбеч уллян*** ньылетӥ нуналаз – урбеч уллян. Таяз юондыре пото мӧйыос но, егитъёс но. Соос киосазы сусыпуэн урбеч улляса коркась корка ветло. Коркалэн кузёез куноссэ вӧен, аръянэн, аракыен кияз пумита. Нош куноос кырӟаса пыро: «Татцы гинэ пыримы, / Кытцы гинэ пырылод? / Уд ведь шедьты, уд ведь шедьты / Таослэсь но ӟечъёссэ». Коркалэн кузёез куноосызлы кукей, кеньыр, вӧй сётэ вал. Куноос потыкузы но кырӟаса пото: «Ой, таулэ, таулэ, / Сюдэмлы но сектамлы. / Таослэсь но бадӟымъёссэ / Шедьтылыса улэлэ». Озьы пырало котькуд корка. Трос люкаське вал кеньыр, вӧй но кукей. Кабак шур дуре лыктыса, вӧйын ӝук пӧзьто. Пӧзьтэм жуксэс вӧсяло но сиё. Ныльпиослы люкыло кукей.	***Изгнание / выпроваживание злых духов*** на четвертый день – изгнание злых духов. В этом обряде участвуют и старики, и молодежь. Они ходят с можжевеловыми ветками по домам, изгоняя злых духов. Хозяин дома встречает их с маслом, пахтой, вином в руках. Гости заходят с песней: «Сюда не зайдешь, / Куда же зайдешь. / Не найдешь ведь, не найдешь ведь / Лучших хозяев, чем эти». Хозяин подавал гостям яйца, крупу, масло. Гости, выходя из дома, поют: «Ой, спасибо да спасибо, / За ваше угощение-потчевание. / Пусть еще богаче / Будет ваша жизнь». Так обходили все дома. Много набиралось крупы, масла, яиц. Шли к реке… и варили кашу с маслом. Сваренную кашу освящали и ели прямо там. Детям раздавали яйца.
Витетӥ нунал – **Пятый день**	***«Пересь сюан»*** ӵуказеяз самой пересьёс гинэ пото. Соос пото сюанэ шуыса. Озьы ик ветло коркась корка. Урбеч уллян нуналэ кырӟам кырӟанъёсты выль кен басьтон гурен кырӟаса ветло. Та юондырез «пересь сюан» шуо вал. Котькуд коркан соосты возьмало вал. Соос ке пырало, пе, аракы умой потоз. Та сюанэн быре вал Быдӟым нунал.	***«Свадьба стариков»*** на следующий день отмечают праздник только самые пожилые. Они идут будто бы на свадьбу. Так же обходят дома. Песни, исполняемые в обряде изгнания злых духов, в этот день поют на свадебный напев рода жениха. Этот праздник называли «свадьбой стариков». Их ждали в каждом доме. Считалось: если «свадебная» процессия посетила дом, удастся кумышка хозяев. Этой «свадьбой» заканчивалось празднование Великого дня – Пасхи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН – Рукописный фонд научно-отраслевого архиваУдмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

Оп. – Опись

Д. – Дело

Инд. Т. – Индивидуальная тетрадь

РФ УдГУ – Рукописный фонд факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алатырев В. И.* Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. 778 словарных статей / Под ред. В. М. Вахрушева, С. В. Соколова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988.

2. *Верещагин Г. Е.* Соб. соч.: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 1: Вотяки Сосновского края / Отв. за выпуск Никитина Г. А.; Слово к читателю: Ванюшев В. М.; Предисл.: Ванюшев В. М., Никитина Г. А.; Предметно-тематический указатель: Ванюшев В. М.; Примеч.: Ванюшев В. М., Владыкина Т. Г., Гришкина М. В., Долганова Л. Н., Иванова М. Г., Никитина Г. А., Шушакова Г. Н. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. (Памятники культуры).

3. *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1 / Отв. за выпуск Г. К. Шкляев; Предисл., прилож. В. М. Ванюшева; Указатель, примеч. Г. К. Шкляева; коммент. Т. Г. Владыкиной, М. Г. Ивановой, Г. А. Никитиной, В. П. Осотовой, Г. К. Шкляева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. (Памятники культуры).

4. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов: Монография / В. Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртия, 1994.

5. *Гаврилов Б. Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уезда, Урясь-Учинскаго прихода // Труды четвертаго археологическаго съезда въ России, бывшаго въ Казани, съ 31 іюля по 18 августа 1877 года. Томъ второй. Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1981. С. 80–156.

6. *Жукова И. П.* Трансляция фольклора во времени и пространстве (к проблеме семейного знания) / Дипл. работа. Руководитель: Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2011.

7. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999.

8. *Миннияхметова Т. Г.* Календарные обряды закамских удмуртов: Монография / Т. Г. Миннияхметова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.

9. *Николаева М. И.* Фольклорно-этнографические реалии обрядовой культуры д. Аксакшур Малопургинского района / Дипл. работа. Руководитель: Г. А. Глухова. Ижевск, 2011.

10. Перевозчикова Т. Г. Представления о мире и народный календарь // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. С. 251–254.

11. *Толстая С. М.* К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели / С. М. Толстая // Языки культуры и проблемы переводимости / Отв. ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 154–169.

12. *Толстая С. М.* Время / С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 448–452. (Институт славяноведения и балканистики РАН).

13. *Толстая С. М.* Дни недели // Славянские древности... Указ. изд. Т. 2: Д–К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 95–99.

14. *Топоров В. Н.* Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга. Об и.-евр. **nok$^{u̯}$-t-* (**nek$^{u̯}$-t-*) & **dein-*/**dĭn-* (**dei̯en-*) и **dein*/**dĭn-* (**dei̯en-*) & **nok$^{u̯}$-t-* (**nek$^{u̯}$-t-*) / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 166–198. (Opera etymologica. Звук и смысл).

15. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

16. *Христолюбова Л. С.* Калык сямъёсты чакласа: Дышетисьёслы краеведениея юрттэт. Ижевск: Удмуртия, 1995.

Поступила в редакцию 7.09.2011

T. G. Vladykina, G. A. Glukhova

Days of Week in Udmurts' Conceptions of Time

The article deals with the names of days of the week in contemporary Udmurt language and their connection with calendar rites. On the basis of the research an archaic weekly cycle is reconstructed and its evolution in traditional Udmurt culture is traced.

Keywords: category of time, weekdays, sacral days, names of days of the week, archaic cycle, contemporary cycle, udmurt calendar.

Владыкина Татьяна Григорьевна,
доктор филологических наук, профессор,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: vlad@ni.udm.ru

Глухова Галина Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: galant@udm.ru

Vladykina Tatiana Grigorievna,
Doctor of Philology, professor,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: vlad@ni.udm.ru

Glukhova Galina Anatolievna,
Candidate of Science (Filology), assistant professor,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: galant@udm.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.132

В. А. Латышева

ЛИРИКА РОДИНЫ В МЕМУАРАХ ПИТИРИМА СОРОКИНА (ЗЫРЯНСКАЯ ЮНОСТЬ МЫСЛИТЕЛЯ. ОСНОВЫ ИСКУССТВ. ПРИРОДА И НАРОД)

Освещается образ «малой» Родины в мемуарном произведении П. А. Сорокина «Долгий путь», раскрытию которого посвящен анализ эмоционального тона произведения, образа рассказчика, выражение его возвышенных чувств в описаниях природы и изображении образов жителей данной местности.

Ключевые слова: мемуары, образ рассказчика, эмоциональный тон произведения, предметный мир воспоминаний.

Мемуары – от слова «мемория» – память. Естественна в них субъективность, естественны точность или неточность наблюдений и воспоминаний, уступающие документу. Собственные воспоминания и впечатления автора о том, что видел, чувствовал, испытал, собственный взгляд на то, что встречалось в действительности – вот что обязательно в мемуарах, а «Долгий путь» Питирима Сорокина – именно мемуары, хронологически «упорядоченные», фактически достоверные, без вымысла. Не дневник и не историческая проза, а воспоминание о жизни, где невозможен сюжет, а действие движут неожиданные события, картины, чувства. Это живое и непосредственное выражение личности автора, документ времени.

Автор мемуаров, например, знает, насколько театрализован обряд зырянской свадьбы, хранит его в памяти, как обертку от леденца с изображением желто-зеленой груши, которую получил в награду за успехи в учебе в доме простой крестьянки, обучавшей в своем доме нескольких деревенских детей читать, писать и считать. Это была его «первая и самая дорогая» награда за успехи в учебе. Он «прикрепил картинку на стене рядом с иконами». «Ни один из дипломов, премий и почетных званий, данных мне большими учебными заведениями и научными институтами, не окрыляли меня так сильно…», – вспоминал Питирим Александрович.

Мемуары Питирима Сорокина только тяготеют к жанру дневника, к исторической прозе (по достоверности, по мастерству, по отсутствию вымысла).

В то же время это – научная биография автора, документально-исторический очерк.

В самом начале это произведение особенно красиво, в его художественных качествах раскрывается писательский дар автора: эстетические ценности его натуры воспитывает прекрасная природа родины, очарование которой он хранит в памяти и душе до конца своих дней. Повествование здесь интересно особенно тем, что оно изобилует картинами родного края в разные времена года и характером общения ребенка и юноши и ровесниками, и это – живое и непосредственное выражение складывающейся личности автора – исповедание веры писателя.

«Долгий путь» Питирима Сорокина – книга о жизни титана социологической теории XX века», написанная им самим, изданная в 1963 г. в Америке (New Haven. Connecticut. College 8c University Press).

Питирим Александрович Сорокин родился 21 января 1889 г. в коми селе Турья. В селе Коквицы умерла его мать (1892 г.), дочь крестьянина коми из Жешарта (стр. 9 мемуаров). Здесь ее сыновья с отцом прожили 10 первых лет своей совместной жизни.

Отец, русский, родился и выучился ремеслу в Великом Устюге. У него был диплом «Золотых, серебряных и чеканных дел мастера» и «голубой с золотыми буквами нагрудный знак» (С. 15). Это был «настоящий мастер своего дела, человек надежный и честный, удачливый в работе, уважаемый за хороший характер и ум, счастливый в семейной жизни» (С. 15).

Вскоре после смерти жены, покинув Устюг, отец поселился в Коми крае. Как считает его сын, – здесь для его работы в церквах не было конкуренции, «а может быть его привлекли природа края и характер коми народа. Так или иначе, он уже никогда не вернулся в Великий Устюг» (С. 15).

Природе края и народу коми автор «Долгого пути» посвящает полные ностальгии и лиризма первые страницы своих мемуаров (С. 9–14; 19–20; 27–35).

Их предваряет «самое раннее воспоминание», – прощание с матерью, – трагизм которого ребенок ощущает инстинктивно: «Зимняя ночь. Горница в крестьянской избе слабо освещена горящими лучинами, наполняющими ее дымом и зыбкими тенями…

Снаружи завывает снежная буря. Внутри, на полу комнаты, лежит моя мать. Лежит без движения и, что мне странно, молча…» (С. 8). «…Завывание метели, мечущиеся тени, слова «смерть», «умерла», произнесенные братом, причитания крестьянки о «бедных сиротах» – все это усиливает чувство горя» (С. 8).

И далее: «Отец, священник и жители села идут за санями. Снег ярко блестит под холодным, голубым и солнечным небом, через какое-то время… мы спрыгиваем с саней и бредем домой, где сразу же залезаем на полати и лежим молчаливо и подавленно…» (С. 8). Атмосфера деревни Севера, печали передана правдиво: «мне уже не так голодно и холодно, как было совсем недавно, но теперь я внезапно ощутил себя подавленным, одиноким и потерянным».

О раннем детстве в «первозданных лесах, тянущихся на сотни верст во всех направлениях» говорит автор дальше. «Подобно маленьким островкам в море, затерялось в этих лесных массивах села и деревушки коми народа. Две великие реки со своими притоками – Вычегда и Печора – несли через лесную страну

прозрачные, как хрусталь, воды. Их бурное течение омывало красивые песчаные пляжи, крутые холмы, благоухающие пойменные луга, деревья и кусты, растущие вдоль берегов. Привольно разливающиеся реки играючи бежали среди деревьев, вдоль затейливых русел, а в глухих уголках этого зеленого царства лежали безмолвные озера, бочажки и болота» (С. 9).

Если в «Прологе» царило настроение неожиданной катастрофы в жизни ребенка, атмосфера глухой, северной деревни, крестьянской избы холодной зимой и церковного непонятного ребенку отпевания, то из этих двух отрывков повествования мы вдруг понимаем, что воспоминания адресованы людям, не знакомым с подобной жизнью российских крестьян.

Действительно, автор хочет довести атмосферу своих далеких воспоминаний до читателя Америки. Отсюда сравнение песчаных отмелей *с пляжем*, коми деревушек – *с островами в море*, плавного течения мощных рек – *с бурными* или *разливающимися*... Отсюда неподходящий эпитет «затейливые» (русла), неточное слово «бочажки»…, «бурные» – о мощных, величаво медлительных реках севера… Впрочем, это могут быть неточности переводчиков с английского – П. Кротова и А. Липского.

Но в целом повествование автора мы пока ощущаем как художественное произведение, где он – герой и рассказчик одновременно. Это воспоминание об эмоциях, которые неизменно вызывала у него «лесная страна», «зеленое царство».

«Особенно чудесны были высокие, стройные сосны. На земле, покрытой красивым белым мхом – ягелем, – тысячи этих сосен стояли, колоннами подпирая небо, то тихие и загадочные, словно забывшиеся в молитве, то шумящие и раскачивающиеся, как бы сражающиеся с яростной вражьей силой» (С. 10).

Красочность первых страниц мемуаров говорит о том, что это художественная проза богато одаренного писателя. Эта часть произведения – как роман с его лирическим, монологическим, ретроспективным повествованием. События детства и юности проступают через него в воспоминаниях отчетливых, но затуманенных очарованием счастливого времени, в субъективных впечатлениях о действительных фактах, процессах, событиях, значительных для юноши, его складывающегося духовного мира.

Нам интересны мысли, чувства юноши, его отношение к увиденному. Перед нами постепенно начинает складываться литературный портрет мемуариста…

На протяжении всего повествования чувствуется, что для автора незабываема природа родины: «Я рад, что прожил детство в этой девственной стране. Даже сейчас, если бы мог выбирать, я не променял бы ее на самую цивилизованную сферу обитания в самом лучшем районе самого прекрасного города в мире. Я счастлив, что имел возможность жить и расти в этой природной стихии до того, как ее разрушили индустриализация и урбанизация» (С. 10).

Жизнь в деревнях коми дала юноше первые понятия о радостном труде, его разных ипостасях: рисовать иконы, гравировать, чеканить ризы, художественные рельефы, разные планы иконы, ее скульптурные детали, серебрение, золочение… Чувство линии, цвета и формы было сформировано у него в работе над украшением церквей в деревнях коми вместе с отцом и братом и воспитало интерес

к живописи, скульптуре и архитектуре, проявлявшийся в нем на протяжении всей последующей жизни.

Семья шла пешком, ехала на подводах по лесному краю в поисках иных церквей, новой работы. «Путешествуя, мы наслаждались изменчивой красотой пейзажей, наблюдали жизнь животных, вдыхали ароматы леса и лугов, купались и ловили рыбу в чистых протоках, а по вечерам собирались у костра и под звездным небом чувствовали, что нет ничего лучше, чем захватывающаяся жизнь на природе. В этом постоянном передвижении не было места скуке и ежедневной монотонной рутине» (С. 23–24).

Эти путешествия по краю и ежедневная работа воспитывали характер юноши и мировоззрение. Общение с разными людьми сделало его гуманистом. «Поскольку коми люди и моя семья в частности были двуязычными, т.е. говорили на двух языках, коми и русском, то они же и стали для меня родными» (С. 33). «Поскольку религией коми народа (и моей семьи тоже) являлось русские православие, смешанное с пережитками дохристианских, языческих верований, и то и другое естественным образом соединилось в моей вере и исполняемых обрядах, их влияние на мое сознание усиливалось нашим семейным ремеслом, предназначенным для нужд церкви» (С. 33).

«Священники, дьяконы и псаломщики были весьма умные и образованные люди. Они в значительной мере повлияли на формирование моей личности и системы ценностей» (С. 33).

«Таинства Христовы… открыли мне... загадочную реальность и трагические моменты жизни. Они заронили семена сохраняющегося до сих пор отвращения к мещанскому восприятию жизни, как череды удовольствий и развлечений, а также неприятия той поверхностной концепции, что все сущее – есть материя, данная нам в ощущениях. Если в моих теориях содержатся элементы мистицизма, как утверждают некоторые ученые, такие мистические и трагические их черты были заложены именно в мои детские годы… Корни Гарвардского исследовательского центра по Созидательному Альтруизму, основанного мной в 1949 г., выходят именно к… заповедям Иисуса, затверженным в детстве. В соединении с моим странствующим образом жизни и социальным устройством коми народа, религиозная атмосфера ранних лет сыграла важную роль в становлении моей личности, целостной системы ценностей и кристаллизации ранних философских взглядов. Так или иначе, но я придерживался идеалистического мировоззрения, в котором такие ценности как Бог и природа, правда, добродетель и красота, религия, наука, искусство и этика были объединены в одно гармоническое целое» (С. 34).

Искренность и достоверность – эти качества повествования подкупают нас с первых картин воспоминаний. Повествование продолжается как монологическая проза писателя, обладающего большим художественным даром.

Любовь к труду и одновременно наслаждение красотой результатов семейного труда для юноши были нераздельны. При работе в сельских храмах – «покраска церквей изнутри и снаружи, серебрение и золочение культовых предметов, писание икон и изготовление для них риз – металлических, чеканных окладов, – как и в любой работе, здесь были свои прелести, интересные и нудные операции,

риск». Напряженные позы, краска, затекающая в глаза и уши, примитивные леса, шаткие лестницы… (С. 24).

«Позднее, когда мне довелось прочесть, как Микеланджело рисовал свои бессмертные фрески на потолке сикстинской капеллы, я прекрасно понимал, какие чрезвычайные физические усилия понадобились ему, чтобы закончить свой труд.

Я, однако, любил красить или долотить шпили, купола и крыши церквей летними солнечными днями, когда обычно и делали такую работу. Забравшись на верхушку храмового здания (а большинство церквей в Коми крае имело высоту от 30 до 75 метров), овеваемый ласковым ветерком, я наслаждался бескрайним голубым небом надо мной и прекрасным сельским пейзажем с селами, полями, речками, озерами, окруженными со всех сторон бескрайним красочным лесом. Работать в таких условиях было не утомительно. Такой труд сам служил прекрасным отдыхом.

…Мне особенно нравилось рисовать иконы и чеканить ризы. Риза, сделанная из медной или серебряной пластины, рельефно воспроизводила рисунок на иконе, за исключением лица, ладоней и ступней божественных или святых образов. Придумывание и писание икон, а также изготовление к ним риз требовали большого мастерства и творческих усилий… Пластина помещалась в специальную деревянную рамку с дном, по которому ровным слоем была намазана теплая и мягкая смесь дегтя и живицы, затем на пластину наносился контур фигуры святого и заднего плана иконы. Далее легкими ударами молотка и разных по форме острия зубильцев (чеканов) намечалась «негативная» форма картинки. После этого пластина вынималась из рамки и переворачивалась. «Негатив» ризы, образованный смолой, прилипшей в местах ударов чеканом, тщательно обрабатывался и превращался в «позитивный» рельеф. На этом этапе каждая деталь святого образа – поза, положение рук, облачения со всеми сгибами и складками, а также каждая деталь заднего плана – должна быть «скульптурно вылеплена» до полной завершенности и натуральности» (С. 25). Затем «рельефное изображение на ризе обезжиривали, серебрили или золотили, затем полировали и, наконец, тщательно прибивали к иконе» (С. 25).

Сложными навыками декоратора, гравера, чеканщика и скульптора юноша стал обладать. «Творческий характер такого искусства и был причиной моего особого пристрастия к нему и, возможно, быстрого прогресса в освоении сложного ремесла, – вспоминает П. Сорокин. – … Я стал лучшим декоратором, художником и чеканщиком…» (С. 26).

Началом своих «жизненных странствий» Питирим Сорокин и считает свою кочевую жизнь с отцом по селам и деревням коми в поисках работы в церквях. «Наши скудные пожитки и рабочие инструменты грузились на телегу» (нанятую у крестьян). «Когда отец не имел денег нанять лошадь, мы шли пешком, неся с собой минимум инструментов и одежды». «Семья исходила вдоль и поперек весь Коми край», часто приходилось ночевать на дороге без пищи и крова… Зимой «нередко замерзали в одежде не по сезону». «Каждый отъезд означал резкий разрыв эмоциональных связей со вновь обретенными друзьями. От-

ъезд означал возврат к кочевому существованию бродяг, не имеющих ни дома, ни корней». Особенно в первые годы работы с отцом «я хорошо помню, как «горько я плакал…, переживая внезапные расставания с друзьями… Но были и счастливые минуты… » (С. 23).

Влияние религии на меня было так велико, что «после прочтения Жития святых мне хотелось стать аскетичным отшельником, и я часто уединялся в ближнем лесу, чтобы попоститься и помолиться. Религиозность служила также стимулом и основой развития творческих наклонностей. Пение в церкви удовлетворяло мою тягу к нему и стимулировало любовь к музыке. Я стал прекрасным певчим, а позже – регентом церковного и руководителем школьного хора. Прислуживая во время религиозных церемоний, я выучил наизусть молитвы, псалмы и тексты священного писания, а также детали и тонкости церковной службы. Хорошие знания религиозных текстов и обрядов дали мне более глубокое понимание их мудрости и красоты. Во многом благодаря этим знаниям я стал чем-то вроде учителя-проповедника на соседских посиделках долгими зимними вечерами…» (С. 33–34). «Хотелось бы мне знать сейчас секрет популярности моих первых лекций и проповедей! Возможно, это был первый «синдром» моей будущей профессии или «безусловный рефлекс», или просто определенная склонность характера, которая позднее полностью проявилась в том, что я стал университетским профессором…» (С. 34).

Автор мемуаров хорошо помнит обряды народа коми: рождение человека, свадьба, смерть, гулянья, праздники, посиделки… «Все, чем мы занимались, переполняла кипучая жизненная энергия и приподнятые чувства. В играх было много смеха и беззлобных розыгрышей; религиозные шествия настраивали нас на торжественный лад, а похороны вызывали чувство искреннего сопереживания.

А как драматичны и сложны были эти церемонии! Например, весь свадебный праздник от начала до завершения длился обычно 2–3 недели» (С. 28–29). Автор вспоминает «сюжетные» тонкости сватовства и сговора, подарков, выкупов, драматических плачей и слез, а затем веселья и танцев, пития и гостьбы. Купание невесты в бане, инсценирование похищения, театрализованные обряды борьбы и защиты невесты с участием всех сельчан, наконец, венчание в церкви и снова пир и веселье, шутки, песни, смех и величание…

Жизнь коми деревни – яркая, захватывающая, свободная от механической рутины городской, «представляла собой постоянную смену разнообразных видов деятельности в соответствии с дневными, недельными и сезонными ритмами» (30). «…Она была богаче, менее монотонна и более наполнена смыслом, чем жизнь фабричного рабочего и городского служащего…» (С. 30).

Произведение, имеющее значение художественное, делающее наблюдения о культуре народа, выводит автора к социологическим обобщениям и выводам, в которых он найдет в конце концов свое призвание.

Уже в ранних наблюдениях автором жизни народа проступают научная логика и обоснованность этих выводов, пристрастность будущего публициста. Народные обычаи, их красота и целесообразность в окружающем людей прекрасном мире стали, может быть, одним из главных критериев оценки жизни,

достойной человека, в вершинных трудах гуманитарной мысли XIX–XX вв. – в научных трудах Питирима Сорокина.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман: пер. с англ. / Питирим Александрович Сорокин. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. 304 с.

Поступила в редакцию 21.01.2011

V. A. Latysheva

Lyricism of the homeland in the memoirs of Pitirim Sorokin
(Zyryan youth of the thinker. Foundations of arts. Nature and people)

The image of the «small» homeland in the memoirs of Pitirim Sorokin is shown in the article. To interpret this image the author analyzes emotional tone of the work, the image of the narrator, expression of his high feelings in nature description and representation of the images of this area inhabitants.

Keywords: memoirs, the image of the narrator, emotional tone of the work, subject world of memories.

Латышева Вера Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»
г. Сыктывкар
E-mail: pedagog@syktsu.ru

Latysheva Vera Alekseevna,
Doctor of Philology, professor,
Syktyvkar State University
Syktyvkar
E-mail: pedagog@syktsu.ru

УДК 39(=511.1)“17”

А. Е. Загребин

О ЯЗЫКЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОПИСАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ И. Г. ГЕОРГИ)*

В статье анализируется текст этнографического описания финно-угорских народов России, принадлежащий участнику Физической экспедиции Санкт-Петербургской академии наук И. Г. Георги (1729–1802). Особое внимание уделяется идеологии и стилю авторского письма.

Ключевые слова: финно-угры, этнографический текст, автор, классификации, идентичность.

На протяжении многих лет образцовым в искусстве изложения этнографическим текстом эпохи Просвещения считается труд Иоганна Готлиба Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» [3]. Химик по образованию, И. Г. Георги не только привнес в отечественную науку о народах и культурах важные в методологическом отношении приемы, но и прошел по тонкой линии политического письма, сумев и соблюсти интересы заказчика, и не сильно покривить душой против истины.

Предыстория текста

Полученные в ходе академических экспедиций XVIII в. накопления этнографических фактов и артефактов должны были найти логическое продолжение в публикациях обобщающего характера [4]. Первоначально необходимо было определиться с названиями народов (внутренними и внешними), которые могли бы указать направление этногенетических поисков. Затем следовало очертить этническую территорию, занимаемую народами в прошлом и в настоящем, что

* Статья подготовлена в рамках Интеграционного проекта Президиума Уральского отделения РАН № 09-И-7-2001 «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (XVIII – начала XX в.)».

могло дать ключ к пониманию такого параметра культуры, как тип хозяйственных занятий. Описание традиционных обычаев и обрядов, в свою очередь, подводило к тонким сферам жизни – таким, как народные нравы и поведенческие стереотипы, где субъективный фактор становился доминирующим. Соотношение общего и особенного при анализе народной одежды, домостроительства, пищи и транспортных средств указывало на возможные межэтнические связи и контакты. Завершить иерархию народных ценностей следовало характеристикой бытующих религиозных верований и суеверий. Соответственно, опыты первичной каталогизации должны были перерасти в масштабные издательские проекты, иллюстрирующие этническое многообразие Российской империи.

Более значимые обстоятельства появления своего труда И. Г. Георги раскрывает в предисловии, говоря о том, что, несмотря на длительность этнических контактов, взаимовлияний и миграций, народы России сохранили свои культурно-бытовые особенности, но точных знаний об этих народах было недостаточно, так как они стали накапливаться лишь в ходе поездок ученых, командированных Санкт-Петербургской Академией наук. Теперь, говорит автор, пришла пора систематизировать накопленные сведения, тем более что быт народов под влиянием соприкосновения с русскими, принятия христианства и других факторов все более меняется.

История текста

Публикация «Описания…» осуществлялась с 1776 по 1780 год одновременно на немецком (в четырех частях) и русском языках (в трех частях) [10]. Книга была посвящена Екатерине II, «при кротком правлении» которой столь благополучно народы «жизнь свою препровождают». Работа встретила благосклонное внимание императрицы, отметившей автора золотой табакеркой. В новое царствование книга выдержала еще одно издание на русском языке, расширенное и уточненное, теперь уже с посвящением императору Павлу I [1]. В наши дни работа И. Г. Георги была еще один раз переиздана, что свидетельствует о качестве текста [2]. Дело в том, что первая сводная этнографическая работа о народах России была построена на солидной научной базе [2. С. 37]. Написанная умом и пером И. Г. Георги, она вполне может считаться продуктом коллективного творчества ученых-путешественников XVIII века.

И. Г. Георги и этнография финно-угорских народов (текст и контекст)

Финно-угроведение как специальное направление исследований не было для И. Г. Георги предметом его непосредственных научных занятий, поскольку на тот момент степень дифференциации в сфере народоведения находилась в зачаточном состоянии. Однако предпринятая им попытка создания обобщенной этнографической классификации народов России должна была иметь некий отправной пункт. Да и сама логика работы подсказывала – рассмотрение системы этнических групп следовало бы начать с народов, являвшихся наследниками древнейшего населения страны.

Финно-угорский мир И. Г. Георги открывают саамы (в тексте – *Лопари*), географически самый северный в Европе народ, к тому же ведущий преимущественно кочевой образ жизни, что для ученого человека эпохи Просвещения само по себе вызывает интерес: «*По причине не плодородия тамошних гор и суровости воздуха, так, как и потому живут почти зверообразно, не может сей народ соответственно обширности занимаемой ими страны быть многолюден*» [2. С. 49]. Значимость для автора климатических и экологических факторов сопровождает его рассуждения по проблемам этногенеза: «*Лопари суть финский народ. Они назывались еще за шесть сот лет до наших времен стрикофиннами (беглыми финнами) и вероятнее кажется, что нынешние финны отщетясь от них, переселились в привольные места для спокойнейшей и выгоднешней жизни…*» [2. С. 49]. Демонстрируя приверженность «концепции Миллера–Фишера» о возникновении отдельных «финских» народов путем постепенного выделения из материнского этноса отдельных групп, автор выдвигает гипотезу возникновения современных финнов путем выделения из саамской этнической общности и последующей миграции на юг, в более приспособленные для жизни места.

Политическая составляющая отражается в тексте следующим замечанием: «*Они издревле жили на своих горах и управляемы были своими владельцами: но напоследок покорены шведами; и теперь нет у них и памяти дворянских семей*» [2. С. 49]. Элемент «скотландизации» саамской истории заметен также в сентенции о горной уединенной жизни под началом местных властителей, нарушенной вторжением извне, тогда как использование понятия «дворянство» может трактоваться в качестве дани духу времени, когда наличие собственной знати служило одним из факторов суверенности.

Занимательно изложенные данные по саамской антропометрии сменяются столь любимой просветителями темой «О разуме». Оказывается, что «*разум у них* (саамов. – *А. З.*) *обыкновенный простонародный*» [2. С. 49]. Это не мешает его обладателям демонстрировать сложную гамму чувственных проявлений, варьирующих от миролюбия и постоянства до недоверчивости и склонности к плутовству в торговле. Тем не менее, автор находит ключевой пункт, как мы бы сейчас сказали, «саамской идентичности» в редкой до самоотверженности любви к родине и мироустройству: «*Об отечестве своем и общежительственном устроении очень много думают, и столько как иными так и самими собою пленены, что будут вне отечества, умирают больше от сокрушения своего по родине*» [2. С. 50]. Следующий по степени важности этнодифференцирующий признак – это язык, происхождение которого от «финского», то есть в нашем понимании от языка-основы, не подлежит обсуждению, так же, как и наличие множества саамских диалектов, разнящихся настолько, что *«…и сами лопари с трудом всех своих одноплеменников слова разумеют*» [2. С. 50]. Фиксация слабой языковой консолидации только подкрепляет факт отсутствия у саамов письменности в общепринятом ее понимании, когда слова составляются из букв, а не из рисунков.

Тайные или явные просветительские настроения не затмевают для автора такого социально значимого явления, как далеко зашедшее имущественное неравенство, царящее в саамском обществе. Рассеянные по тексту свидетельства

о местной «жадности к богатству», «корыстолюбию», «зарыванию денег в землю», нежелании и невозможности платить подати должны были, тем не менее, найти какое-либо объяснение. Ответ автора лежит скорее в области экологического и географического детерминизма. С некоторым удивлением для себя он отмечает, что принятие «христианского закона» не привело здесь к переходу к оседлому образу жизни, да это было бы и трудно исполнимо, поскольку экономически невыгодно и противоречит местной природе. Тогда как столь нелюбимое просветителями кочевание, наоборот, приносит наибольшую прибыль саамам-оленеводам, рыбакам и охотникам за «мягкой рухлядишкой». С другой стороны, дикостью края можно было объяснить неглубокое проникновение христианства в саамское мировоззрение, отличавшееся двоеверием и приверженностью шаманским практикам.

Следующие в тексте за саамами финны выступают своеобразными антиподами первозданной дикости северных соседей: «*Финны, от предков коих произошли почти все северные европейские народы, суть азиатцы, переселившиеся в древние невежеством помраченные времена из восточных своих стран в занимаемые ими теперь на западе земли*» [2. С. 59]. Миграционная позиция автора исходит из довольно распространенного для той эпохи понимания исторического процесса, согласно которому пребывание на благословенном просвещенном Западе облагораживает даже самые суровые, закосневшие в неведении сердца вчерашних дикарей. Но в чем же конкретно повезло финнам и каковы предпосылки их нынешних успехов? Ответ в принципе предсказуем: «*Они сообразны по своему произхождению, нраву и языку многим европейским и азиатским народам… но ни с кем столько не сходствуют, как с лопарями и пермянами. Кажется, что они отделились от лопарей не прежде, как в тринадцатом столетии, при разпространении христианской веры и утверждении жилищ на одном месте*» [2. С. 59]. Придерживаясь избранной структуры изложения эмпирического материала, И. Г. Георги продолжает вести свою линию, не исключая таких, казалось бы, неидеологизированных тем, как народная антропометрия: «*По наружному виду совершенно финны лопарям сообразны: но телесными и душевными добрыми качествами далеко от них отошли…*» [2. С. 60]. Идеализация финнов одновременно с противопоставлением их язычествующим собратьям иллюстрируется рядом важных моментов, как-то: «*говорят собственным языком, но пишут готскими буквами*», то есть переход на латинскую графику не ведет к утрате языковой суверенности; напротив, культура письма предопределяет то, что финны имеют «*разные частные и высшие училища; и нарочито успевают в различных художествах и науках*». Правда, автор умалчивает, что образование и научные занятия финнов совсем не предполагают развития народного языка, исключая его из высших сфер общения в пользу политически доминирующего шведского и схоларной латыни. Для него гораздо более значимо показать европейские маркеры, приобретенные финнами на новых местах обитания. Лютеранский закон и христианское летоисчисление в этом случае выступают как универсальные ценности, закладывающие базу дальнейшего прогресса. Но кто в таком случае выступит в качестве катализатора поступательного движения? Ответ автора звучит практически в каждом абзаце: это – шведы, ибо «*города*

их подобны шведским», «*хозяйство же свое ведут по шведскому обыкновению; да и домашняя у них утварь такая же, как и у шведов*», «*одеяние городских и чиновных людей ничем от шведской городской одежды не отменно. Да и мужики такое же точно платье носят, какое и шведские крестьяне*». Мало того, даже те области Финляндии, что «…*Российской покорены державе, пользуются шведскими правами и преимусчествами*» [2. С. 60].

Однако путь в сообщество просвещенных наций был для финнов долог и тернист: так, не до конца еще изжиты в народе суеверия. И. Г. Георги, в частности, пишет, что древние финны были такими ревностными идолопоклонниками, что шведским королям и упсальским епископам пришлось употребить немало усилий для обращения упорствующих. Автор пытается не только констатировать успехи просвещения финнов, но и по возможности исследовать природу их былых верований. Он приходит к выводу, что «*чрез толь долгое время сделались предания о древнем их богословии весьма недостаточными; в разсуждении же новейших времен сходствует оная в главных делах с законоучением лопарей и других от финнов произшедших народов*» [2. С. 62]. Кроме того, кажется, что он находит некий общий момент, роднящий представления язычников о священном. Это – культ медведя: «*Все в языческом суеверии утопающие северные и северовосточные народы почитают медведей очень важными зверьми, и думают, что души их так же, как и человеческие, безсмертны; а от сего и вошли в употребление при звериной их ловле, весьма многие суеверные забобоны*» [2. С. 64]. Как доказательство он дает перевод текста финской ритуальной песни, связанной с почитанием медведя. В целом автор дает понять, что финны, безусловно, дальше своих собратьев продвинулись по пути цивилизации, но им еще много предстоит работать над собой.

Перемещая свой взор с Севера на южное побережье Балтики, И. Г. Георги обнаруживает среди здешнего коренного населения родственные финнам поколения, обозначенные как: *Латыши, Есты и Ливонцы*. Каким образом латыши оказались зачислены в ряд «финских народов», достойно специального рассмотрения.

Очевидно, что лингвистическая классификация имела для него первостепенное значение, и, будучи реалистом, И. Г. Георги понимал, что за многие столетия совместной жизни на территории Восточной Прибалтики местные народы тесно контактировали в языковом отношении. Вместе с тем, существенное отличие латышского языка от эстонского и ливского (чье финское происхождение было однозначно ясно) требовало от него более серьезной аргументации, связанной с этническими процессами в регионе. Он предлагает следующую схему: «*латыши, кои обще с литвою и древними пруссами составляют один народ, суть смешанные с финнами славяне...*» [2. С. 65]. Далее автор подключает миграционный и хозяйственно-культурный факторы, согласно которым латыши, издавна занимавшиеся земледелием в бассейне р. Вислы, переселились в Ливонскую землю, где уже кочевали финские народы, не претендующие на сельскохозяйственное освоение этих земель. Латыши, таким образом, мирно вошли в региональное «финское сообщество». Объединяла их также языческая вера, по мнению И. Г. Георги, мало отличавшаяся по природе своей от финской и саамской.

Еще более сплотила латышей, эстонцев и ливов совместная история, в которой самые темные времена связываются, как ни странно для авторской стилистики, не с языческими временами, а с приходом в край крестоносцев: «*И, как в то время Курская и Ливонская земля завоевана Немецкими рыцарями, то все они вообще сделались Христианами и крепостными людьми чужестранного дворянства, в каковом состоянии и теперь находятся*» [2. С. 65]. Даже антропометрия свидетельствовала о неблагополучии простого народа, среди которого было «*великое множество печальнаго и сыраго сложения людей*», «*претерпевающих от помещиков угнетение*», страдающих от «*тягостных работ, недостатков и уничижения*». Примечателен в этом отношении сюжет о том, что редкие счастливчики, которым удается скопить некоторую сумму, спешат зарыть свои деньги в землю «*...и тем навсегда удаляют их из обращения*» [2. С. 66]. Тема о «зарытых в землю талантах», по-видимому, была близка мировоззрению автора, синтезировавшему руссоистские настроения с протестантской религиозностью. Неприятие режима остзейского дворянства звучит еще в одном отрывке, где И. Г. Георги говорит о суевериях и неглубоком проникновении христианской морали в жизнь местных жителей, объясняя проблему следующим образом: «*Начало обращению их к христианскому закону положили бременские купцы, коим последовали благом сим деле, употребляя однакож более оружие, нежели увещевание, меченосцы, а сим немецкие рыцари*» [2. С. 67].

Двигаясь в своем повествовании по южному берегу Финского залива, И. Г. Георги приближается к окрестностям столичного города Санкт-Петербурга, где обнаруживает еще один финский народ – ижору, который, по его словам, «*...как языком, так и нравами отменен был несколько от карельских финнов*» [2. С. 68]. Примечательно, что ни ранее, ни далее в тексте он не выделяет карелов как особую этническую общность, по-видимому, считая их настолько близкими в языковом и культурном отношениях собственно финнам, что не видит необходимости в такого рода дифференциации. Кроме того, на этих землях он не выделил водь и финнов-ингерманландцев (эврэмэйсет и савакот). Вполне возможно, что тогда они соотносились с близкородственными эстонцами и финнами. Что касается ижоры, то автор не жалует их лестными эпитетами, подчеркивая неудовлетворительное состояние большинства хозяйств и склонность к легкой наживе вблизи «большой дороги». Может сложиться мнение, что в этом случае он отступает от той линии, что звучала в предыдущем разделе. Георги не упоминает о бедствиях, что выпадали на долю ижоры на протяжении всего средневековья и последующих лет, когда Ингерманландия многократно переходила из рук в руки, обезлюдевала и запустевала. Автор не пишет о скудости местных почв, нестабильности урожаев и эпидемиях, вызванных войнами. Столица империи способна снести «шалости» неразумных маргиналов, но усомниться в счастье последних под российским скипетром было бы слишком вызывающе. Однако, сквозь критику ижорской нерадивости и недоверчивости можно увидеть и другие факты, например, закрепощение ижоры, когда после освобождения края от шведов «*немалое число Ижорцов раздарено по земскому обыкновению российским господам...*» [2. С. 68]. Послевоенное запустение края Георги показывает через упоминание об обязательствах, взятых на себя русскими помещиками заселить

пустоши «переведенцами» из селений внутренних областей страны. В результате здесь сложилась этническая, языковая и культовая чересполосица. Автор дает понять, что долгие годы крещенная новгородцами ижора испытывала религиозный гнет со стороны шведской администрации, пытавшейся распространить в крае протестантизм. Вместе с тем, по оценкам обеих сторон, ижорцы оказывались «*…чрезвычайно пристрастны к нелепым языческим мнениям, которыя и сплетают по тому с обрядами христианской веры*» [2. С. 69].

Следующий раздел книги И. Г. Георги посвящает марийцам (в тексте – *Черемисы*). Очерчивая ареал их расселения, он указывает в качестве административных маркеров – земли Казанской и Нижегородской губерний, географического ориентира – р. Волгу (левый берег которой населен марийцами значительно больше, чем правый) и исторического восточного предела, где «*жилища же их простираются до самой Пермии*» [2. С. 71]. Рассмотренная в предыдущих разделах «этнографическая карта» Восточной Прибалтики смыкается в его представлении с картой Среднего Поволжья и Приуралья как в силу родства местного населения, «принадлежащего к породе Финской», так и периферийности этих территорий по отношению к этническому центру империи.

Ключом, подобранным И. Г. Георги к марийской антропометрии, становится не раз использованный путешественниками XVIII в. путь сравнения физических, ментальных и материальных характеристик нескольких народов, когда анализируемые факты помещаются как бы между двумя полюсами. Таковыми становятся русский и татарский этносы, когда марийцы: «*По виду и росту своему могут они почесться средними между Россиянами и Татарами людьми*» [2. С. 71]. Дальнейший текст наполнен множеством противоречий, вызванных особенностями «политического письма». Так, марийцы имели собственных ханов, но поколение их пресеклось при Адае, «*…весьма приверженном и покорном российскому престолу, храбром владетеле; и теперь нет у них ни князей ни дворян* » [2. С. 71]. Зато они совершили важнейший, с точки зрения просвещения, шаг вперед, а именно – посредством подражания русским и «по причине стеснения мест» перешли от занятий скотоводством к земледелию. Совершив данный цивилизационный шаг, марийцы не только «окрестьянились» и постепенно христианизировались, но приобрели также «*…подобно Россиянам, миром выбранных сотников, десятников и старост*» [2. С. 71]. Славяно-тюркские элементы и далее фиксируются автором во многих проявлениях внешнего быта марийцев, начиная от ведения хозяйства, заканчивая интерьером жилища, одеждой и налогообложением.

Дух времени отразился в своеобразном «догердерианском» понимании автором специфики народного творчества и этнической психологии. Марийцы, по И. Г. Георги, в делах своих положительно неторопливы и прилежны, однако «*…по примеру других не просвещенных людей упрямы и недоверчивы*», в городах не живут, время по годам и месяцам не считывают и даже преданий о приключениях предков не имеют. Из этого пассажа внимательному читателю не до конца ясно, откуда же автор и его предшественники узнали о местных правителях, миграциях и языческих верованиях, когда у марийцев: «*…за не имением букв, нет… ни письменных, ни печатных дел*» [2. С. 71]. Впорочем, его больше занимало исследование семейной обрядности и в особенности – марийского язычества,

сообщающего читающей публике информацию экзотического характера. В этих сюжетах можно найти ряд свидетельств, указывающих на способность этноса так или иначе трансформировать свою духовную жизнь, приспосабливаясь к новым временам. Например, отказываясь от «института посвященных», представленного профессиональными жрецами и гадателями, марийская вера приобретала большую социальность, ибо жреческие функции доверялись наиболее уважаемым, трезвым и домовитым крестьянам – картам, что в принципе могло быть близко религиозным воззрениям самого автора. Отметив здесь же значительный прирост новокрещенных в крае, этнограф пишет о тайном исполнении ими прежних обрядов, в надежде скрыться от преследований и истязаний властей.

Не подвергая сомнению гипотезу своих предшественников, профессоров Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера, о «финском происхождении» чувашей, И. Г. Георги, тем не менее, декларирует личную позицию, согласно которой: «*Говорят они собственным от финского произшедшим языком… и хотя они очень много язык свой смешали с татарским, однако ж при всем том, прародительское наречие, также одеяние, нравы, обычаи и суеверия удержали*» [2. С. 80]. Если же чуваши – народ финского корня, то логично было бы предположить, что где-то неподалеку должны быть его родственники. Автор действительно их находит в лице марийцев, используя в качестве доказательства перечисление сходных этнических признаков и социальных обязательств: «*Они весьма походят на черемисов по телесному виду, по нравственным качествам, по разположению деревень, по сельским разпорядкам, по состоянию жилищ, по употребляемой ими в домашнем своем быту утвари, по разположению хозяйства и жизни, по пище, имению и податям, также по мужским и женским упражнениям*» [2. С. 80]. Идентификационная способность перечисленных факторов, умноженная на близость, а кое-где и чересполосицу занимаемых территорий, стала не менее устойчивой частью авторской аргументации об общности марийцев и чувашей, чем языковая общность. Так, не покушаясь на авторитет языка как профилирующего средства в определении родства народов, Георги использует хозяйственно-культурные и психологические составляющие этнической идентификации. Несколько выбивается из общего контекста его оценка религиозной ситуации у чувашей, ориентированная скорее на руссоистские ценности, чем на клерикальное морализирование, звучащее в духе идей раннего немецкого Просвещения. Отмечая, что многие чуваши, крещенные еще в петровское время, держались прежних воззрений даже крепче, чем марийцы, он пишет: «*При обращении их в 1723 году к христианскому закону нарочито они упрямились; а в нынешнее время, в которое без собственного удостоверения ни кого к принятию православной веры не принуждает и не отвлекает их никто от суеверия, да они и сами, в разсуждении тихомирного поведения, прилежания, верности и преданности своим начальникам, крестившимся ни мало не уступают*» [2. С. 85].

Мордва представляется И. Г. Георги одним из народов, с древнейших времен населяющих бассейн р. Волги. В период, предшествующий татаро-монгольскому нашествию, мордовские поселения, по сведениям автора, располагались несколько севернее нынешних, вблизи таких городов, как Ярославль, Кострома и Галич. По-видимому, речь здесь идет о финноязычном племени меря, действи-

тельно занимавшем очерченный регион и в позднем средневековье в основном слившемся со славянами [6]. Дуальность структуры мордовского этноса, подразделяющегося на эрзю и мокшу, довольно четко фиксируется автором, лишь с той оговоркой, что «*каратаи составляют еще и третье, но такое малое поколение, что в нескольких только казанских деревнях заключается*» [2. С. 86]. Основным дифференцирующим признаком в данном случае выступает язык, который происходит непосредственно от «Финнов», но со значительной примесью татарского. Однако расхождения между мокшанским и эрзянским наречиями бывают столь существенны, пишет автор, что их можно принять за самостоятельные языки. Дополнительными факторами, подчеркивающими особенности эрзи и мокши, служат отмеченные в описании собственные ареалы расселения, покрой и отделка женского костюма, различия в названиях языческих божеств. Специально подчеркнутый автором момент, что мордва в меньшей степени привержена «звериному промыслу», исподволь дает понять общее направление цивилизационного вектора.

Более раннее, по сравнению с соседними народами, вхождение мордвы в орбиту русской культуры и политики, по мнению И. Г. Георги, предопределило, что: «*Большая половина мордвы исповедует теперь христианскую веру и хотя они от языческого закона удалились уже больше, нежели черемисы и чуваши, однакож все еще великое имеют к оному пристрастие*» [2. С. 89]. Религиозный синкретизм мордвы проявляется еще в том, что ей свойственно было смешивать христианские праздники и почитание православных святых с языческими жертвоприношениями. Так, «*в первый день как Светлого Воскресения, так Рождества Христова жертвуют они неизвестным и самим им Российским святостям птиц, пирожное и напитки, дабы только иметь себе заступниками и Российских святых*» [2. С. 90].

По мере приближения к Уралу внимание исследователя привлекают удмурты (в тексте – *Вотяки*), чей этногенез И. Г. Георги очень осторожно связывает с живущими на Енисее аринцами, очевидно, памятуя о заочной дискуссии по этому поводу между Г. Ф. Миллером и Ф. И. Страленбергом [7. С. 185–187]. Не углубляясь в проблемы ранней этнической истории удмуртов, автор конструирует современный ему этнический образ, пытаясь обнаружить то зерно народной жизни, что позволяет удмуртам сохранять свою идентичность. Думается, он мог определить его в такой категории, как консерватизм, проявляющийся, прежде всего, в социальной структуре и семейно-родовой системе расселения. Даже тот фрагмент, где говорится, что удмурты «*с виду походят на финнов больше, нежели все прочие единоплеменные им народы*», можно при желании истолковать как мысль о вероятной близости этноса к некоему изначальному антропологическому типу [2. С. 91]. Закономерно возникает в связи с этим вопрос, что же обеспечивает удмуртам необходимые условия для консервации милой сердцу архаики. Ответ Георги опирается на успешное использование этносом географического фактора, благодаря чему большая часть удмуртов живет компактно в междуречье Вятки и Камы, имея, таким образом, свою собственную страну, некий «остров» аборигенной культуры. Иллюзию изолированности удмуртских земель автор усиливает примерами стереотипов поведения удмуртов: «*Они больше всех народов убегают*

обращения с иноплеменниками, и по тому не любят, чтоб в смежности с деревнями их были и чужие; не дают так же пришельцам в посадах своих строить дворов; да и при празднествах своих не терпят инородцев» [2. С. 92]. Еще один элемент стабильности «удмуртского острова» опирается на традиционную религию. При всем своем скептицизме по отношению к язычникам, Георги пишет об удмуртах не иначе, как о «благоговейных идолопоклонниках»: «*Да и тем, которые крестились, можно свободно держаться прародительскаго своего суеверия, по тому, что живут они от других народов совсем особливо*» [2. С. 99]. Признавая политическую зависимость сначала от татар, затем от русских, удмурты, по мнению исследователя, пытаются по возможности оставить за собой свободу действий на занимаемой территории.

Теперь важно, что увидел И. Г. Георги в этом максимально закрытом от внешних воздействий пространстве. Во-первых, это мир, лишь временами нарушаемый местными молодцами, похищающими невест у несговорчивых родителей. Во-вторых, экономическое равновесие, когда «*богатых между ними мало, но напротив того, и вовсе нет чрезвычайно бедных*». Интересно, что автор приводит своего рода шкалу, определяющую материальное благосостояние в удмуртском обществе: «*У кого есть от пятнадцати до двадцати пяти десятин земли, да сверх того лошадей от двадцати до тридцати и другого скота соразмерное количество; тот занимает между богачами их первое место*» [2. С. 92]. Безусловно, представленная схема удмуртского общежития не могла до конца использовать идею изоляционизма по причине множественности зафиксированных в различных источниках межэтнических контактов. Сам автор должен был отразить этот момент в тексте, тем более что этнокультурных схождений на деле оказывалось ничуть не меньше, если не больше, чем отличий. Тип расселения удмуртов был идентичен марийскому; мужская одежда подобна наряду «русских мужиков» и т.п.

Небольшую, но любопытную в теоретическом отношении главу И. Г. Георги посвящает тептярям – сложной по своему этническому составу сословно-территориальной группе, причисленной им к разряду «финских народов» [5]. Для начала автор указывает время и место зарождения данной общности, поименованной «сволочью»: «*...которая в половине шестагонадесять столетия, по случаю причиненнаго Царем Иваном Васильевичем Казанскому царству разрушения, собралась из черемис, чуваш, вотяков и татар в Урале, а особливо в составляющей Башкирию и к Уфимской губернии принадлежащей онаго части, и весьма скоро стала многолюдна*» [2. С. 100]. Понятно, что после взятия московскими войсками Казани и особенно после подавления казанского восстания, немало опасающихся за свою судьбу инсургентов поспешило укрыться в Закамье, на землях, формально принадлежащих кочевникам башкирам, но свободных от оседлых жителей. Георги указывает еще несколько причин переселения на башкирские земли: «*Правда, что побегом своим в горы и прилеплением к башкирскому народу, освободилась сволочь эта от платежа податей…*» [2. С. 100]. Этим же шагом было осуществлено бегство от христианизации, акт не менее предосудительный, по мнению автора, стремящегося отражать правительственную линию.

Наряду с рассмотрением истории формирования и социально-экономических условий жизни тептярского общества, И. Г. Георги открывает и свое этнологическое мировоззрение, основные положения которого, говоря на современном научном языке, состоят в следующем: этногенетические процессы, имевшие место у большинства народов в древности, вполне реальны и в современности. Новые этносы складываются из различных языковых и конфессиональных групп, объединенных судьбой, территорией и в конечном счете – идентичностью: «*Сии люди, употребляя разные, по неодинаковой своей природе, языки, и при том, будучи между собою различны в нравах, а отчасти и в вере, перемешались, исключая татар, так что иногда и нарочито трудно дознаваться, от какого происходят они рода племени*» [2. С. 100]. Тептяри представляются им как живое доказательство того, что «*...в новейшие времена тому, что при государственных смятениях могут новые народы и новые поселения получить свое бытие*» [2. С. 100]. Автор приводит конкретные примеры культурного взаимодействия, когда, например, тептяри-марийцы начинают почитать удмуртскую святыню «мудор» (правда, именуя ее собственным названием), чего никогда не случалось с ними на этническом материке. Сохраняя родной язык, различные тептярские «поколения» включают в свои говоры множество слов и выражений, заимствованных от соседей, так как практикуют межэтнические браки. Но более всего смешение культур характеризует местная одежда.

Продвигаясь далее на Восток по этнографическому пространству России, И. Г. Георги приближается к Уральским горам, по обеим сторонам которых живет народ манси (в тексте – *Вогуличи*). Как замечает автор, язык манси «…заимствует свое начало от финского», но имеет множество отличающихся наречий. Неопределенное состояние языка подчеркивается ссылкой на мнение «некоторых писателей», пытавшихся связать мансийский язык с древнеугорским, а через него – с современным венгерским. Пограничность мансийского языка, соединяясь с географическим положением, во многом предопределяет интерпретацию эмпирического материала, когда «*житие их, между кочевым и одноместным, среднее*» [2. С. 102]. В хозяйственном отношении «*нет у них ни пашен, ни огородов*, – но в то же время, – *упражняются немного в скотоводстве и содержат по нескольку коров, овец и свиней; лошади же у них редки*» [2. С. 103].

В целом, данному разделу присуща игра в «то есть, то нет», очевидно, нацеленная на то, чтобы еще раз подчеркнуть преимущества культурного импульса, идущего с Запада, против закосневшей в снегах и лесах сибирской архаики. Однако отмеченная линия, скорее всего, демонстрирует лишь лояльность автора к доминирующей идеологии, поскольку параллельно в тексте развиваются и другие мысли. Во-первых, это противопоставление Севера и Юга, где климат предопределяет образ жизни больше, нежели внешние культурные влияния. Во-вторых, обращает на себя внимание довольно сложная по набору качеств этнопсихологическая характеристика, данная им манси, которые «*в поступках своих бодры, послушны, честны, рачительны, не глупы, но легкомысленны, к беспорядкам склонны, в гневе неукротимы, и не опрятны*» [2. С. 102]. По-видимому, здесь сказывается, с одной стороны, желание передать те настроения, что вынесли из общения с этим народом ученые-путешественники; с другой – невозможность

обойти вниманием тот факт, что манси наиболее упорно сопротивлялись продвижению отрядов русских в Пермь, на Северный Урал и в Зауралье. Третий момент связан с фиксацией модернизационных явлений в мансийской жизни, как-то: рост частнособственнических настроений, когда одна семья (деревня) огораживает свой промысловый участок в 10–12 верст от посягательств соседей; технологические новшества, когда охотники-манси одновременно используют традиционный лук и стрелы и огнестрельное оружие. И, наконец, религиозная ситуация в мансийском обществе, характеризующаяся традиционным для народов Урало-Поволжья и Сибири «двоеверием». Причем, по сведениям автора, «*пермские вогуличи приносят теперь жертвы не в священных пещерах, но в кереметях, кои… находятся в лесах. Они совершенно подобны черемисским и других народов кереметям, но иногда не бывает в них дерев*» [2. С. 105].

Завершается этнографический обзор российских народов «финского племени» пространной статьей, посвященной хантам (в тексте – *Отяки*), с аргументацией того, что под этим названием скрываются, кроме собственно хантов, еще и некий «енисейский народ», родственный аринцам и коттам, а также «самоедские колена», живущие близь Сургута. Автор сообщает, что его описание будет сосредоточено на «обских отяках», подразделяющихся на южных – *Асъях* и северных – *Хонди-Шуй*. Этногенез хантов рассматривается им в связи с миграционными процессами в северо-западном Приуралье, активизировавшимися во второй половине XIV в. под влиянием миссионерской деятельности епископа Стефана Пермского. Именно нежелание принимать крещение, по мнению автора, побудило «*...большую половину пермяков и зирян, в Великой Перми живших, покинуть привольные свои, на западной стороне Уральских гор, места и перейти в суровые северные, около реки Оби, страны, где они теперь от кондарей не отличаются, но вместе с оными называются отяками*» [2. С. 107]. Эта несколько упрощенная схема позволяла еще раз указать на общий западный вектор развития цивилизации за Уралом, или, как отмечал по этому поводу С. А. Токарев, «…можно догадываться, что в таком искаженном виде до Георги дошло предположение, высказанное Г. И. Новицким в “Кратком описании о народе остяцком” о происхождении остяков от выходцев из Перми, материалами экспедиции И. И. Лепехина в этой части, видимо, он не сумел воспользоваться» [8. С. 120]. Для нас этот отрывок интересен еще тем, что Георги показывает себя сторонником идеи существования в западном Приуралье в прошлом мощного государственного объединения, чье население «*древние пермяки и зиряне во всем сообразны финнам; язык их и все идолослужение малым чем отменны от финского. В самые древние времена славны они были по торговле, которую производили они с персиянами и подвластными Великому Моголу народами. Сии иностранцы привозили товары свои вверх по Волге и Каме в Чердынь, старинный, при Колве находившийся, торговый город. Пермяки же развозили как сии, так и собственные товары по Печоре и до самого Ледовитого моря и выменивали у тамошних народов как для восточных, так и для других обывателей, разную мягкую рухлядь. Остатки древних северной сей страны городов свидетельствуют и теперь о благополучном старинных жителей состоянии*» [2. С. 107–108].

Как на пережиток былого могущества И. Г. Георги указывает на существование у хантов собственной знати: «*были у них собственные владельцы коих потомки и теперь еще почитаются благородными, и избираются в начальники поколений, на которые народ сей разделяется*» [2. С. 108]. Еще один важный аспект хантыйской идентичности видится автору в строгом следовании религиозной традиции, особенно прочно сохраняемой северными хантами, живущими на нижней Оби. Здешние ханты сохранили жертвенные места с установленными в них идолами: «*В 1771 году стояли оба знатнейшие Отякские идолы, которым также и семояды поклонялись, в западной стороне Обскаго залива, в семидесети верстах ниже Обдорска, в лесу, по близости воксарских жилищ. Один из них представляет мужеское, а другой женское подобие*» [2. С. 115].

Значение труда И. Г. Георги

Значимость работы академика И. Г. Георги состоит, кроме многих содержательных достоинств, в том, что им была выработана схема (рецептура) группировки и текстуализации этнокультурного материала, ставшей своеобразной вершиной ранних классификационных опытов. Распределяя народы на группы, автор руководствовался в основном лингвистическим, или точнее – историко-лингвистическим принципом, часто комбинируя его с географическим подходом. Сложность научной задачи, стоявшей перед исследователем, заключалась в том, что ему предстояло дать максимально подкрепленный источниками очерк ранней этнической истории «финских народов» [9]. Накопленный к тому времени отечественной наукой этнокультурный материал вольно или невольно побуждал автора вырабатывать некую систему изложения, наблюдение за которой может многое сказать нам о стиле письма и мышления пишущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799.

2. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2007.

3. *Загребин А. Е.* И. Г. Георги и первая сводная монография по этнографии народов России // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 155–159.

4. *Загребин А. Е.* Этнографический текст и просветительский проект: авторские интерпретации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 85–94.

5. *Исхаков Д. М.* Тептяри: опыт этностатистического анализа // Советская этнография. 1979. № 4. С. 29–42.

6. *Леонтьев А. Е.* Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 18–66; *Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев: Наукова думка, 1985.

7. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1.

8. *Токарев С. А.* Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1958. № 4. С. 113–128.

9. *Haltsonen S.* J. G. Georgi suomenheimoisten kuvajana // Virittäjä. 1970. S. 64–67.

10. *Georgi J. G.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religionen, Gebrauche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. I–IV. St.-Petersburg, 1776–1780; Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1–3. СПб., 1776–1778.

Поступила в редакцию 15.08.2011

A. E. Zagrebin

About the language of ethnographical texts in the second part of 18th (on example of J. G. Georgi's describing of the Finno-Ugric People of Russia)

The text of ethnographical description of the Finno-Ugric people in Russia is analyzed in the article. This text belonged to the Physical expedition member of the St. Petersburg Academy of Sciences J. G. Georgi (1729–1802). Special attention is given to the ideology and style of the author's writing.

Keywords: Finno-Ugrians, ethnographical text, author, classification, identity.

Загребин Алексей Егорович,
доктор исторических наук, профессор,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: adm@ni.udm.ru

Zagrebin Aleksey Egorovich,
Doctor of History, professor,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: adm@ni.udm.ru

УДК 930.2(470.34)

О. М. Мельникова

«ПОМЯНУХ ДНИ ДРЕВНИЕ, И ПОУЧИХСЯ ВО ВСЕХ ДЕЛАХ ТВОИХ…» (ЗАМЕТКИ О МЕТОДОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТРАНИЦАХ «ВЯТСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)*

В статье рассматриваются особенности исследовательского подхода к археологическим источникам, сложившиеся в российской провинции, на примере анализа статей на страницах «Вятских епархиальных ведомостей». Характеризуется специфика авторского приема работы с источниками, исторической литературой.

Ключевые слова: «Вятские епархиальные ведомости», краеведческая парадигма, археологическое исследование.

Целенаправленное выявление новых документов по истории и культуре финно-пермских народов Прикамья позволило расширить круг историко-научных источников, в том числе включением в него специального церковного издания «Вятские епархиальные ведомости», выходившего в Вятской губернии с 1863 по 1918 год. Наряду с новым для второй половины XIX в. типом периодических научных изданий: «Памятных книжек», «Сборников», «Трудов», «Ежегодников» губернских статистических комитетов, заполненных историческими, археологическими и другими работами местных авторов [1. С. 209], – оно пополнило массовую провинциальную научную историческую литературу ценными сведениями по истории, этнографии, археологии региона. Интерес к церковной археологии, дополненной сведениями об археологических памятниках финно-пермских народов и их этнографии, нашел отражение в различных статьях и заметках, регулярно публиковавшихся в неофициальной части «Ведомостей». Содержание археологических публикаций уже осмыслено в ряде публикаций: удалось типологизировать материалы о разных археологических объектах, зафиксировать объем и содержание полученного археологического знания, отметить мотивы обращения священнослужителей к археологической тематике, составить представление

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №10-01-80107а/У «Пастыри о пастве: археология и этнография финно-угорских народов Камско-Вятского региона на страницах православной периодической печати».

о процессе формирования и изменения их исследовательских интересов в области археологии [2; 3].

Выявленные материалы требуют дальнейшего исследования с точки зрения становления и развития археологической науки в российской провинции, поскольку священнослужители были одной из значимых групп в структуре любительского исторического – и у́же – археологического сообщества. Поэтому археологические материалы, опубликованные на страницах «Вятских епархиальных ведомостей», следует изучать не только с точки зрения выявленных историко-научных фактов, но и с позиций осмысления исследовательской методологии эпохи, представлений о профессиональных ценностях и нормах, бытовавших в этот период формирования археологии (а также этнографии и истории, учитывая нерасчленность предметной сферы этих областей знания в любительском сообществе).

Персональный состав авторов, писавших на церковно-археологические и археологические темы на страницах «Вятских епархиальных ведомостей», включал главным образом лиц, имевших разный уровень духовного образования (духовные училища, семинарии и академии), реже – светского университетского исторического образования и узкопрофильного профессионального образования (Петербургский Археологический Институт) [4. С. 35; 5]. Несомненно, исходный образовательный уровень вкупе с характерными для священнослужителей традициями внутрисемейного неформализуемого интереса к истории, предопределили специфику исследовательских подходов, отразившихся в журнальных публикациях. Эти подходы можно рассматривать как некий переходный момент от любительской к профессиональной деятельности исследователей местной истории. Вычленение представителей духовенства из общего круга краеведческой (родиноведческой) среды, основанное на их специальной исторической подготовке в духовных учебных заведениях, позволяет более четко представить себе обычно аморфно описываемое любительское историческое сообщество как совокупность деятелей, имевших различное понимание о структуре, функциях, назначении, а также содержании исторического исследования.

Основная масса священнослужителей православной церкви – авторов «Вятских епархиальных ведомостей» – получила общее и богословское образование в духовных семинариях, причислявшихся в Российской империи к средним учебным заведениям. По уровню образования и финансирования они были соизмеримы с гимназиями. Несмотря на то, что в их учебном курсе преобладали богословские науки, в значительном объеме преподавались и науки общеобразовательные, входившие в курс классических гимназий. До конца 1870-х гг. лица, окончившие курс семинарий, имели свободный доступ в университеты наравне с гимназистами. Позже им было дозволено поступать только в Варшавский, Юрьевский и Томский университеты [6. С. 396].

Со времени принятия Устава духовных семинарий и Академий, утвержденного в 1814 г., церковная история как наука получила большую самостоятельность и заняла прочное положение среди других богословских наук. В Академиях церковная история изучалась в последние два года обучения. По Уставу Духовных Академий 1869 г. все науки академического курса были распределены по трем отделениям, в числе которых появилось и отделение церковно-историческое.

Студенты, записавшиеся на это отделение, в течение четырех лет почти исключительно занимались историческими науками. Надо заметить, что среди слушателей это отделение было самым популярным.

Уставом было введено правило, согласно которому степень магистра богословия давалась только за печатное сочинение, публично защищенное по принятому тогда порядку (как в других российских университетах). Это существенно продвинуло церковно-историческую науку, так что к XX веку она подошла с уже вполне сформировавшимся научным аппаратом и в значительной степени обогатилась работами русских ученых, труды которых, благодаря изданию монографической литературы и церковной периодики, стали общедоступными. Были созданы первые научные школы, через развитую сеть духовных и даже светских учебных заведений (духовных академий, семинарий, университетов) история преподавалась на достойном уровне [7].

Одним из главных направлений развития церковно-исторической науки в России стала церковная археология. С 1870-х гг. началось становление этого специфического отделения археологической науки [8. С. 16]. Еще в марте 1869 г., на I съезде Московского археологического общества в Москве, имело место понятие «наука христианских древностей» и было признано, что русская старина не может быть понята без изучения всей системы древнехристианской археологии. В программе всех съездов Московского археологического общества, начиная с III съезда в Киеве в 1874 г., выделялись отделения «Быта церковного», «Быта религиозного», ««Памятников христианских», «Древностей церковных» [9]. На этих научных форумах происходила кристаллизация самой церковной археологии, происходило становление ее методологического и понятийного аппарата и археологическое изучение церковных древностей осознавалось как важный предмет отечественной археологии.

Казалось бы, у Церкви сложилось знание о происхождении жизни на Земле (теологическая теория), но, тем не менее, священнослужители покровительствовали научной археологии. Во второй половине XIX в. была достигнута своеобразная договоренность между церковью и учеными, как полагал А. А. Формозов, крупнейший историк отечественной археологии, «пусть они толкуют о каменном веке, но не настаивают на происхождении человека от обезьяны и на том, что палеолит длился сотни тысяч лет» [10. С. 193]. Одновременно священнослужители пытались найти подтверждение археологическим находкам в Библии [11. С. 194–195].

Церковная археология в разной форме была представлена в учебном процессе духовных учебных заведений. Ее объект был связан с изучением христианской культуры и истории, воплотившихся в вещественных остатках. Археологически выраженная церковная жизнь, по мнению А. Мусина, «преломляется в исторической ментальности и в индивидуальном сознании человека прошлого». Этот человек может являться как носителем традиционного христианского менталитета, так и охваченным целым комплексом языческих воззрений, вследствие недавнего воцерковления. Он может быть представителем различных этносов. Поэтому материальные объекты, связанные с обрядовой практикой, одновременно связаны и с повседневным бытием всех народов христианского мира [12. С. 16]. Это делает предмет церковной археологии привлекательным не только с точки зрения изучения церковной традиции и понимания проблем развития христиан-

ской культуры, – в полиэтничной среде Вятской губернии весьма интересно ее восприятие местным финно-пермским населением.

Поэтому в Вятской губернии актуальным было изучение истории «инородческого населения» «вотяков, черемис, чувашей» во всех отношениях: историческом, археологическом, этнографическом. В этой связи авторами «Вятских епархиальных ведомостей» ставились проблемы дописьменной археологии местных финно-пермских народов: их волновало и собственно развитие археологии в Вятской губернии как научного направления, и конкретные аспекты изучения и интерпретации разных видов археологических памятников.

На страницах «Вятских епархиальных ведомостей» нами выявлено 40 статей, в которых рассматриваются некоторые аспекты церковно-археологических изысканий. Важно, что все они связаны с широким пониманием контекста церковных древностей не только как свидетельств о церковной истории, церковном культе, но и о внешнем быте христиан, в том числе удмуртов и марийцев. Одновременно их содержание способствует как пониманию внутрицерковной жизни, так и осмыслению социокультурной среды, в которой существовало христианское сообщество. Большая часть статей из области церковной археологии посвящена изучению архитектуры, декора, иконостаса, колоколов, храмов Вятской губернии. Особый акцент в них – на отношении к христианству удмуртов, бесермян, марийцев, на соотнесенности христианского и языческого миропониманий. Так, при описании церквей Вятской губернии авторы упоминают об отношении к ним финно-пермского населения, о взаимообщении «инородцев» со священнослужителями.

Весьма важным сюжетом, развиваемым на страницах издания, стало осознание необходимости охраны памятников старины. Целая серия статей в «Ведомостях» посвящена Трифоновскому церковно-археологическому музею, открытому в 1912 г. по инициативе Вятской ученой архивной комиссии, имевшему 7 отделов и активно пополнявшему свои фонды [13].

Содержательный анализ статей в «Вятских епархиальных ведомостях» позволяет охарактеризовать методологические особенности деятельности их авторов на историческом поприще. Их активность проявилась и за пределами этого печатного издания, в частности в составе созданной Вятской ученой архивной комиссии. Будучи массово грамотным сословием, священнослужители на местах: в волостях и уездах – стали важнейшей опорой первых массовых научных учреждений России XIX в.: губернских статистических комитетов, ученых архивных комиссий. Так, по подсчетам Ю. Е. Вечтомовой, в 1905 г. в ВУАК состояло 7 членов из духовенства, 19 чиновников, 12 преподавателей и директоров учебных заведений, 1 купец, 1 военный. В последующие годы число священников в недрах ВУАК значительно выросло: в 1914 г. их уже 18 человек. Остальные – 28, 19, 1, 1 человек соответственно [14. С. 94].

Среди авторов «Вятских епархиальных ведомостей» А. А. Спицын был единственным выпускником историко-филологического факультета Петербургского университета. Ко времени написания своих статей (1888–1890) он был уже сложившимся ученым. На страницах издания опубликовано 7 его статей под общим названием «Материалы для истории церквей Вятской епархии до XVIII в.». Сообщения А. А. Спицына по истории отдельных церквей отличаются не только свободой от эмоциональных оценок в описании источников, но и последова-

тельным, детальным описанием морфологии памятников. При необходимости описания письменных источников он, в соответствии с методологией своего времени, дает им внутреннюю и внешнюю критику, анализирует почерк, бумагу, проводит текстологический анализ. Нередко при описании церковных памятников А. А. Спицын дает им привязку к другим, более ранним археологическим объектам. Так, при описании Царево-Константиновской церкви он пишет: «Не забудем отметить, что тын между двором Огородникова и Михеева шел, по выражению грамоты, “подле ров”: если, как всего вероятнее предположить, упоминаемый ров был остатком от первого хлыновского укрепления, так называемого “острога”, то отсюда следует, что церковь стала на линии почти совершенно разрушившегося острожного вала» [15. С. 34–35].

Обратимся к методологии исследований непрофессиональных историков. Обратим внимание на их довольно широкое знакомство с научной и публицистической (в том числе исторической) литературой своего времени. Об этом свидетельствуют, кроме всего прочего, описи церковных библиотек, приводимые на страницах «Вятских епархиальных ведомостей». Так, А. Шерстенников в «Исторических сведениях о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда» приводит пример такой описи, включающей не только духовные, но и светские издания, что, несомненно, свидетельствовало об интеллектуальном саморазвитии священнослужителей: «Христианское Чтение», «Воскресное Чтение», «Православный Собеседник», «Духовная Беседа», «Духовный Вестник», «Странник», «Душеполезное Чтение», «Руководство для сельских пастырей», «Труды Киевской Духовной Академии», «Труды Императорского Вольного Экономического Общества», «Народная Беседа», «Блюститель здравия и хозяйства», «Морской Вестник» [16. С. 121]. В статьях священнослужителей нередки упоминания о знакомстве с исследовательской деятельностью крупнейших научных археологических обществ России и Императорской археологической комиссии.

Историографические экскурсы характерны для всех опубликованных работ, правда, они не являются полноценными историографическими разделами: избранные для анализа труды предшественников в них специально не обосновываются, круг упомянутых работ явно не полон, нередко выбор ссылки связан с необходимостью приведения авторитетного мнения по проблеме. Однако понимание учета предшествующего исследовательского опыта в изучении темы большинству работ, несомненно, присуще. Четко осознается необходимость научно-справочного материала в форме ссылочного аппарата (подстрочные ссылки).

Важным лейтмотивом содержания археологических публикаций является осмысление социальных функций исторической науки и миссии историка в обществе. Так Ф.Решетников, обосновывая необходимость создания Вятской ученой архивной комиссии, цитирует авторитетное мнение директора Петербургского Археологического Института Е. И. Андреевского: «Бескорыстные научные работы заключают в себе то чарующее, что не только самих работников поднимает из области мелких материальных интересов в высокие области мысли и анализа, но вместе с тем поднимает и общество, среди которого они работают и действуют: внимающие им, с уважением смотрящие на воздвигаемое ими дело, тем самым, незаметно для себя, вместе с ними поднимаются, движутся вперед» [17. С. 152].

Комментируя на страницах «Ведомостей» важность создания ВУАК, Ф. Решетников подчеркивает значимость для инструментария историка научных библиотек («ученые учреждения и общества не обойдут своим вниманием и Вятскую комиссию и не откажутся уделить ей, по крайней мере, часть своих изданий») и собственных публикаций («причем, всегда расположены будут в порядке, снабжены нужными объяснениями и – непременно – *указателями,* личными и географическими, даже если нужно предметными; тогда, конечно, и пользоваться ими можно будет с удобством, производительно и успешно»). Важными замечанием является понимание значения научного сообщества как своеобразного оппонентного круга при изучении исторических проблем: «Наконец, и самая работа архивиста одиночная, без товарищей – сотрудников (как это и было при отсутствии в Вятке архивной комиссии) не может быть столь же успешною, как работа в общении с товарищами – сотрудниками, в ученом обществе, где иногда одно, даже и незначительное, указание, замечание, сообщение того или другого товарища – специалиста может оказать влияние на успешный ход работы архивного труженика» [17. С. 152].

Особенно ценится исследователями-священнослужителями проблемный характер исторического научного исследования, авторы вычленяют наиболее актуальные проблемы исторического познания. Так, в одной из работ читаем: «Наша история, напр., далеко еще не разработана. Вятская губерния весьма обширна, пестра по населению и в историческом отношении не представляется одною целою, особенно по вопросу заселения края. Едва не половина ее русского населения не считает себя *вятчанами.* Многочисленные факты свидетельствуют, что колонизация края шла с разных сторон, что отдельные части губернии развивались под влиянием различных условий – разнообразно. <…> Немало интереса для местного историка должен представить и выдвигаемый историей Вятского края инородческий вопрос: он, по выражению профессора Ключевского, вообще есть любопытнейший из вопросов русской истории, так как им затрагивается другой важный вопрос – о степени влияния финских племен на великорусов и следах этого влияния в говоре, обычаях, религиозно-нравственных воззрениях русского народа. В этом отношении жизнь местного края представляет богатейшую почву для научных изысканий исследователя. Своеобразный говор Вятского жителя, так резко отличающий его от уроженца других местностей, многие характерные черты его домашнего быта, особенности некоторых обычаев – погребальных, напр., или свадебных, объясняемые часто спутанностью религиозно-нравственных понятий христианина; наконец, даже самая внешность коренного вятчанина довольно типичная, – все эти другие индивидуальные стороны местной жизни создавались, конечно, постепенно, историческим путем и под воздействием различных причин. Но несомненно также, что здесь сказалось влияние культуры и расовых особенностей инородцев, издавна населяющих Вятский край. Ведь многовековая близость к инородцам не могла же, в самом деле, не отразиться, так или иначе, на жизни Вятского великорусса. Во всяком случае, выяснить этот вопрос – составляет весьма важную задачу местного историка» [17. С. 155].

Следует подчеркнуть, что нацеленность на изучение местной истории не исключала для историков изучения ее в контексте развития общенациональной истории (это опровергает представления о том, что краеведческая парадигма была

нацелена исключительно на изучение местной истории). В частности, сказанное выражается в привлечении максимально доступных архивных данных по местной истории: «Для планомерности работы придется быть весьма бдительными при разработке материала, не ограничиваться только местными источниками, но и обратить внимание также как на соседние, так и на более отдаленные губернии, придется завязать сношения со всеми существующими архивными комиссиями и другими учеными обществами, потребуется, наконец, командировать кого-нибудь для извлечения материалов из столичных архивов» [17. С. 155].

Понимание единства общенациональной и региональной истории на источниковедческом уровне выразилось и в частой аппеляции к разного рода письменным источникам, имеющим отношение к общерусской истории, хотя методически работа с ними, как правило, носила иллюстративный характер, либо они привлекались в качестве авторитетного мнения в подтверждение авторской оценки исторического явления. Наличие духовного гуманитарного образования предполагало владение навыками работы с письменными и церковно-историческими источниками, среди которых преобладали найденные в местных архивах разные типы исторических источников. В меньшей степени – с точки зрения здравого смысла – описывались археологические и этнографические источники, устные предания, данные топонимики. В совокупности формировалось критическое отношение к источнику: он оценивался и сравнивался с другими материалами.

Специфика периодического издания «Вятских епархиальных ведомостей» наложила отпечаток на жанровые особенности публикаций: отчеты, статьи, заметки. Это отразилось и в стилистике публикаций: очевидна их публицистичность. Неслучайно на страницах статей регулярно встречаются эмоциональные оценки исторических событий: «Глухой Вятский край с его вековыми лесами стоял вдали от кипучего центра политической и общественной жизни; но он был полон событий, волнуясь иногда, как море-океан. Буйные вихри общественных движений и неурядиц залетали по временам и в Вятские дебри, наполняя их своим шумом» [17. С. 157].

При знакомстве с археологическими трудами выявляется еще одна специфическая особенность – стремление авторов к саморефлексии. Собственные археологические изыскания воспринимаются в первую очередь как научная деятельность: «здесь самое широкое поприще для образованных людей послужить на пользу науки своими трудами в собирании и хранении древностей края» [17. С. 158], а миссия духовенства виделась в «услуге историку» в собирании материалов для истории своей епархии и церкви» [17. С. 161]. Значимость научных деяний подтверждалась авторитетом религиозных источников: «Важно, чтобы всякий проникся любовью к прошлому родины и сознал, что воспоминание о днях древних может осветить настоящее *помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих* (Псал. 142)» [17. С. 161].

Избирая для изучения церковно-археологические и вообще археологические древности, авторы «Ведомостей» действовали соответственно единственно возможной (для тогдашнего состояния провинциальной исторической науки) познавательно-целевой установке исследования: прежде чем написать, осмыслить историю, необходимо было установить научные исторические факты,

которых был явный недостаток. Все публикации подчинены познавательным задачам эмпирического уровня научного исследования: выявлению исторических источников, в ряде случаев попыткам на основе фактов исторического источника описать научные исторические факты. Не случайно описание – важнейшая форма подачи исторической информации.

Поскольку церковно-археологические, а через них нередко и этнографические сведения черпались священнослужителями в повседневной жизни, им удается сообщить описанию множество интересных фактов. Для краеведческой парадигмы типично, что эти описания весьма детализированы, часто содержат многочисленные подробности. Ввиду значительного объема, некоторые публикации печатаются из номера в номер, хотя, безусловно, встречаются и более лаконичные повествования, как правило, представляющие собой отчеты об археологических экскурсиях. Так, В. Чемоданов приводит описание колоколов Ухтымской церкви Глазовского уезда: «Колоколов при сей церкви было шесть. Первый – в 23 пуда 30 фунтов, второй в 12 пудов. Эти два колокола, при заведении большего настоящего колокола, перелиты. Третий в 7 пудов. Этот колокол есть и в настоящее время. Четвертый – в 4 пуда. Этот колокол в 1864 г. пожертвован к Наймушинской Единоверческой церкви. Пятый в 2 пуда, шестой в 1 пуд. Эти два колокола, кажется, существуют и теперь в числе мелких подборных колоколов» [18. С. 112].

Обстоятельно описывая сведения о местоположении храмов, об окружающей местности, о составе и достопримечательностях прихода, священнослужители приводят небезынтересные сведения о своих прихожанах, вновь обращенных в христианство, при описании церквей и населенных пунктов описывают предшествующие им археологические объекты. Обратим внимание на то, что даже сугубо церковно-археологические заметки могут содержать ценные сведения как из других разделов археологии [19], так (и в еще большей степени) – этнографические свидетельства [20. С. 86]. Нередки в них географические, статистико-экономические сюжеты, при описании истории церквей указано их географическое и административное положение; в истории населенных пунктов – указание на время возникновения, местоположение, географические и даже гигиенические особенности местности [20. С. 86].

Такая черта провинциальной историографии подмечена В. А. Бердинских, который приводит цитату, принадлежащую Н. А. Добролюбову: «Этнографу надо брать решительно все и лишь позднейший исследователь будет в состоянии отделить главное от случайного» [21. С. 227].

Вот почему при всей ориентированности на церковно-археологический статус, публикации в «Вятских епархиальных ведомостях», безусловно, дают комплексное описание отдельных местностей, включая археологические, исторические, церковно-исторические, этнографические сведения.

Нередко структура публикаций диктовалась, очевидно, присылаемыми от столичных научных обществ анкетами. При характеристике археологических материалов структура описаний была обусловлена характером имеющихся вещественных материалов: их морфологией, функциональным содержанием. У ряда авторов исследовательский интерес к древностям Вятской губернии приобрел постоянный характер, от единичных отчетов об экскурсиях они переходят

к осмыслению процессов местной истории, хотя, безусловно, оно осуществлено сквозь призму церковно-исторического взгляда и обыденного сознания.

Формируя источниковедческую базу местной истории, археологии, этнографии, священнослужители стремились осмыслить, в первую очередь, концепцию местной истории, что отражало некоторые тенденции в российской историографии [22]. Отсюда складывается впечатление об оторванности изучаемых явлений от тем общероссийской истории и о локальном характере решаемых исследовательских задач. Однако, как представляется из анализа публикаций в «Ведомостях», это не было целенаправленной исследовательской парадигмой, а проистекало из уровня и состояния научной базы тогдашних исторических исследований. Не имея полноценной источниковедческой базы, которую необходимо было еще выявить, сложно было решать задачи сравнительно-исторических региональных исследований, сопоставлять факты региональной истории с событиями национальной истории. Одновременно с выявлением источников возникала задача их упорядочения и классификации.

Тексты анализируемых статей обнаруживают серьезный уровень изначальной исторической подготовки их авторов, осведомленность в научных вопросах и состоянии науки, владение профессиональными историческими понятиями и терминами. Это предопределило индивидуальность авторских текстов, стилистику их письма: здесь есть примеры и несколько высокопарного церковного красноречия, и простодушные замечания, сделанные в форме разговорной речи, и строгая научная терминология.

Концептуальная модель исторических построений включала в себя страстное желание вывести факты местной истории на арену национальной истории, хотя основные усилия и затрачивались именно на поиск и описание этих фактов. Стремление к выявлению и описанию новых фактов отодвигало на дальний план их теоретическое осмысление. Эта задача, как представляется, была преждевременна.

Таким образом, более пристальный взгляд на содержание археологических публикаций на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» позволяет выразить сомнение в традиционной характеристике российской провинциальной археологической традиции применительно к историкам, археологам, этнографам, вышедшим из духовной среды во второй половине XIX – нач. XX вв., как дилетантской. Этимология термина «дилетант» как любитель, занимающийся какой-либо наукой без специальной подготовки, поверхностно знакомый с какой-либо областью науки, в нашем случае, археологии, не соответствует исследуемому нами материалу. Следует вкладывать и особый смысл в характеристику археологии как любительской не в значении дилетантской, а в оппозиции к понятию «профессия» как устойчивой трудовой деятельности, являющейся источником дохода, предусматривающего определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков и определяемый разделением труда. Авторы «Вятских епархиальных ведомостей», безусловно, владели, каждый – в разной мере, методологией исторического исследования, что выражалось и в структуре их статей, и в формулировке объекта и предмета исследования, и в навыках источниковедения, соответствующих этапу становления региональной исторической науки, основанного на научных исторических и церковно-исторических знаниях. Полученное духовное гуманитар-

ное образование было достаточным не только для первичного сбора исторических источников, но и для рассуждений о предмете науки, ее социальных функциях, сопоставительных характеристик российской археологии с мировой наукой. Все это, наряду с активностью светских лиц, способствовало формированию регионального исторического сознания. Исследовательская методология, изложенная на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» позволяет говорить о неоднородном характере и многослойности провинциальной любительской краеведческой познавательной традиции.

Археологические и – шире – исторические сведения на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» выполняли важные социальные функции: они были частью значимого процесса накопления исторических источников о регионе и транслировали полученные знания через внутрицерковное издание, реализуя образовательную и популяризаторскую функции науки. Само издание оказалось включенным в социокультурное коммуникативное пространство Вятской губернии и способствовало формированию этого пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бердинских В. А.* Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003. С. 209.

2. *Мельникова О. М.* Археология на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 77–85.

3. *Мельникова О. М.* Пастыри о пастве: археологические свидетельства на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия. Сб. статей и материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию д. филол. н., ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удм. яз., члена Союза писателей России М. Г. Атаманова. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. С. 34–41.

4. Там же. С. 35.

5. *Мельникова О. М.* Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь-справочник / Ижевск: УдГУ, 2007.

6. Россия. Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898. Переизд. Л., 1991.

7. *Мельков А. С.* Развитие церковно-исторической науки в России до начала XX века // Журнал Московской патриархии. 2003. № 2. С. 70–75.

8. *Мусин А.* Проблемы возрождения церковной археологии: предмет, метод, цель // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. СПб.–Псков, 1995.

9. *Хроника* археологических съездов России. 1869–1914 гг. СПб., 2006.

10. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.

11. Там же. С. 194–195.

12. *Мусин А.* Проблемы возрождения церковной археологии… С. 16.

13. Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 31. С. 35; № 34; 1913. №№ 8, 44; 1914. № 43–44.

14. *Вечтомова Ю. Е.* Развитие краеведения в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии. Киров, 2006.

15. *Спицын А. А.* Материалы для истории церквей Вятской епархии до XVIII в. // Вятские епархиальные ведомости. 1889. № 2.

16. *Шерстенников А.* Исторические сведения о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1890. № 5.

17. *Решетников М.* Учреждение в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии. (Задачи деятельности комиссии и условия успешного выполнения ею этих задач) // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 3.

18. *Чемоданов В.* Исторические сведения о селе и приходе Ухтымском (Глазовского уезда) // Вятские епархиальные ведомости. 1876. № 4.

19. *Осокин И.* Отчет о церковно археологической экскурсии по церквам Слободского уезда в июле 1914 года // Вятские губернские ведомости. 1915. № 16. С. 487–497.

20. *Шерстенников А.* Указ. соч.

21. *Бердинских В. А.* Уездные историки…

22. *Боярченков В. В.* Историки-федералисты: концепции местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб., 2005.

Поступила в редакцию 21.07.2011

O. M. Melnikova

«Mention ancient days and learn from all your deeds…» (notes about methodology of archaeological studies on pages of «Vyatka eparchial sheets»)

An article deals with the features of the exploratory approach to archaeological sources, that have formed in Russian regions, by an example of the articles analysis of «Vyatskie eparchial'nie vedomosti» («Vyatka eparchial sheets»). Peculiar attention is drawn to the specifics of author's method of work with sources and historical writings. A complex structure of provincial amateur archaeological thought of the nineteenth – early twentieth century takes its shape for the first time.

Keywords: «Vyatskie eparchial'nie vedomosti» («Vyatka eparchial sheets»), local history paradigm, archaeological study.

Мельникова Ольга Михайловна,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: lvovich@udm.ru

Melnikova Olga Mikhailovna,
Doctor of History, professor,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: lvovich@udm.ru

УДК 94(470.51)

Л. Н. Бехтерева, О. И. Васильева

УДМУРТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НАКАНУНЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ*

В статье дается характеристика социально-экономического положения удмуртского крестьянства в 1920-е гг. Рассматриваются основные мероприятия для восстановления сельскохозяйственной отрасли в период НЭПа и реализации принципа классового подхода при их осуществлении.

Ключевые слова: Удмуртия, НЭП, крестьянство, социальная стратификация, сельскохозяйственная кооперация, сплошная коллективизация.

Накануне сплошной коллективизации Вотская (Удмуртская) автономная область (ВАО) представляла собой сложный хозяйственный комплекс, состоящий из промышленно развитого центра и сельскохозяйственных районов, ослабленных вследствие войн и стихийных бедствий, прежде всего голода 1921–1922 гг., обусловленного сильнейшим неурожаем и политикой предшествующего периода, вызвавшей сокращение сельскохозяйственного производства и подрыв стабильности крестьянского хозяйства. По данным Наркомпрода (без учета хлеба, вывезенного мешочниками и заготовленного Красной Армией), Глазовский, Малмыжский, Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губернии, вошедшие в состав образованной в ноябре 1920 г. ВАО, за весь этот год дали половину из 9 290 198 пудов зерна, выполнив разверстку более чем на 110 % [1]. И это при том, что шло сокращение посевных площадей: в 1920 г. оно составило 36 %, в 1922 г. – 67,4 % от уровня 1916 г.; около 60 % крестьян имели посевы, не обеспечивавшие прожиточного минимума. Валовой сбор зерна в области составил в 1921 г. всего 2,4 млн. пудов при потребности в 14 млн. [2]. Снизилась урожайность зерновых культур. Не было собрано даже то, что посеяно. Если в 1905–1914 гг. урожай ржи составлял 6,5 *ц* с *га*, овса – 6,9 *ц*, ячменя – 7,8, то в 1921 г. он сократился соответственно до 1,5; 1,3; 1,6 *ц* с *га* [3].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-18001 а/У.

Из-за страшной засухи по всей области летом 1921 г. разгорелись лесные пожары. Сгорело леса на площади 200 тыс. *дес.*

Сказывались и последствия военных действий 1918–1919 гг., когда сельскому хозяйству был причинен значительный материальный урон. В 1922 г. конское поголовье по сравнению с 1916 г. сократилось на 36,3 %, поголовье крупного рогатого скота – на 63,0 %, овец – на 80,6 %, свиней – на 91,4 % [4]. Процесс снижения товарного производства, обеднения основной массы населения усиливался.

В 1928 г. в регионе проживало 806,4 тыс. человек, в том числе в сельской местности – 717,9 тыс. (89 %) [5]. В 1927 г. удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции составлял 70,3 %. Обеспечение промышленных предприятий и населения сырьем, топливом и продовольствием определяло необходимость скорейшего восстановления и дальнейшего развития этой отрасли.

Первым шагом провозглашенной в марте 1921 г. на X съезде РКП(б) новой экономической политики стала отмена продразверстки. Вместо нее вводился натуральный налог, который был вдвое меньше разверстки, объявлялся заранее и не мог быть увеличен в течение года. Все излишки, оставшиеся после внесения налога, поступали в распоряжение крестьян. Это создавало материальный стимул для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Большое значение имели решения VIII и IX Всероссийских съездов Советов (1920 г. и 1921 г.), определившие основные направления стабилизации и подъема сельского хозяйства. Требовалось увеличить посевные площади, внедрить передовую агротехнику, поднять урожайность, повысить общую культуру сельскохозяйственного производства, оказать практическую помощь деревне в проведении землеустройства.

В 1922–1923 гг. было подано 177 заявок на землеустройство, в 1924–1925 гг. – 636. Учитывая особенности местного края и быта населения: дальноземелье (15 % селений имели дальность полос свыше 5 *км*), недостаточность поверхностных естественных источников воды и неблагоприятные почвенные условия, привязанность к чересполосно-уравнительному пользованию землей и общинной форме ведения хозяйства, а также недоверчивый, осторожный подход селян к радикальным изменениям, – были определены наиболее желательные формы землеустройства: поселково-отрубная и группово-отрубная без переселения. При проведении этих мероприятий земельные органы в соответствии с советскими аграрными законами и принципом «классового подхода» добивались предоставления лучших и близких земель беднейшей части населения, а также коллективным хозяйствам.

Некоторое ослабление налогового гнета, восстановление свободной торговли в период новой экономической политики способствовали экономическому росту крестьянских хозяйств. Посевная площадь в 1927 г. достигла довоенного уровня, постепенно увеличивалось поголовье скота. Доля безлошадных и бескоровных хозяйств сокращалась, но все же их оставалось больше, чем в 1916 г. (табл. 1).

Окрепшее крестьянское хозяйство все больше нуждалось в свободном хозяйственном маневре, взаимовыгодных отношениях между городом и деревней, в полной реализации принципа материальной заинтересованности. Отчетливее проявлялись интересы различных групп крестьянства: беднота требовала от государства поддержки и защиты, зажиточные – простора для хозяйственной инициативы и предпринимательства.

Таблица 1

Количество безлошадных и бескоровных хозяйств в Удмуртии в 1916–1927 гг. (в %)

Хозяйства	1916	1925	1927
безлошадные	7	17,1	10,7
бескоровные	6	11,4	10,8

Источник: 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921–1931. Ижевск, 1931. С. 43, 48.

Одной из важных тенденций развития деревни в 1920-е гг. являлось развертывание кооперации, призванной, по мнению идеологов нэпа, стать первым шагом в приобщении крестьян к социализму. По рекомендации Центрального кооперативного совета, организованного в марте 1925 г., на основании специального положения Совнаркома СССР, на местах создавались областные и краевые кооперативные советы. 27 мая 1925 г. был образован кооперативный совет в Удмуртии, объединивший деятельность кооперативных организаций и разграничивший хозяйственные функции различных видов кооперации, основным назначением которой было обслуживание рыночных потребностей крестьян.

Значительное место в кооперативном движении в этот период отводилось сельскохозяйственной кооперации с ее основными задачами: объединить мелкие разрозненные хозяйства отдельных крестьян в артельные предприятия и организовать общественную обработку земли с применением машин. Сельскохозяйственные кооперативные объединения: артели, коммуны, огороднические товарищества – возникли на территории Удмуртии уже в 1918–1920 гг. На 1 июня 1922 г. в области имелось 93 сельскохозяйственных кооператива. Это были первые шаги коллективного ведения крестьянского хозяйства. Несмотря на трудности послевоенного периода, в Удмуртии возникали новые коллективные хозяйства и относительно успешно действовали созданные ранее. Во многом это объяснялось традиционными устоями удмуртского общества, основанного на совместном ведении хозяйства и стремлении к сохранению и развитию общинно-групповых форм самоуправления. Так, еще в 1921 г. крестьяне д. Титово Шарканской волости организовали сельскохозяйственную артель «Шонер». В ее состав вошли 12 хозяйств. На территории, занимаемой членами артели, имелись мельница, молотильный сарай, лесопилка, зерносушилка, общественный амбар и крытый навес для инвентаря. В 1925 г. артель купила трактор «Кейс» и молотилку. Проверка всех коллективных хозяйств и товариществ, проведенная облземуправлением в 1926 г., показала: ведутся мелиоративные работы, имеется 24 лошади, 38 голов крупного рогатого скота, 153 овцы, 10 свиней; построены кирпичный завод, маслобойка, ремонтная мастерская; строятся плотина и общественные здания. Поля с девятипольным севооборотом давали неплохие урожаи хлебов; 18 *га* засевалось сортовыми посевами, с которых получали до 12 *ц* зерна [6].

Хутора, выселки, сельхозартели возникали в основном в местах староосвоенных – вблизи Ижевска, в восточной части Малмыжского уезда, в прикамских районах: здесь их доля доходила до 10 % и более в общей массе сельских поселений. Можно отметить и такую особенность возникновения первых сельхозартелей

и коммун в Удмуртии – почти все они создавали отдельные селения. В 1924 г. удельный вес хуторов составлял 2,2 %, выселков – 2,1 %, 3,2 % приходилось на поселки сельскохозяйственных артелей [7].

В октябре 1925 г. 490 сельскохозяйственных кооперативных организаций включали в себя 10 264 хозяйства, что составляло 10,6 % всех крестьянских хозяйств области [8]. Проследив динамику численности сельскохозяйственных коллективов в 1920-е гг., мы увидим их значительный рост. Если в 1921 г. в Удмуртии было 11 коммун, 33 артели, 2 тоза, то в 1925 г. их число соответственно выросло до 14, 141 и 39 [9]. Они стали основой развития колхозного движения в годы нэпа. Коллективным хозяйствам, кооперативным объединениям в первую очередь предоставляли усовершенствованные сельскохозяйственные машины, орудия, инвентарь. За 1925–1928 гг. было ввезено в Удмуртию 31 770 плугов, 1 329 сеялок, 487 уборочных машин, 4 865 молотилок, 18 тракторов. В 1926 г. из 85 зерноочистительных пунктов области 55 находилось в руках кооперативов [10]. Колхозы имели значительные налоговые льготы. Так, в декрете о сельскохозяйственном налоге на 1924 г. было установлено, что коллективным хозяйствам дается скидка на 25 %, а если в колхозе применяются улучшенные приемы земледелия, то скидка может быть доведена до 40 %.

Для усиления влияния новых хозяйств организовывались показательные коллективы. Одним из таких стало Можгинское хозяйство, образованное уездным земельным управлением на надельной земле граждан Можги. Площадь его составляла 53 *дес.*, 28 из которых отводилось под полеводство, а остальная территория, расположенная вдоль рек Ныша и Вала, использовалась под сенокос, огороды и сады. Показательное хозяйство явилось базой для работы земельных органов. Здесь применялись новинки агротехники, была введена семипольная система обработки земли, травосеяние, на отдельном участке создан питомник [11] .

Однако большая часть кооперативов на первых порах была организационно слабой. Процветали уравниловка и обезличка, отсутствовали планирование и учет труда. Доходы в некоторых артелях распределялись по паям, внесенным крестьянами при вступлении в артель, в других – по едокам или же по времени пребывания на работе, независимо от количества и качества вложенного труда. Среди просчетов можно назвать также формализм и нестабильность функционирования правил распределения. Созданные в короткий срок, часто лишь для проведения сельскохозяйственной конференции или статистической отчетности, они быстро распадались. Некоторые сельскохозяйственные кооперативы даже не соответствовали кооперативному уставу. Другим серьезным недостатком, препятствующим развитию кооперации, была «кредитация советских органов», метод взимания сельскохозяйственного и других налогов для погашения налоговой задолженности. В результате сделок нарушался финансовый баланс союзов, который, в свою очередь, отражался на сумме взносов пайщиков в сторону завышения.

Выходу крестьян из колхозов способствовала слабая материально-техническая база. В 1926 г. в распоряжении колхозов Удмуртии находилось лишь 10 тракторов. Многие хозяйства были неустойчивы. Одновременно с образованием новых коллективных хозяйств шел и процесс их распада. Если

в 1924 г. насчитывалось 203 колхоза, то в 1925 г. – 194, а в 1926 г., после сплошного обследования и очередной ликвидации «бумажных» колхозов, их общее число снизилось до 33 [12]. Объясняется это тем, что первые годы нэпа сопровождались отменой некоторых льгот в отношении производственной сельскохозяйственной кооперации и более осторожным подходом в предоставлении ей разного рода преимуществ. Причинами распада колхозов были также стихийные бедствия, неустроенность земельной площади, разногласия колхозников в решении тех или иных вопросов, неумение и нежелание работать коллективно, недостаток основных и оборотных средств, сельскохозяйственного инвентаря, рабочих рук и т.д. В 1926 г. областное земельное управление провело обследование причин распада 57 хозяйств, созданных в 1921–1926 гг. Оказалось, что почти 53 % из них перестало существовать из-за неустроенности, отсутствия кадров руководителей и слабости их подготовки.

Важным звеном провозглашенного курса кооперирования сельского хозяйства и подъема жизненного уровня бедняцко-середняцких масс крестьянства явились кредитование и налоговая политика государства. Начало организации системы сельскохозяйственного кредита в стране было положено декретом «О кредитной кооперации» от 24 января 1922 г., на основе которого стали появляться кредитные и сельскохозяйственные товарищества с кредитными функциями. Вначале Общество сельскохозяйственного кредита области входило в состав Казанского общества, с ноября 1924 г. оно начало самостоятельную деятельность.

За первый год деятельности Общества 61,8 % ссуд было выдано безлошадным крестьянским хозяйствам либо имеющим одну лошадь или корову, 35,2 % ссуд – хозяйствам, имеющим одну лошадь или две коровы, и лишь 3 % ссуд получили более самостоятельные хозяйства [13]. В 1927–1928 гг. бедняцкие хозяйства севера Удмуртии получили 30,9 % выданных сельхозбанком кооперативных кредитов, в то время они составляли только 10,1 % всех кооперативов. Наиболее значительные ссуды выделялись на приобретение сельскохозяйственных машин, рабочего скота, минеральных удобрений, семян и т.п. Так, на 1 октября 1925 г. сумма кредитов составила 1 086 370 руб. В период весенней полевой кампании 1928 г. на долю кооперативов в Ижевском уезде приходилось 15 %, в Можгинском – 24,3 % сумм отпущенных кредитов. К числу успешно действовавших относились Халдинское, Александровское, Завьяловское, Чутырское кредитные общества. Они распространяли среди крестьян агротехнические знания, организовывали опытные и показательные поля и фермы. Получая кредиты, использовали их на введение многопольных севооборотов, расширение посевов трав, на покупку рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, машин и минеральных удобрений. Эти общества первыми вводили сортирование семян, открывали зерноочистительные пункты. Их деятельность способствовала тому, что на территории Удмуртии число многопольных севооборотов с 70 в 1923 г. возросло до 125 в 1925 г., посевы трав с 1,3 тыс. *га* до 1,7 тыс. *га*, сортирование семян соответственно с 485 до 1 420 *т* [14].

Большое внимание кредитованию сельского хозяйства уделял областной кооперативный совет. Свою работу он проводил через различные виды кооперативных объединений: кредитные, сельскохозяйственные с кредитными функциями,

потребительские, кустарно-промысловые и другие. На 1 сентября 1924 г. имелось 178 первичных сельскохозяйственных и кредитных обществ, включавших 11 225 членов, на 1 сентября 1925 г. количество обществ возросло до 198 и членов в них – до 19 098 [15]. Основным видом деятельности совета были ссудные операции. Ссуды выдавались долгосрочные – до 4 лет и краткосрочные – до одного года. В первые годы деятельности общества преобладали краткосрочные ссуды. Выдавали ссуды различного рода кооперативным объединениям, государственным учреждениям и совхозам. Единоличники получали их через кредитные товарищества, сельскохозяйственные товарищества с кредитными функциями и через кредитные отделения единого потребительского общества.

В целом в Удмуртии активно расширялась и укреплялась сеть кредитных обществ, в кредитные кооперативы вовлекались крестьянские хозяйства, особенно бедняцкие и середняцкие, организовывались новые специализированные кооперативы, обслуживающие отдельные отрасли сельскохозяйственного производства. Однако в деятельности этих объединений было много трудностей и недостатков. Некоторые товарищества не по назначению применяли получаемые ссуды, другие вместо помощи крестьянам занимались в основном торговой деятельностью. Бедняцкие слои, «вовлеченные» в кооперацию за счет не принадлежащих им средств и в первую очередь получавшие кооперативные блага, независимо от участия в их создании, не в состоянии были эффективно использовать их в своем хозяйстве, вернуть взятые ссуды и оплатить предоставленные услуги. Кроме того, значительная часть кооперативов, в том числе и кредитных, находилась в прямой материальной зависимости от государства, являясь передаточным механизмом в руках государственных кредитных учреждений. Например, в 1925–1926 гг. соотношение собственных и заемных средств в Глазовском кустселькредитсоюзе составляло 1:3 [16].

К концу 1920-х гг. в различные формы сельскохозяйственной кооперации была вовлечена примерно треть крестьянских хозяйств. Однако, как и в некоторых других регионах, сельскохозяйственное кооперирование в Удмуртии происходило, главным образом, за счет кредитных и незначительно – за счет производственных организаций. По данным на 1 октября 1928 г., сельскохозяйственная кооперация объединяла 35,7 тыс. крестьянских хозяйств, что составляло 30,5 % общего их числа в области. Из них кредитные и ссудно-сберегательные товарищества составляли 29,4 тыс., или 25,1 %, и лишь 5,4 % кооперирования приходилось на машинные, мелиоративные, огороднические, животноводческие и другие виды кооперации [17].

Снабжение машинами и сельскохозяйственными орудиями преимущественно кооперативов, бедняцких и середняцких хозяйств, государственная поддержка малоимущих и политика сдерживания при помощи налогообложения роста зажиточных слоев привели к дальнейшему увеличению группы среднего крестьянства. К 1927 г. прослойка середняков в составе крестьянства в результате восстановительных процессов несколько увеличилась. По данным Комиссии СНК СССР по изучению тяжести налогового обложения, в 1927 г. среди крестьянских хозяйств было 3,9 % кулацких, 62,7 % – середняцких, 22,1 % – бедняцких и 11,3 % – пролетарских хозяйств [18].

В условиях, когда соотношение цен на рынке было не в пользу деревни (с 1926 г. в стране проявился товарный голод и цены на промышленные товары резко поднялись), а город не обеспечивал крестьянское хозяйство необходимой ему продукцией, возросло недовольство крестьянства. Уже в 1925 г. трудности с хлебозаготовками показали, что назревают серьезные социально-экономические проблемы. Пытаясь за счет крестьянства решить проблему накопления средств для проведения ускоренной индустриализации, государство ужесточило условия его существования. Закупочные цены на хлеб в 1925 г. были снижены почти вдвое по сравнению с 1924 г. (с 94 коп. до 47 коп.). Не испытывая материальной заинтересованности, крестьянство сократило производство зерна, увеличило внутридеревенское потребление продуктов. Снижение государственных закупочных цен на зерно, продолжающееся наступление на зажиточные, предпринимательские слои уничтожали стимул к расширению посевов, росту урожайности и увеличению товарности. Весьма показательны в этом отношении сведения о развитии сельского хозяйства Бардымского района, сохранившиеся в фонде Сарапульского окрисполкома (табл. 2).

Таблица 2

Количество посевных площадей в Бардымском районе Сарапульского округа в 1916–1927 гг. (*га*)

	1916	**1920**	**1922**	**1924**	**1925**	**1926**	**1927**
Озимых	19 215	7 773	6 967	13 384	15 609	12 948	10 603
Яровых	13 483	5 205	3 051	8 523	7 558	8 700	5 307
Всего	32 698	12 978	1 018	21 907	23 167	21 648	15 910
% к 1916 г.	100	39,7	36,6	66,9	70,8	66,3	48,6

Источник: ЦГА УР. Ф. Р–370. Оп. 1. Д. 710. Л. 17.

Приведенные данные свидетельствуют, что сокращение площади посевов шло в Бардымском районе вплоть до 1922 г., в 1924–1925 гг. она увеличивается, хотя и не достигает довоенного уровня, а с 1926 г. вновь начинает уменьшаться. За 1925–1927 гг. число хозяйств, производивших посевы от 2 до 9 десятин, выросло на 61,5 %, а количество хозяйств, засевавших от 9–10 десятин и выше, уменьшилось на 100 % [19]. Таким образом, на попытку экономического принуждения крестьянство ответило адекватными экономическими мерами – сокращением посевных площадей и уменьшением производства товарного хлеба. Значительную часть дохода крестьянство стало получать не от сельскохозяйственных отраслей, а от промышленности (ремесла, лесозаготовки и т.д.). В условиях низких закупочных цен на хлеб внеземледельческие занятия приносили им больший доход. Так, доход от сельского хозяйства по налоговым спискам в Бардымском районе составил на одно хозяйство в 1927 г. 118 руб. в год, а месячный заработок семьи, заготовлявшей мочало, – 88 руб. [20].

Общую картину состояния сельскохозяйственного производства в Удмуртии рисуют статистические данные областной плановой комиссии (табл. 3).

Таблица показывает, что рост посевов в 1925–1927 г. хотя и наблюдался, но был значительно ниже, чем в 1923–1924 гг. В 1928 г. происходит сокраще-

Таблица 3

Количество посевных площадей в Удмуртии в 1916–1928 гг. (тыс. *га*)

Годы	1916	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Площадь посева	727,8	236,0	397,6	631,4	730,5	774,7	781,3	752,1
В % к 1916 г.	100	32,6	54,6	86,7	100,3	106,5	107,3	103,3

Источник: 10 лет Удмуртской автономной области... С. 42, 47.

ние площади посева. Одной из причин этого был пониженный урожай 1927 г., но, несомненно, и влияние экономической политики государства, что особенно отчетливо проявляется при анализе соотношения отдельных культур в общей посевной площади (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение сельскохозяйственных культур в общей посевной площади Удмуртии 1916–1928 гг. (в %)

Культуры	1916	1926	1927	1928
Зерновые	95,2	92,4	94,0	92,2
Лен	3,2	4,2	2,4	4,1
Конопля	0,8	0,5	0,5	0,6
Картофель	0,7	1,7	1,8	1,8
Овощи	св. нет	0,4	0,4	0,4
Травы	0,1	0,8	0,9	0,9

Источник: 10 лет Удмуртской автономной области... С. 47.

Следовательно, в 1920-е гг. соотношение отдельных культур в общей посевной площади показывает качественные сдвиги: увеличивается площадь под техническими культурами, уменьшается – под посевами зерновых. Совокупность указанных причин обострила зерновую проблему и привела экономику страны на грань кризиса, свидетельство чему – срыв хлебозаготовок 1927–1928 гг.

Таким образом, в канун сплошной коллективизации наиболее актуальной становилась проблема социальной стратификации крестьянства. Она представляет особую трудность, так как охватывает весь комплекс хозяйственных и имущественных отношений в крестьянской среде применительно к региону в целом и даже его отдельных частей (для Удмуртии, например, севера и юга). Это такие показатели, как количество надельной земли и пашни, наличие рабочего скота и количество членов семьи, отношения между имущественными группами. Председатель облисполкома ВАО Т. К. Борисов на IX областной партконференции (ноябрь 1925 г.) говорил: «Некоторые товарищи говорят, что у нас нет совсем кулаков, что этот слой разложен. Другие придерживаются совершенно иной точки зрения... В нашей области есть эксплуатация одной части крестьян другой. В каких размерах и в какой форме, сказать невозможно... Этот вопрос требует глубокого обсуждения, потому что от правильного разрешения его зависит судьба всей нашей революции». Он пытался дать свою оценку классового расслоения

удмуртской деревни: «Беспосевных крестьян 1,1 % – это батраки, с посевом от 1 до 2 десятин – 22,3 % – бедняки, от двух до шести десятин – 62,9 % – середняки и отчасти бедняки, от 6 до 10 десятин – 12,4 % – наиболее опасный слой, в нем могут находиться кулаки, и больше 10 десятин – 1,3 %» [21]. В то же время, он отмечал: «Все же вопрос о классовом расслоении еще плохо разработан. Но мы можем сказать, что у нас кулаков на 1000 самое меньшее трое и самое большее – 13. В среднем 7–8 человек типичных кулаков» [22].

В архиве сохранилось письмо крестьянина д. Козлово Советской волости Ижевского уезда В. Д. Дюпина, в котором он просит: «...разъясните мне, кто должен быть кулаком и по каким причинам. Вот у нас в деревне были установлены бригадиром два кулака – Конюхов Сергей и Пушкарев Григорий. Они немало эксплуатировали и применяли чужой труд, ежегодно обсевали исполу у бедняков на кабальных условиях, захватывали другие деревни... Но фактически сумели провести из двух только Конюхова, а Г. Пушкарева оставили как середняка, так как он дал бедняку 10 пудов овса. Бригадир уехал. Конюхов убаюкал бедняков, и на бедняцком собрании решают: он середняк. Долго думают, кого поставить кулаком? А вот Дюпин имеет шерсточесалку, и, конечно, кулак, хотя я работал на ней в общей сложности два месяца, общий заработок в 380 рублей, работал только личным трудом, землю имею на четырех едоков... Имею одну лошадь, молотилку, плуг» [23].

Жизненно важный вопрос о социальной принадлежности останется так и не выясненным окончательно. Для этого, вероятно, были свои причины. Определение хозяйства как трудового или эксплуататорского на практике оказалось делом более сложным. Заметим, что в дореволюционный период к кулакам относили крестьян, занимающихся скупкой, перепродажей, торговлей, ростовщичеством, то есть – не производителей, а спекулянтов. Возведение имущественного неравенства в основной критерий для определения классов и привело к объединению зажиточных (а чаще средних) крестьян с кулаками.

Весной 1928 г. областным статистическим управлением было проведено выборочное обследование по всей области, охватившее 11 872 хозяйства. Из них арендовали пашню 3,5 %, а сдавали пашню в аренду – 1,1 %. Хозяйств, насчитывающих 3 лошади, было 2,4 %, 4 и больше – 0,6 %. Обеспеченность хозяйств посевной площадью характеризовалась следующими цифрами: не имевших посевной площади и имеющих ее в размере до 2,28 *га* было 8,5 %, с площадью от 2,29 до 11,03 *га* – 86,5 % и с площадью от 11,04 до 17,6 *га* и выше – 4,9 % [24].

В общем и целом середняцкая деревня в 1920-е гг. выглядела зажиточной только с точки зрения разрухи периода гражданской войны. По данным бюджетных обследований крестьянских хозяйств области за 1927–1928 гг., за исключением экономически более крепких хозяйств, имевших больше посевов, бедняцкая и даже середняцкая часть деревни, как правило, покупала рожь, а не продавала. Лишь группа хозяйств с посевом более 11 *дес*. производила товарную рожь. В среднем же по Удмуртии 0,8 пуда ржи продавалось в расчете на один двор, а 10,1 пуда покупалось [25]. Аналогичная картина была по яровым культурам. Большое количество зерна как товарной продукции мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства не могли дать еще и потому, что техническая вооруженность их была крайне слабой. В 1926–1927 гг. свыше 8 млн. *га* земли

еще вспахивали сохой, а три четверти посевных работ велись ручным способом, почти половина зерновых культур убиралась серпом и косой, более 40 % урожая обмолачивалось цепами. В 1925 г. 17 % семей было без лошадей, 11,4 % – без коров; 32 % хозяйств имели посевы по 0,6 *дес.* на едока. От 0,1 до 2 *дес*. имели 8,9 % хозяйств, от 2 до 4 *дес.* – 31,8; от 4 до 8 *дес.* – 46,9, более 8 *дес*. – 11,5 %. Тем не менее, изъятие земель в Удмуртии у «зажиточного» крестьянства происходило постоянно, и к 1928 г. оно составило 60 тыс. *га* [26].

Одним из главных признаков кулацкого хозяйства считалось использование наемного труда. Но этот труд, как отмечают исследователи, в Удмуртии применялся в минимальной степени. Наемная рабочая сила, используемая в основном на подсобных и временных работах, не могла определить экономическое положение зажиточных крестьян, стать источником их обогащения. Процесс имущественного расслоения крестьянства накануне сплошной коллективизации, несомненно, имел место, хотя и не в такой степени, как его пытались представить идеологи и практики колхозного движения, а вслед за ними и историки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зубарева Л. А.* Хлеб Прикамья. Борьба трудящихся Прикамья за хлеб в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Ижевск, 1967. С. 56.

2. *Куликов К. И.* Удмуртская автономия. Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990. С. 27; Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 7.

3. 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921–1931. Ижевск, 1931. С. 41.

4. Там же. С. 42.

5. Удмуртия к 15 годовщине Октября. Ижевск, 1932. С. 23.

6. *Шибанов К. И.* Сельское хозяйство Удмуртии: страницы истории. Ижевск, 1991. С. 27–28.

7. *Шкляев Г. К.* Об изменениях в поселенческой структуре Удмуртии в советское время // Сельские поселения Удмуртии. Ижевск, 1981. С. 60.

8. ЦГА УР. Ф. Р–117. Оп. 1. Д. 486. Л. 92.

9. Удмуртия к 15 годовщине Октября. С. 2.

10. *Хитрина Н. И.* Кооперация в Удмуртии // Политика и экономика Удмуртии советского периода. Ижевск, 1996. С. 44, 47.

11. История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 130.

12. *Никитина Г. А.* Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х годов). Ижевск, 1998. С. 43.

13. ЦГА УР. Ф. Р–117. Оп. 1. Д. 107. Л. 7.

14. ЦГА УР. Ф. Р–195. Оп. 1. Д. 108. Л. 12–13; 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921–1931.

15. Отчет облисполкома Вотской автономной области за 1924–1925 год. Ижевск, 1926. С. 30.

16. *Ерохина Л. Н.* Некоторые аспекты кооперативного движения в Удмуртии в середине двадцатых годов // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы. Ижевск, 1996. С. 37.

17. 10 лет Удмуртской автономной области… С. 47.

18. *Данилов В. П.* Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1988. С. 240.
19. ЦГА УР. Ф. Р–370. Оп. 1. Д. 710. Л. 17.
20. Там же. Л. 19.
21. ЦДНИ УР. Ф. 19. Оп. 9. Д. 567. Л. 23.
22. Там же. Л. 43.
23. ЦГА УР. Ф. Р–370. Оп. 10. Д. 247. Л. 163.
24. Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск, 1929. С. 95.
25. *Ефремов С. А.* Экономика сельского хозяйства Удмуртии. Ижевск, 1971. С. 26.
26. Экономика Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 27.

Поступила в редакцию 10.08.2011

L. N. Bekhtereva, O. I. Vasilyeva

Udmurt peasantry on the eve of the total collectivization

The article gives characteristics of the socio-economic status of the udmurt peasantry in the 1920s. The authors consider the main activities for the restoration of the agricultural sector and the implementation of the principle of class approach in the period of New Economic Policy.

Keywords: Udmurtia, the NEP, the peasantry, social stratification, agricultural cooperation, the collectivization

Бехтерева Людмила Николаевна,
доктор исторических наук,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: behtereva@ni.udm.ru

Васильева Ольга Ивановна,
кандидат исторических наук, заместитель директора,
Центральный государственный архив УР
г. Ижевск
E-mail: vasilyeva-60@rambler.ru

Bekhtereva Lyudmila Nikolaevna,
Doctor of History,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: behtereva@ni.udm.ru

Vasilyeva Olga Ivanovna,
Candidate of Science (History),
Deputy Director of Central State archive of Udmurt Republic
Izhevsk
E-mail: vasilyeva-60@rambler.ru

УДК 069.5(474.2)

С. Карм

ЭХО УРАЛА В ЭСТОНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ, ИЛИ МУЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭСТОНСКОГО КОНЦЕПТА «ФИННО-УГОРСКИЙ МИР»

В рамках строительства нового здания Эстонского национального музея (ЭНМ) и подготовки музейных экспозиций, автор статьи знакомит читателя с концепцией будущей финно-угорской экспозиции. Музеологический аспект эстонского финно-угроведения рассматривается в контексте идей культурной идентичности.

***Ключевые слова**:* музейная экспозиция, музей как транслятор культурных идентичностей, история исследования финно-угорских культур.

На пороге своего музейного здания

Эхо Урала / *Uurali kaja* / *Echo of the Urals* – такое рабочее название носит готовящаяся финно-угорская экспозиция Эстонского национального музея (Eesti Rahva Muuseum) [1], которая станет доступной с открытием специально построенного для него здания. Экспозиция будет развернута в трех залах на двух этажах и займет 1100 *м²*. Она будет работать параллельно с эстонской экспозицией *Диалоги Эстонии* / *Eestimaa kahekõned* / *Estonian Dialogues*, в объективе которой – история культуры Эстонии и народов, ее населявших и населяющих; история обычных людей в постоянном диалоге с прошлым, общественными нормами и правилами, а также с процессами, формировавшими мировую историю. В новом здании музея предполагаются также залы для экспонирования временных тематических выставок.

Пока же на месте бывшего советского военного аэродрома, там, где должно развернуться строительство нового музейного здания (31800 *м²*), ведутся землеустроительные работы. Весь музейный комплекс Раади (здание, фондохранилище на территории бывшей усадьбы фон Липхардов с историческим парком и прудом, тема-парк с экспериментальными лабораториями и т.п.) раскинется на площади 415000 *м²* и станет крупнейшим научно-культурным центром и туристическим объектом Южной Эстонии [2]. Предполагается, что финансирование

этого крупномасштабного проекта будет осуществляться из бюджета Эстонской Республики и фондов Евросоюза.

Концепция финно-угорской экспозиции: основные моменты

Называя будущую экспозицию «Эхо Урала», авторы концепции [3] акцентируют гамму разных выражений и значений, содержащихся в этих двух словах: *Урал* / *уральское* – это единый маркер финно-угорских народов (вместе с самодийскими народами они входят в уральскую языковую семью; в научно-популярном дискурсе слова «уральские» и «финно-угорские» часто синонимичны). Уже в ранних научных исследованиях именно Урал и его окрестности называли прародиной финно-угорских народов. *Эхо* – это отзвук, отклик, отголосок, отражение, ответ. Но это и воссоздание, проявление, раскрытие, истолкование, интерпретация, рефлексия, диалогичность…

Цель финно-угорской экспозиции – посредством музейных предметов и современной технологии дать посетителю возможность прикоснуться к культурам языковых родственников эстонцев; заглянуть в визуально-реконструированную окружающую среду, служившую основой формирования их своеобразия и этнической идентичности; окунуться в так называемый «финно-угорский мир», – неважно, найдет он его мифологизированным, реальным или воображаемым (следует заметить, что концептуальная группа ни в коем случае не сосредоточивается на поисках архаического «финно-угорского единства», а связывает концепцию/идею национального музея с принципами культурного многообразия и культурного диалога).

В центре внимания экспозиции – интерпретация финно-угорских культур через призму обыденного, бытового. Обращение к культуре повседневности обусловлено, прежде всего, характером финно-угорской коллекции ЭНМ, сформировавшейся в 1960-е – начале 1990-х гг. [4]. Одновременно, повседневная культура – это «жизненный континуум, непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное – переживаний, реализующих субъективность» [5. С. 91], это именно то, на чем зиждутся картина мира, мифология, а также эстетические практики самореализации людей. В своей экспозиции мы пытаемся показать финно-угров в их ежедневных взаимоотношениях и занятиях, в окружении того «вещного мира», в котором протекает их обыденная жизнь. Пытаемся выявить и показать (насколько это возможно с помощью музейных технологий) их ментальный склад, в немалой степени связанный с локальным аспектом, подверженным климатическим условиям, социальным окружением, культурно-бытовыми традициями и другими факторами.

В основе научной концепции экспозиции лежит извечный вопрос взаимоотношений мужчин и женщин. Внимание авторов обращено на то, какие возможности предоставляют финно-угорские общества для самореализации мужчин и женщин, какова связь специфики роли мужчин и женщин с образом жизни отдельных народов и какова динамика их роли в русле общекультурных изменений. Исторически в этнографической репрезентации женщины выступают в роли хранителей и носителей традиционной культуры (женская повседневность связывается со сферой приватного); роль же мужчины в социокультурном

контексте видится в расширении границ жизненного мира и модернизации общества. Одновременно, в диалоге между исследователем и исследуемыми обычно активными, видимыми собеседниками/партнерами этнологов являются именно женщины, мужчины же по воле случая или их деятельности (чаще за пределами дома) остаются вне обозрения или выступают как пассивные наблюдатели этого диалога, лишь изредка вступая в него. Однако это ни в коей мере не умаляет роли мужчины в самой культуре – случайные реплики, меткие оценки и красноречивые иносказания создают интригующую картину взаимоотношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, индивидом и обществом.

В экспозиции отводится также место истории финно-угорских исследований и культурной рефлексии в широком смысле, иначе говоря – тому, каким образом складываются наши знания и представления о коренных народах. А это означает, что экспозиция создается в диалоге с представителями финно-угорских народов. Учитывая коллективные и индивидуальные представления и понятия носителей культуры, мы пытаемся найти то, что сами финно-угры считают важным в своей культуре, и показать, какими увидели их эстонские исследователи в длящемся десятилетиями этнографическом диалоге [6. С. 3–4].

В основу архитектурной планировки главного экспозиционного помещения положен знак-символ «освещенной реки», изображение которой соединяет в себе мотивы реки и дерева, а потому может истолковываться и как языковое дерево и др. Разветвление русла реки подразделяет зал на 4 небольших островка-зала, где экспонируются культуры носителей пермских, волжских, прибалтийско-финских и угорских языков. В «воде» пульсируют слова и выражения, указывающие посетителю направление по экспозиционным залам и входы в культурно-тематические отделы. Двигаясь по освещенной реке-туннелю, посетитель поднимается на другой уровень: обозрение большого зала возможно также со смотровых площадок, расположенных над экспозицией.

В дизайн-решении экспозиции предполагается использование разных подходов: в двух первых залах эффект создается с помощью передовых технологий, графического дизайна и отдельных экспонатов-символов, которые призваны заинтриговать посетителя финно-угорской тематикой. В третьем зале экспозиции преобладает сюжетно-сценический подход, дополняемый местным нарративом, и каждый экспонат является здесь частью научно-драматургической идеи и эмоции. Видео- и мультимедийные проекты, специально создаваемые для экспозиции, призваны расширять и углублять информационно-научное поле каждой отдельной темы или тематического блока.

Авторский коллектив надеется, что новая экспозиция ЭНМ, посвященная культуре финно-угорских народов [7], станет настоящим магнитом и сможет ответить интеллектуальным и духовным запросам различных категорий музейных посетителей.

Финно-угорская тематика в музее: только ли преемственность?

Первая финно-угорская экспозиция ЭНМ (называемая финно-угорским отделом [8. Lk. 227–234]) была открыта для посетителей в конце декабря 1928 года. В двух залах музея, расположенного тогда на бывшей мызе фон

Липхардов в Раади, было представлено на общее обозрение (по разным данным) от 300 до 545 предметов культуры и быта финно-угорских народов, в том числе 14 манекенов в народной одежде [9. Lk. 255] «Отдел родственных народов в Э. Н. Музее небольшой: мы не можем сравнить его, например, с финно-угорским отделом Финского национального музея, как по размерам фондов, так и помещения, однако он дает для зрителя определенную картину культуры родственных народов, – писал в 1929 г. об открывшейся экспозиции Густав Рянк в газете *Postimees*. – <...> О расширении помещений отдела мы не можем даже думать до тех пор, пока музей находится в мызе Раади – однако через десятки лет должна открыться возможность для строительства достойного под музей здания, тогда, несомненно, и финно-угорские коллекции музея вырастут настолько, что найдут там достойное представительство» [10. Lk. 8–1]. (Наконец-то, спустя более 80 лет, ЭНМ стоит на пороге исполнения своей заветной мечты!).

Открытая в декабре 1928 г. финно-угорская экспозиция стала первой ласточкой, заявившей широкой общественности о ЭНМ как «огромной мастерской, посвященной делу исследования финно-угорских народов» [11. Lk. 230]. При этом в начале XX в. исследование родственных (и соседних) народов являлось неотъемлемой частью программы изучения и познания своей истории и культуры, лежавшей в основе идеи Музея, неразрывно связанной с национальной идентичностью [12. Lk. 781–782]. Следовало «уже вначале думать еще об одном широком и культурном задании. В Эстонском музее должен быть планомерно хранимый и расширяющийся финно-угорский отдел для тех родственных племен, которые еще не выросли до культурной нации. Перед наукой открывается исследовательское поле, географически простирающееся за Уральские горы и до Ледовитого океана. Наука станет колонией, где поля деятельности ей хватит на сотни лет. Малый народ почувствует стимулирующее и разгорающееся чувство величия, фантазия молодежи, ищущая широкие перспективы, найдет то, что ищет и что реально имеется» [13]. Предлагая широкое исследовательское поле, финно-угорская этнография [14. Lk. 255] стала для ЭНМ также средством, с помощью которого можно было заявить о себе научному миру [15], эта преемственность сохраняется по настоящее время.

Музеи и сегодня остаются связующим звеном между культурным наследием и обществом, хранителями, создателями и трансляторами социальных идентичностей. Вместе с тем перед музеями как учреждениями памяти стоит сложная проблема определения границ музейного пространства и поисков своей идентичности, дефиниции понятия Музей и др. [16]. Под сомнение также ставится необходимость самого существования национальных музеев («забудьте *national*, ее уже нет, у нас позитивная глобализация!» [17. Lk. 33]). В связи с этим вполне оправдан вопрос уместности создания постоянной экспозиции, конструирующей единое культурное пространство «финно-угорский мир», или сообщество, основанное на языковом родстве и подчеркивающее этническое происхождение, и уже потому изначально противостоящее общему направлению *глобального развития* [18].

Насколько актуальна и привлекательна сегодня в Эстонии финно-угорская тематика? Не проще ли было бы в музейном контексте готовить временные выставки по финно-угорским культурам? Что мы хотим сказать музейному посетителю постоянной финно-угорской экспозицией? И вообще, кому она адресована [19]?

Эти и многие другие вопросы стояли и стоят перед ЭНМ с тех пор, когда еще только планировалось помещение нового здания [20] и началась подготовка к составлению исходных материалов для объявления Международного конкурса эскизов нового музейного здания (конкурс был объявлен 22.06.2004, итоги оглашены 16.01.2006). Но уже тогда, в 2004 г., у музея не было сомнений в том, что рядом с эстонской экспозицией в новом музейном здании будет отведено место для экспонирования финно-угорских культур (предлагался, например, вариант с небольшой базовой обзорной экспозицией и периодическими тематическими экспедициями по отдельным финно-угорским культурам). За редким исключением, в пользу постоянной экспозиции высказались и участники проведенного в музее в октябре 2006 г. открытого семинара «Нужна ли вообще (если да, то какая) финно-угорская экспозиция на Раади?» – ученые и общественные деятели Эстонии, занимающиеся финно-угорской тематикой (этнологи, лингвисты, художники, писатели и др.). Наравне с уловимыми намеками на особую миссию и роль музея (а в его лице – и эстонского народа) «оказывать чувство локтя родственникам по языку в деле сохранении своей культуры» [21], «кто, если не мы (сами финно-угры), будет изучать финно-угров?» [22], в высказываниях участников семинара ясно прозвучала мысль, что будущая финно-угорская экспозиция ЭНМ концептуально связана с эстонской культурой.

В связи с этим, в рамках подготовки экспозиции, вправе еще раз проанализировать некоторые аспекты эстонского финно-угроведения. Важный аргумент (без чего не могло быть и речи о финно-угорской экспозиции) – это наличие богатой музейной финно-угорской коллекции, представленной этнографическими предметами, фотографиями, этнографическими рисунками, рукописными и аудиовизуальными материалами. Оставить невостребованной в новом здании музея эту коллекцию – значит оставить не акцептированным одно из направлений научной деятельности, ставшее визитной карточкой ЭНМ [23].

Одновременно, экспонируя культуру уральских народов, музей расширяет свое культурологическое поле, выходя за границы узкого, локального, и привносит тем самым в свое пространство контекст мировой культуры (в том числе актуальной сегодня культуры коренных малочисленных народов).

Чем объяснить тот феномен, что в течение своей столетней истории, несмотря на изменения политической и научной парадигм, ЭНМ продолжал исследовательскую и собирательскую работу среди финно-угорских народов? Почему со второй половины 1960-х гг., когда в советской музейной политике активно претворялось в жизнь документирование современности и конкретно в регионе велось исследование балтийско-славянских контактов и составление Историко-этнографического атласа Прибалтики (в которое было вовлечено большинство научного персонала ЭНМ) [24], наравне с исследованием соседних культур был снова обращен взгляд ближним и дальним финно-угорским народам и их традиционной культуре?

Если в начале 1920-х гг. идейными вдохновителями финно-угорского направления в эстонской этнографической науке стали финские ученые профессор археологии Тартуского университета Аарне Микаэль Талльгрен (1885–1945) и первый директор ЭНМ, доцент этнографии Тартуского университета Ильмари Юстус Маннинен (1894–1935) [25], то судьбу финно-угорских этнографических

изысканий ЭНМ в советское время во многом предопределила деятельность местных лингвистов и фольклористов. К 1950-м гг. кафедра финно-угорских языков Тартуского университета во главе с Паулем Аристэ (1905–1990), в будущем профессором и академиком, стала одним из ведущих центров советского финно-угроведения. Вскоре здесь сформировалась своя научная школа, которую прошли многие будущие известные ученые, представители финно-угорских народов [26]. По инициативе и под редакцией П. Аристэ с 1965 г. в Таллинне начал издаваться научный журнал «Советское финно-угроведение» (с 1990 г. – “Linguistica Uralica”), ориентированный в основном на языковедение, но печатавший также материалы по фольклору, истории и этнографии уральских народов. Участвуя вначале в составе исследовательских проектов языковедов и фольклористов, ЭНМ вскоре стал организатором этнографических комплексных экспедиций. Во многом пригодились и контакты, оформившиеся в ходе научных конференций и международных конгрессов финно-угроведов – принимающей стороной чаще всего становились местные университеты, научно-исследовательские институты и музеи.

Приоритетные в советской этнографической науке 1960–1980-хх гг. направления – вопросы этногенеза и исследования вопросов современной советской интеграции [27] – были на руку финно-угорской деятельности ЭНМ. Вероятно, в случае с финно-угорским направлением деятельности ЭНМ можно также говорить о благоприятном совпадении исследовательских интересов и людей, занимавших в то время руководящие посты в музее. Так, научные интересы тогдашнего (1958–1992) директора музея Алексея Петерсона и занимавшего в 1956–1986 гг. посты ученого секретаря, заместителя директора по научной работе и заведующего финно-угорским отделом [28] Юри Линнуса (1926–1995) были тесно связаны с финно-угорскими культурами, и свои позиции им удалось отстоять как в самом музее, так и на уровнях местных и московских властей (по словам А. Петерсона, вызывала разногласия организация научных экспедиций к финно-угорским народам, высказывались сомнения в надобности собирательской работы у дальних родственников по языку, особенно широко развернувшейся в 1970–1980 гг. В полевых исследованиях музея и выступлениях-призывах директора в защиту культуры и языка исследуемых народов видели проявления национализма, о чем «докладывали» местным властям еще до возвращения экспедиции в Эстонию [29. Lk. 40]), хотя в принципах собирательской работы их взгляды не всегда совпадали [30].

Вполне возможно, что для тогдашних музейных руководителей и сотрудников изучение финно-угорских народов было в какой-то степени и вызовом на идеи советского музееведения, пропагандирующего передовую роль социалистического образа жизни (колхозное строительство, советские праздники и др.), и своего рода продолжением научной традиции, заложенной еще основателями музея [31]. С 1990-х гг. масштаб финно-угорских исследований музея начинает постепенно уменьшается, полевые работы проводятся в рамках проектов отдельных ученых, финансируемых научными грантами и фондами. В перспективе своего нового здания и новых экспозиций, в музее в последние годы снова активно разрабатывается финно-угорская тематика [32].

Научно-музеологический контекст эстонского финно-угроведения тесно связан с идеей культурной идентичности (можно даже говорить о политике идентичности [33]). Культурная идентичность постоянно возникает и перестраивается внутри определенных практик и отношений, существующих символов и идей. Культурные идентичности конструируются не только исторически, но также под влиянием интересов и мировоззрения определенных социальных групп, под воздействием множества социальных институтов общества [34].

Для Эстонии, в силу географических и исторических причин занимавшей и занимающей пограничное положение между разными «мирами» [35], проблема культурной идентичности на заре XXI в. кажется решенной. Сегодня никто из известных эстонских ученых, политиков или публицистов не сомневается в принадлежности эстонской культуры к Западному миру, – это залог самоопределения народа в своей принадлежности к культурному пространству Европы. Идея Европы является для Эстонии синонимом открытости, рациональности и модернизма, а также носителем традиций и ценностей этнического многообразия. Одновременно, приняв европейские ценности и прочно определяя свое место в Европе, Эстония продолжает искать корни своей идентичности в финно-угорских культурах, видя в них своеобразный культурный тыл, основу своей традиционной культуры [36. Lk. 91]. Согласно П. Анттонену, глобализация и сохранение традиционной культуры – это две стороны одного и того же процесса, хотя с первого взгляда может показаться, что они находятся в оппозиции друг к другу. В действительности, сама «традиционность» как категория является глобальной конструкцией, – особенно то, что относится к международному туризму, мировому рынку и созданию символов через традиционную музыку, искусство и рукоделие [37]. Финно-угризм – это один из многих символов Эстонии (а также Финляндии и Венгрии), активно вводимый ею в контекст единой Европы и мировой культуры в целом.

В конструировании культурной идентичности Эстонии немаловажна прочно укрепившаяся в общественной мысли идея «малого народа», которому исторически суждено бороться и осваивать свое место между большими соседями, – идея, ставшая консолидирующей силой эстонской национальности [38]. По мнению идеологов эстонского финно-угорского движения, взаимная поддержка финно-угорских народов – это залог сохранения своего культурного пространства, своего языка и национальной идентичности.

Еще в 1920-х гг. член Эстонского Учредительного собрания, языковед, общественный и политический деятель Виллем Эрнитс (1891–1982) писал: «Что мы имеем в виду под финно-угорской деятельностью? Самый простой ответ прозвучал бы: Всякую деятельность, направленную на сближение родственных племен друг к другу. <…> На чем основывается финно-угорская деятельность? На родственном чувстве, которое психологически и по реальным предпосылкам своего возникновения находится в близкой связи с национальным чувством, вернее, с более широким «национальным чувством, перенесенным на родственных народов; это какая-то сверхнациональность, <…> какая-то переходная ступень между чувством национализма и “всечеловечностью”. Это чувство наполняет чувством самодостоинства и силы, тем самым давая жажду к жизни, и потому

достойно того, чтобы его культивировали и развивали. Родственное чувство может и должно стать реальным источником духовности» [39. Lk. 89–90]. Кажется, эти слова не потеряли актуальность и сегодня.

К заключению

Музею как учреждению, призванному сохранять, исследовать и интерпретировать культурное наследие, принадлежит полифункциональная роль в создании и закреплении местных идентичностей. В новом здании ЭНМ наравне с эстонской культурой будет экспонироваться и культура финно-угорских народов. Готовящаяся экспозиция – это прекрасная возможность конструирования мультикультурности в современном музейном пространстве. Одновременно, это и один из многих возможных подходов к интерпретации культур финно-угорских народов, созданный авторским коллективом, где каждый, в свою очередь, привносит в единую концепцию собственное видение. Насколько она ответит ожиданиям посетителей музея, покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Название музея *Eesti Rahva Muuseum* переводится как *Эстонский народный музей* или *Музей эстонского народа* (сравни: национальный музей – *rahvusmuuseum*), но уже в русскоязычной литературе и музейных документах начала XX в. используется вышеназванный вариант (ЭНМ не имеет официального статуса Национального музея). Созданный в 1909 г., ЭНМ в советское время назывался этнографическим музеем (с 1952 г. – Этнографический музей Академии наук ЭССР, 1963–1988 – Государственный этнографический музей ЭССР), историческое название было возвращено музею в 1988 году.

2. Подробнее о проекте см.: Eesti Rahva Muuseumi avalik rahvusvaheline arhitektuurivõistlus. Kataloog // Estonian National Museum open International Architecture Competition. Catalogue. Tartu, 2006; Eesti Rahva Muuseumi uus hoone // The new building of Estonian National Museum. Tartu, 2009.

3. Автор идеи концепции: Арт Леэте; научная разработка: Марлеэн Ныммела, Индрек Яатс, Светлана Карм (ЭНМ), Арт Леэте, Мадис Арукаск, Пирет Кооса (Тартуский университет) и др. Дизайн: архитектурная студия *Jan&Ken OÜ* (Ян Грапс, Кен Руут, Анне Мяэрманн) и агентство *Velvet OÜ* (Март Ланкотс, Кристиан Кирсфельдт, Янно Сиймар, Лийна Якобсон и др.).

4. С первых лет существования ЭНМ одной из важнейших задач был сбор предметов традиционной культуры. Вместе с тем «бытовые предметы и орудия труда собирали раньше, прежде всего, исходя с точки зрения народного искусства. Только в последнее время стали обращать внимание также на сбор предметов, связанных с бытовой обстановкой». Цит. по: Soome-ugri rahvaste kogud. Kataloog / Koostanud *I. Jaagosild*. Tallinn, 1971. Lk. 3.

5. *Белова А. В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

6. По мнению Алексея Загребина, истоки ментального единства финно-угорского сообщества можно искать в истории самого научного направления. «Финно-угроведение (финно-угристика), зародившись как исследовательское направление филологического характера, довольно скоро приобрело полифункциональную, этнографическую (в широком понимании термина) сущность. <…> Результаты научных поисков, складываясь на страницах газет, журналов и школьных учебников, формировали чувство финно-

угорского родства». Цит. по: *Загребин А. Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.

7. Культуры финно-угорских народов представлены в экспозициях Российского этнографического музея (РЭМ, Санкт-Петербург, http://www.ethnomuseum.ru/) и Музея культур Национального музея Финляндии (Хельсинки), которому, к сожалению, грозит опасность закрытия в 2013 г., а это означает, что финно-угорские коллекции уже не будут там представлены в постоянной экспозиции (http://www.nba.fi/fi/kumu., http://www.nba.fi/tiedostot/cf3af901.pdf). В Национальных и центральных музеях финно-угорских регионов России представлена в основном культура титульных наций.

8. О первых годах ЭНМ и создании финно-угорского отдела см.: *Linnus J.* Eesti Riikliku Etnograafiamuuseumi soome-ugri rahvaste etnograafilised kogud // Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970. Lk. 226–245.

9. *E.R.* Muuseumi hõimurahvaste osakond avati // Päevaleht. 29.12.1928. Nr. 353. Lk. 6; Raadi muuseum suureneb // Postimees. 28.12.1928. Nr. 352. Lk. 5; *Linnus J.* Ilmari Manninen ja Eesti Rahva Muuseum // Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970. Lk. 247–258. Финно-угорская экспозиция на Раади оставалась открытой для посетителей до 1936 г.

10. *Ränk G.* Postimees 1929, 8. jaan., lk. 7, nr. 7. О начальных годах собирательской работы и первой экспозиции, в т.ч. полный текст газетной заметки Густава Рянка: Auasi. Eesti etnoloogide jälgedes / A Matter of Honour. In the footsteps of Estonian ethnologists / Дело чести. По следам эстонских этнологов. (Koostajad *Svetlana Karm*, *Marleen Nõmmela*, *Piret Koosa*). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2008.

11. Из годового отчета директора Ильмари Маннинена о деятельности ЭНМ за 1922 г.: Цит. по: *Linnus J.* Eesti NSV Riikliku Etnograafiamuuseumi soome-ugri rahvaste etnograafilised kogud // Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970. Lk. 226–246. Первый директор ЭНМ, приглашенный из Финляндии, этнолог И. Маннинен тогда не мог и предположить, что со временем к этой мастерской активно присоединятся и другие научные и общественные организации Эстонии: Тартуский университет, Эстонский фольклорный архив, Эстонский литературный музей, Эстонская художественная академия, объединение «Фенно-Угрия» и др.

12. В контексте Эстонии под нацией/национальностью предполагается, прежде всего, культурно-этническое понятие, нежели политическое (это ярко проявляется и в названии музея; ср.: *Eesti Rahva Muuseum – Eesti Rahvusmuuseum*, о чем говорилась уже выше). Об идее Музея и о музейном пространстве Эстонии в XIX–XX вв. см.: *Raisma M.* Muuseumi mõte. Eesti muuseumite identiteedimuutustest 19.–20. sajandil // Akadeemia. 2009. № 4(241). Lk. 774–796, и другие статьи этого специального номера журнала, посвященного Году музея.

13. *"...peaksime juba alguses mõtlema ühe veel laiema ja kultuurilisema ülesande peale. Eesti muuseumil peaks olema kavakindlalt hoitud ja laiendatud soome-ugri osakond eriti nende suguharude jaoks, kes kultuurrahvaiks pole tõusnud. Sellega võimaldab siin teaduselle uurimisala, mis geograafiliselt ulatub üle Uurali mägede kuni Jäämereni. Teadus saab kolooniа, kus tal töötamisala aastasadadeks ees on. Väike rahvus tunneb stimuleerivat ja sütitavat suurusetunnet, alati laiu perspektiive otsiv noorsoo fantaasia leiab seda mida otsib ja mis reaalselt olemas". Tallgren A. M.* Eesti muuseum ja soome-ugri teaduse alad // Odamees. 1923. Nr. 2. Lk. 41–43.

14. Решение о создании доцентуры этнографии при кафедре эстонского и сравнительного языкознания Тартуского университета было принято уже в 1921 г., однако преподавать этнографию как научную дисциплину здесь начали только в 1923 году. Читать лекции по этнографии стал И. Маннинен, сначала в качестве исполняющего обязанности преподавателя и с осени 1924 до 1928 г. – доцента этнографии. В отличие

от Хельсинкского университета, где открытая в 1921 г. профессура была названа профессурой финно-угорской этнографии, руководство Тартуского университета, несмотря на предложение первого доцента и первого директора ЭНМ И. Маннинена назвать ее по образцу финнов, предпочла оставить обычное название «этнография». См.: *Linnus J.* Ilmari Manninen ja Eesti Rahva Muuseum // Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970. Lk. 247–258; Tartu Ülikooli ajalugu. III. 1918–1982 (Koostanud *Karl Siilivask* ja *Hillar Palamets*). Tallinn: Eesti raamat, 1982. Lk. 98–99.

15. Особенно в советское время, когда благодаря проводимым с 1960 г. Международным конгрессам финно-угроведов для сотрудников музея появилась реальная возможность выезжать на международные научные форумы.

16. См., например, материалы круглого стола: Форум: Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 6–132. http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2007_6_rus/ (дата обращения 05.05.2011).

17. Цит. по: *Õunapuu P.* Museoloogia ja ajalugu. ICOFOMi aastakonverents Argentiinas // Muuseum. № 2 (20). 2006.

18. Надо отметить, что отношение к понятию «финно-угорский мир» сегодня весьма противоречиво – для одних это реальность, для других – виртуальное пространство, романтический миф или политический инструмент. Активизировавшийся особенно на рубеже XX–XXI вв. процесс «воссоздания» финно-угорского сообщества рассматривается как поиск новых идентичностей, как некий символический капитал, форма культурной интеграции и инструмент политической мобилизации этнических общностей, или как стремление отдельных людей, групп, движений, этнических элит разыграть финно-угорскую карту с целью обеспечения привилегий и политической поддержки извне. См.: *Шабаев Ю. П.* «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. № 1. 2006. С. 13–27; *Шабаев Ю. П., Чарина А. М.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (особенно гл. 5 «Об идеях «Финно-угорского мира»). Санкт-Петербург, 2010. С. 147–170 (308) – http://www.rapn.ru/partner/files/shabaev,_charina.PDF (просмотрено 10.03.2011); *Никитина Г. А.* Финно-угорское сообщество в глобализирующемся мире // Этнография восточно-финских народов: история и современность. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова. Ижевск, 17–18 октября 2006 г. Ижевск, 2007. С. 73–82; *Загребин А. Е., Никитина Г. А.* Финно-угорские народы России в социальных трансформациях XX века: опыт и проблемы адаптации // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars I. Orationes plenariae. Ol. 328–329 (297–331); *Сануков К.* Финно-угорские народы и культуры в период глобализации // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. Ol. 298–299.

19. Для меня как неэстонки (хотя и финно-угра) кажется особо актуальным сегодня вопрос: «Не способствует ли музей своей насквозь финно-угорской тематикой культурно-этнической сегментации эстонского общества (хотя в эстонской экспозиции в какой-то степени предполагается экспонирование культур не только эстонцев, но и русских, шведов, остзейских немцев и т.д.)?». Мнение автора статьи может не совпадать с мнениями концептуальной группы экспозиции и ЭНМ в целом.

20. Благодарю Терье Анепайо, тогдашнего заместителя директора ЭНМ по научной работе, за предоставление рабочих материалов обсуждения тем, касающихся помещений нового здания ЭНМ (2004), а также Арта Леэте – за материалы семинара и студенческие работы-размышления по финно-угорской экспозиции.

21. Комментарий участницы семинара Кадри Махла.

22. Комментарии Хено Сарва (1954–2010) и Флориана Зигля.

23. ЭНМ, перешагнувший за столетний рубеж, и сегодня позиционирует себя как учреждение, собирающее, хранящее, исследующее и интерпретирующее культурное наследие эстонского и финно-угорских народов, деятельность музея направлена на упрочение эстонской национальной идентичности, эстонского языка и народной культуры, на мудрое и уравновешенное развитие общества и усиление коллективной памяти. – (*Eesti Rahva Muuseum (edaspidi ERM) on eesti ja soome-ugri rahvaste kultuuri ja selle arenguloo allikmaterjale koguv, säilitav, uuriv ja vahendav asutus, mille tegevus toetab eesti rahvusliku identiteedi, eesti keele ja rahvuskultuuri püsimist, targa ja tasakaalustatud ühiskonna arenemist ning kollektiivse mälu tugevnemist*). – Eesti Rahva Muuseumi strateegiline arengukava, 2008–2013. – http://www.erm.ee/files/arengukava.pdf (последнее посещение 30.03.2011).

24. Подробнее об идеологических направлениях в советской музейной политике и деятельности ЭНМ в 1960–1990 гг. См.: *Konksi K*. Etnograafia muuseumina Nõukogude Eestis 1957–1991 // Eesti Rahva Muuseumi 100 aastat. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. Lk. 250–355. Научные исследования ЭНМ проходили в русле общего направления развития советской этнографической науки и музееведения; для сравнения: *Шангина И. И.* Российскому этнографическому музею – сто лет. Хроника событий // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002. С. 12–23.

25. См., например, ссылки 11, 13, 14.

26. *Vääri E*. Akadeemik Paul Ariste fennougristikakoolkond // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi XIX. Humanitaarteaduste koolkondade, ideede ja teooriate areng Tartu Ülikoolis. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1987. Lk. 16–23; *Künnap A., Rajando H.* Tartu Ülikooli fennougristide kontaktid Venemaa soome-ugri rahvastega // Hõimusidemed 1997, http://www.suri.ee/hs/ago.html (последнее посещение 14.04.2011).

27. *Konksi K.* Ibid. Lk. 287.

28. Отдел финно-угорской этнографии вновь появился в структуре музея в 1982 г., в 1992 г. он был переименован в отдел финно-угорской и сравнительной этнологии. В 1997 г. произошла реорганизация структуры, и остался один отдел научной работы ЭНМ, объединяющий всех научных сотрудников, а также редакцию, фотолабораторию, кино- и видеостудию.

29. *Peterson A*. Eesti Rahva Muuseum 1960. aastatel, tema rõõm ning valu ja vaev // Muuseum. 2000. № 1 (8). Lk. 39–42; *Peterson A*. Eesti Rahva Muuseum 1970. aastatel. Meenutusi // Muuseum. 2000. № 2 (9). Lk. 39–42.

30. Так, А. Петерсон был руководителем полевых исследований у вепсов, удмуртов и коми, Ю. Линнус неоднократно выезжал к ливам. В отношении принципов музейного коллекционирования, для А. Петерсона комплектование коллекций и их хранение были приотритетом музейной деятельности, что приводило порой к «повальному» (безвыборочному) собиранию предметов старины. Для Ю. Линнуса же целью «собирательской работы являлось комплектование хороших выборочных коллекций по всем имеющимся финно-угорским народам». См.: *Peterson A*. Varaait. Ülevaade etnograafiamuuseumi ajaloost ja kogudest. Tallinn, 1986. Lk. 23; *Linnus J.* Eesti NSV Riikliku Etnograafiamuuseumi soome-ugri rahvaste etnograafilised kogud // Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970. Lk. 245; *Leete A*. Soome-ugri kultuuride etnoloogilise talletamise tänapäevaseid probleeme Eesti Rahva Muuseumis // ERMi Aastaraamat. XLII. Tartu, 1998. Lk.12–14.

31. О роли науки в финно-угорском движении советского периода говорит и Андрес Хейнапуу: «В то время, когда финно-угорское движение в Советском Союзе находилось под запретом, его можно было развивать под тенью науки. Например, конференции финно-угорской музыки в Таллинне всегда сопровождали концерты представителей этих народов, в которых могла принять участие и широкая общественность, а не только

этномузыкологи. В восстановлении Фенно-Угрии [некоммерческая общественная организация, координирующая работу по сотрудничеству финно-угорских народов, см. подробнее: http://www.fennougria.ee/?lang=ru, последнее посещение 21.04.2011; далее в статье в квадратных скобках приводятся авторские дополнения] большую роль сыграли наши филологи и другие финно-угристы, которые видели в родственных народах не только [исследовательский] материал и орудие труда, но и ценности. Еще раньше этого стали использовать научные исследования во благо служения живой культуре финно-угорских народов и авторитет ученых для улучшения положения малочисленных финно-угорских народов. Ведь эстонские финно-угристы чувствовали это лучше. <…> Особенно сейчас, когда «интересы и требования» политиков России, Евросоюза и даже Эстонии начинают оттеснять идею финно-угорского культурного сотрудничества, надобность в первоначальной и продолжавшейся до сих пор идее финно-угорской солидарности и в подчеркивании ее причин сегодня больше, чем когда-либо раньше». Цит. по: *Heinapuu A.* Hõimusolidaarsus aitab jääda iseendaks // Fenno-Ugria. Horisondi lisaväljaanne. 2007. Lk. 1.

32. Комплектование этнографических (предметных, фото, рукописных описаний, рисунков, аудиовизуальных) коллекций родственных по языку народов и сравнительно-типологическое изучение «вещного мира», попытки выявления традиционного, общего и особенного в своей культуре и культуре соседних и других финно-угорских народов; миграционные процессы, обрядовая и религиозная культура; аудиовизуальная фиксация уходящих элементов так называемой традиционной культуры (прежде всего, некоторых видов хозяйственной деятельности и религиозной ритуальности) и документирование повседневности – вот лишь некоторые объекты исследовательского поля сотрудников ЭНМ в разные годы. О финно-угорском направлении в работе ЭНМ см.: *Linnus J.* Eesti Riikliku Etnograafiamuuseumi soome-ugri rahvaste etnograafilised kogud // Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970. Lk. 226–245; *Linnus J.* Eesti NSV Riiklik Etnograafiamuuseum ja fennougristika // Paul Ariste fennougristikakoolkond ja selle sidemed. Fenno-ugristica 13. Tartu Ülikooli Toimetised. Tartu, 1986. Lk. 89–97; Soome-ugri rahvaste kogud. Kataloog (Koostanud *I. Jaagosild*). Tallinn, 1971; *Peterson A.* Eesti Rahva Muuseumi etnograafiline kogumistöö soome-ugri rahvaste asualadel // Eesti Rahva Muuseumi XXXII teaduskonverentsi teesid. Tartu 12.–13. aprill 1990. a. Lk. 5–6; *Sikka T.* Eesti Rahva Muuseum ja soome-ugri rahvad. Ülevaade kogudest, ekspeditsioonidest, konverentsidest ja näitustest. // Hõimusidemed. SURI 1997, http://www.suri.ee/hs/sikka.html (просмотрено 11.03.2011); *Leete A.* Soome-ugri kultuuride etnoloogilise talletamise tänapäevaseid probleeme Eesti Rahva Muuseumis // ERMi Aastaraamat, XLII, Tartu, 1998. Lk. 11–33; Auasi. Eesti etnoloogide jälgedes. A Matter of Honour. In the footsteps of Estonian ethnologists. Дело чести. По следам эстонских этнологов (Koostajad *Svetlana Karm, Marleen Nõmmela, Piret Koosa*). Tartu, 2008.

33. Не останавливаясь подробнее на рассмотрении данной проблемы, хотелось бы отметить как один из примеров политизации финно-угорской тематики официальное провозглашение Парламентом Эстонии (Рийгикогу) 17.02.2011 Дня родственных народов, которое будет отмечаться в каждую третью субботу октября: «Целью Дня родственных народов является повышение осведомленности эстонцев об их принадлежности к финно-угорской семье народов, научить ценить свое собственное происхождение, родной язык и культурное наследие. В этот день уместно думать о других финно-угорских народах, знакомиться с их языками и культурами и говорить о насущных проблемах родственных народов». – http://www.fennougria.ee/index.php?id=22349 (последнее посещение 22.03.2011).

34. *Ларрейн Й.* Идеология и современность // Контексты современности I. Хрестоматия. Казань, 2000. С. 128–129 (http://window.edu.ru/window_catalog/files/r56384/cont_sovr1.pdf, последнее посещение 18.03.2011); *Jürgenson A.* Eessõna // Aeg ja lugu. Esseid eesti kultuuriloost. Tallinn, 2003. Lk. 5.

35. О вопросах исследования геополитического расположения и геополитики Эстонии см.: *Kant E.* (1931) Eesti geopoliitilisest ja geoökonoomilisest asendist, eriti Venemaa suhtes //Akadeemia. 1996. № 1. Lk. 1229–1250; *Kant E.* Eesti kuuluvus Baltoskandiasse (1934) // Akadeemia. 1996. № 2. Lk. 354–396; *Kurs O*. Politgeograafia Eestis // Akadeemia. 1996. № 1. Lk. 137–151. Об идеологических поисках культурной идентичности см., например: *Karjahärm T*. The Image of Russia According to Estonian Movement Leaders (until 1917) // Ethnic Images and Stereotypes – Where is the Border Line (Russian-BalticCross-Cultural Relations. Studia Humaniora et Pedagogica Collegii Narovensis II. Narva, 2007. Lk. 189–204 (Summaries, lk. 371–373); *Jürgenson A*. Eessõna // Aeg ja lugu. Esseid eesti kultuuriloost. Tallinn: Ajaloo Instituut, 2003. Lk. 5–9; *Palang, Urmas Vessin, Ülle Liiber*. Eesti kooliõpilaste Euroopa-kujutlusest // Akadeemia. 1996. № 2. Lk. 240–266.

36. *Kirch M*. Eesti ja Euroopa identiteet // Eesti ja eestlased võrdlevas perspektiivis. Kultuuridevahelisi uurimusi 20. sajandi lõpust. *(*Koostanud *Aune Valk)*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. Lk. 87–101; *Heinapuu A*. Ibid.

37. *Anttonen P*. Mis on globaliseerumine? (ajakirjast Norveg 1/1999) – http://www.folklore.ee/seminar, ISBN 9985-867-11-4 (последнее посещение 26.04.2011).

38. См., например: *KarjahärmT*. Ibid. *Lennart Meri*. Eesti mäletab. Vabariigi President Valgu Kroogi talus 10. juunil 2001. – Vabariigi Presidendi kõned, http://vp1992-2001.vpk.ee/est/k6ned/K6ne.asp?ID=390 (просмотрено 5.05.2011).

39. *Ernits V.* Hõimutöö põhiküsimusi // Eesti ja Soome üliõpilaskondade hõimualbum I / Suomen ja Eestin ylioppilaskuntien heimoalbumi (toimetus Villem Ernits jt.). Tartu: Postimees. 1926. Lk. 89–103.

Поступила в редакцию 5.05.2011

S. Karm

Echo of Ural at the Estonian national museum or museological aspect of the Estonian concept «Finno-Ugric world»

As part of construction of the new building of the Estonian national museum (ENM) and preparation of the museum expositions, the author of the article shows a reader the conception of the future Finno-Ugric exposition. Museological aspect of Estonian Finno-Ugric study is considered in the context of cultural identity ideas.

Keywords: museum exposition, museum as a translator of cultural identities, research history of Finno-Ugric cultures.

Карм Светлана,
научный сотрудник,
Эстонский национальный музей
г. Тарту
E-mail: svetlana.karm@erm.ee

Karm Svetlana,
research associate,
Estonian national museum
Tartu
E-mail: svetlana.karm@erm.ee

УДК 314(=511.1)

В. В. Фаузер

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье рассмотрена история развития финно-угорских народов на протяжении XX века. Отмечается, что ни один народ не был так комплексно изучен научной общественностью, как финно-угорский. По материалам всех Всероссийских переписей приводится демографическая динамика финно-угорских народов, отмечаются ее схожесть и различие в сравнении с русским народом и населением России в целом. Делаются обобщающие выводы и рекомендации.

Ключевые слова: финно-угорские народы, языковые группы, воспроизводство населения, перспективы развития.

Самобытную группу финно-угорских народов России объединяет, прежде всего, принадлежность к одной языковой группе. Исторически к ней относятся: венгры, водь, вепсы, ижора, карелы, коми, коми-пермяки, ливы, марийцы, манси, мордва, саамы, удмурты, финны, ингерманландцы, ханты, эстонцы и др.

Уже в древности финно-угры являлись одним из наиболее крупных этнокультурных образований Евразии. Их родство и происхождение из одного ареала установлено на основе данных сравнительного исторического языкознания. В лексике любого языка представлен первичный основной слой, в который входят многие термины, имеющие общую корневую основу в большинстве родственных языков.

В процессе длительного исторического развития финно-угорская общность разделилась на финскую и угорскую группы. К современным угорским языкам относятся венгерский, мансийский и хантыйский, к финским – пермские (коми, коми-пермяцкий и удмуртский), волжско-финские (марийский, мокша-мордовский и эрзя-мордовский), прибалтийско-финские [1. С. 9].

Финно-угорские народы по территории своего проживания выходят далеко за границы России. Поэтому в научной литературе можно встретить выражение «финно-угорский мир», которое встречалось в работах финно-угроведов уже в начале XX в., обозначая, прежде всего, наличие родственных языковых связей

между финно-угорскими народами. В этом контексте слово «мир» обозначает человеческое сообщество, объединенное языковым признаком.

Формирование понятия «финно-угорский мир» обусловлено историческими связями народов, входящих в одну из ветвей уральской языковой семьи, принадлежностью к которой обусловлены процессы более тесного научного и культурного взаимодействия. В результате началось формирование единого информационно-культурного пространства между народами данной группы. Таким образом, понятие «финно-угорский мир» в конце XX в. обозначает группу народов, объединенных общностью языкового происхождения, активно сотрудничающих в сферах культуры, науки, политики, экономики и экологии [2. С. 553, 555].

В последние десятилетия особенно возрос интерес отечественных и зарубежных ученых к значимости этнического фактора и росту этнического самосознания [3. С. 9].

Обращаясь к истории финно-угроведения, можно констатировать, что в 1947 г. в Ленинграде состоялся первый научный форум финно-угроведов в Советском Союзе. Если до X Всесоюзной конференции в форумах участвовали исключительно ученые-лингвисты, то в дальнейшем к ним присоединились археологи, антропологи, демографы, этнографы, фольклористы, литературоведы и историки. Комплексный подход к финно-угроведению был закреплен на XI Всесоюзной конференции, проходившей в Сыктывкаре в 1965 году. Кроме того, Республика Коми принимала у себя Всесоюзную конференцию финно-угроведов в 1979 г., а в 1985 г. – VI Международный конгресс финно-угроведов. Через 20 лет в 2004 г. в Сыктывкаре проходит III Всероссийская научная конференции финно-угроведов [4. С. 3]. В 2005 в г. Йошкар-Ола прошел III Международный исторический конгресс финно-угроведов «Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов». В 2008 г. в Ханты-Мансийске прошел V Всемирный конгресс финно-угорских народов, где впервые на таком научном форуме присутствовали президенты четырех стран: России, Финляндии, Венгрии и Эстонии. В 2010 г. в Венгрии состоялся XI Международный конгресс финно-угроведов, следующий пройдет в городе Оулу (Финляндия).

Финно-угорское этническое образование России имеет, как видим, богатый опыт изучения своих корней, культуры, быта, демографического и социально-экономического развития. Внутренние связи финно-угорских народов России распространяются и за ее пределы.

Однако, по мнению финского ученого С. Лаллукка, на российской национальной сцене роль, отведенная финно-угорским народам, не является ведущей. Он отмечает также внутреннюю несхожесть финно-угорской группы в численности пятнадцати народов, выделенных в опубликованных результатах переписи: варьирование от нескольких сотен ижорцев до более миллиона мордвы. Ведется полемика и относительно некоторых средних по численности народов: формируются они как собственная нация или нет; о вероятном будущем некоторых из народов – обреченных на постепенный упадок [3. С. 9].

Такие и подобные им высказывания безо всякого злого умысла привели в вначале к отдельным репликам, а затем – и к утвердительным мнениям о том, что

финно-угорские народы в Российской Федерации находятся на грани вымирания, а государственные органы и общественность на это не реагируют. Особенно обостряются такие мнения в канун региональных выборов в национальных республиках и на научных форумах финно-угорских народов. Насколько подтверждаются такие мнения проверенными наукой фактами? Задача данной работы – дополнить социально-демографическую тематику развития финно-угорских народов [5. С. 188–194; 6. С. 40–51; 7. С. 18–30; 8. С. 27–36; 9. С. 150–165] результатами наших исследований.

Сегодня в арсенале ученых для изучения демографической динамики финно-угорских народов за относительно длительный исторический период есть достаточно обширная информация Всероссийских переписей населения. В XX в. их было проведено шесть. В XXI в. были проведены две Всероссийские переписи населения: 9 октября 2002 года и 14 октября 2010 года. Существуют монографические исследования и отдельные публикации отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих вопросы образования, уровень жизни, отчасти демографические процессы и др. Однако предпоследний исторический период (1989–2002) пока не стал предметом пристального внимания. Поэтому особое внимание в нашей статье уделено именно предпоследнему межпереписному периоду: 1989–2002 гг.

Интерес к нему не случаен: в 1990-е гг. в России произошли события, радикальным образом изменившие жизнь и отразившиеся на всех социально-экономических процессах. «Перестроечная» участь не миновала и финно-угорские народы страны. Из развитого социализма все они в одночасье «перекочевали» в мир капитализма. Последствия для них были разные. Большая часть финно-угорских народов бывшего Союза ССР осталась жить на территории Российской Федерации, эстонцы стали основой для образования самостоятельного государства, для финнов практически ничего не изменилось, если не считать того, что им стало проще посещать своих собратьев по этнической группе.

Каждый финно-угорский народ по-своему вписался в рыночные механизмы социально-экономического развития. Наиболее ощутимые потери при этом понесла социальная сфера: был практически упразднен механизм государственной социальной защиты населения, отменены основные гарантии и компенсации государства по защите семьи и детства. Многие стали связывать крах социализма с депопуляцией народов России, в том числе и финно-угорских народов. Вопрос о совпадении в 1990-х гг. демографического кризиса с кризисом социально-экономического развития государства (что послужило причиной, а что – следствием) оставим за рамками статьи, а заинтересованного читателя отошлем к работам [10; 11].

Действительно, последние 10–15 лет прошлого века стали «черными» для демографической динамики всего российского народа, в том числе и финно-угорских народов. Резкое снижение естественного воспроизводства населения России явилось следствием как обвального снижения рождаемости, так и значительного роста смертности. Если снижение рождаемости прогнозировалось давно, то значительный рост смертности оказался для большинства ученых и практиков полной неожиданностью: перспектива депопуляции становилась неотвратимой.

Начало XXI в. не изменило динамику воспроизводства населения, а депопуляционные процессы не поменяли вектор в лучшую сторону. Учитывая кризисный характер воспроизводства, образования, здоровья и качества жизни населения, Президент и Правительство РФ приняли беспрецедентные меры для улучшения уровня и качества жизни и, в первую очередь, оздоровления демографической ситуации, выделив огромные финансовые средства в рамках «Приоритетных национальных проектов». Следующим шагом стал Указ Президента РФ о «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [12], направленной на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране. Аналогичные документы принимаются и во всех субъектах проживания финно-угорских народов.

Однако прогнозы на ближайшую перспективу не отличаются оптимизмом: мы все очевиднее идем от одно-двухдетной семьи к однодетной. К чему это может привести? Как пишет социолог-демограф А. И. Антонов, «эта острая социальная проблема не считается общественным мнением проблемой вовсе, поскольку в основе ее – привычная малодетность семьи, когда в семьях рождается и имеется 1–2 ребенка, что является “мало” даже для сохранения существующей численности, для простого воспроизводства населения. По расчетам видного российского демографа В. А. Борисова, в среднем при 1,5-детной семье население страны уменьшается наполовину через 50 лет, при однодетности – через 24 года» [13. С. 38].

На общем фоне депопуляции российского народа есть отдельные территории, где режим воспроизводства населения имеет положительную динамику. Есть народы, где, наоборот, демографическая динамика выпадает из общероссийских тенденций в худшую сторону, к которой, к сожалению, относятся финно-угорские народы, что и породило вокруг финно-угорских народов «политическую шумиху» об их вымирании и ущемлении экономических и политических интересов.

В данном исследовании ставится цель – выявить общие тенденции и специфические особенности развития финно-угорских народов на фоне развития русского народа, а также населения РФ в целом. Такое сравнение позволит нам получить реальную дифференцированную картину демографического развития. Заметим при этом, что в нашей стране этнические образования (АО и АССР) имели особую от общей демографическую динамику, что находило отражение в более высоких коэффициентах воспроизводства населения. Это отличие сохраняется и в настоящее время, хотя выражено не столь ярко.

Еще одно методическое пояснение в связи с используемой в статье информацией. Федеральные органы статистики предоставляют информацию по материалам переписи в разрезе отдельных национальностей, при текущем учете населения – по территориям основного проживания того или иного народа. Поэтому текущая статистика позволяет получить только общее представление о демографической среде проживания финно-угорских народов.

Динамика численности финно-угорских народов

Из статистики за предпоследний межпереписной период (1989–2002) следует, что из 14 народов у 11 произошло абсолютное уменьшение численности. Лишь у трех народов (манси, саамов и хантов) идет увеличение численности, при этом у манси и саамов – на всем протяжении XX века. В целом за 1989–2002 гг. финно-угорская группа уменьшилась на 480,3 тыс. человек, что составляет 17,7 % от их численности в 2002 г. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения России, русских и финно-угорских народов, проживающих на территории России за 1926–2002 гг., тыс. человек [1. С. 15; 14. С. 8]

Численность населения	Годы переписей						
	1926	**1939**	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**
Венгры	4,2	-	4,2	6,7	4,3	5,7	3,8
Вепсы	33,0	31,0	16,0	8,1	7,6	12,2	8,2
Ижорцы	17,0	7,7	0,6	0,6	0,4	0,4	0,3
Карелы	248,0	250,0	164,0	141,0	133,0	125,0	93,3
Коми	226,0	}415,0	283,0	315,0	320,0	336,0	293,4
Коми-пермяки	149,0		143,0	150,0	146,0	147,0	125,2
Манси	5,8	6,3	6,3	7,6	7,4	8,3	11,4
Марийцы	428,0	476,0	498,0	581,0	600,0	644,0	604,3
Мордва	1335,0	1375,0	1211,0	1177,0	1111,0	1073,0	843,4
Саамы	1,7	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	2,0
Удмурты	514,0	600,0	616,0	678,0	686,0	715,0	636,9
Финны	134,0	139,0	72,0	62,0	56,0	47,0	34,1
Ханты	22,0	18,0	19,0	21,0	21,0	22,0	28,7
Эстонцы	150,0	130,0	79,0	63,0	56,0	56,0	28,1
Финно-угорские народы – всего	3267,7	3449,8	3113,9	3212,8	3150,5	3193,4	2713,1
Население России	92735,0	108377,0	117239,6	129941,2	137409,9	147021,9	145166,7
в т.ч. русские	74072,0	89740,0	97864,0	107747,6	113521,9	119865,9	115889,1
Удельный вес в населении России, %							
Финно-угорских народов	3,5	3,2	2,7	2,5	2,3	2,2	1,9
Русских	79,9	82,8	83,5	82,9	82,6	81,5	79,8

Прирост (убыль) в межпереписной период (+,-):							
Финно-угорских народов	-	+182,1	-335,9	+98,9	-62,3	+42,9	-480,3
Русских	-	+15668,0	+8124,0	+9883,6	+5774,3	+6344,0	-3976,8

Уменьшение финно-угорской группы связано со значительным сокращением численности таких народов, как: мордвы – на 229,6 тыс. человек, удмуртов – на 78,1 тыс., коми и коми-пермяков – на 64,4 тыс., марийцев – на 39,7 тыс. и карелов – на 31,7 тыс. человек. На эти народы приходится 92,3 % общих потерь их численности.

Материалы семи российских переписей позволяют проследить динамику финно-угорских народов за более длительный период времени (1926–2002). Данные 76-летнего периода показывают, что численность финно-угорской группы сократилась на 554,6 тыс. человек. На общую динамику финно-угорских народов влияло развитие каждого народа в отдельности, так что для получения достаточно полной и достоверной картины необходим развернутый анализ развития каждого народа. К таким выводам пришел Д. Д. Богоявленский, исследуя демографическое развитие народов Севера за аналогичный период. Он отмечает, что поскольку прирост наблюдался далеко не у всех народов Севера и «недемографические» рост или убыль у них сильно разнятся, разобраться с современной этнодемографической ситуацией у народов Севера можно, только рассматривая ее у каждого народа и на отдельных территориях расселения. Ведь объединяя народы Севера в одну группу и оперируя этим термином, мы нередко забываем, что народы эти очень разные [15. С. 59].

Если посмотреть, как происходило изменение численности финно-угорских народов в отдельные исторические периоды, то можно констатировать, что оно шло по синусоиде: рост численности в один межпереписной период обязательно сменялся убылью населения в следующий период. При этом величина положительных амплитуд была на порядок ниже отрицательных. Остановимся на каждом периоде подробнее.

Первым крупным провальным демографическим периодом в развитии финно-угорских народов был 1939–1959 гг. – убыль составила 335,9 тыс. человек. На этот исторический отрезок пришлись годы политических репрессий, вторая мировая война и др. Второй период убыли населения – с 1970 по 1979 г. был не столь масштабный: он дал отрицательный прирост населения в 62,3 тыс. человек. И, наконец, период рубежа веков оказался самым масштабным по потерям населения, хотя и проходил в мирное время.

Можно заключить, что демографические потери финно-угорских народов происходили на всем протяжении XX в., но особенно катастрофичны были последние 10–15 лет. Как результат уменьшения абсолютной численности финно-угорских народов их доля в населении России уменьшилась с 3,5 % в 1926 г. до 1,9 % – в 2002 г. При этом каждый народ имел свое демографическое развитие. За 76 лет наибольшая убыль произошла у ижорцев – с 17,0 до 0,3 тыс. человек, или в 56,7 раза; у эстонцев – со 150,0 до 28,1 тыс. человек, или в 5,3 раза; у вепсов –

с 33,0 до 8,2 тыс. человек, или в 4 раза; у финнов – с 134,0 до 34,1 тыс. человек, или в 3,9 раза, и у карелов – с 248,0 до 93,3 тыс. человек, или в 2,7 раза. Такое падение абсолютной численности народов только демографическими факторами объяснить нельзя. Не последнюю роль играли и факторы ассимиляции, и факторы самоопределения себя с той или иной национальностью, в зависимости от политической и экономической «целесообразности».

Население России

Население России за 1926–2002 гг. увеличилось на 52 млн. 431,7 тыс. человек, или на 156,5 %, то есть более чем в полтора раза. Имея в целом положительную динамику роста населения, в последний период между переписями 1989 и 2002 гг. население России уменьшилось на 1 млн. 855,2 тыс. человек, что составляет 1,3 % от общей численности населения в 2002 году.

Что касается демографической динамики русских, то их численность в XX в. увеличилась с 74,1 млн. человек до 115,9 млн., или на 41,8 млн. (156,4 %). В отличие от финно-угорских народов, демографическая динамика русского населения в XX в. всегда была положительной. Лишь на стыке последних двух веков и у них произошло абсолютное уменьшение численности. С 1989 по 2002 г. численность русских уменьшилась со 119,9 млн. человек до 115,9 млн., уменьшение составило 3 млн. 977 тыс. Менялся и удельный вес русских во всем населении России. Так, доля русских с 1926 по 1959 г. росла, а затем уменьшалась и к 2002 г. практически стала такой же, как в начале века.

Можно отметить, что в конце XX – начале XXI в. по России в целом и русскому этносу в отдельности, имела место та же демографическая динамика: рост населения на протяжении 1926–1989 гг., затем существенное уменьшение после 1989 года. Масштабы убыли проявились не в таком размере, как у финно-угорских народов, чему есть объяснение: в 1990-е гг. со всего бывшего постсоветского пространства шло вытеснение русскоязычного населения. Это сдерживало убыль населения России за счет положительного сальдо миграционного обмена с бывшими союзными республиками.

Можно назвать еще ряд этносов, численность которых уменьшилась после 1989 г.: число чувашей сократилась с 1 млн. 774 тыс. человек до 1 млн. 637 тыс., или на 137 тыс.; уменьшилось число хакасов на 2878 человек и алтайцев на 2170 человек [16. С. 8, 17, 18; 14. С. 8–9].

Для полноты анализа представляет интерес информация о населении финно-угорского мира в целом и по отдельным государствам: Венгрии, Финляндии, Эстонии и России. У Финляндии в 1990-е гг. статус государственности прежний, Венгрия стала политически независимой от влияния СССР, а Эстония приобрела государственность, выйдя из состава Союза ССР. В этих странах, где основное население принадлежит к финно-угорской группе и не подвержено административному давлению (что приписывают России), казалось бы, должна быть отличительная демографическая динамика (табл. 2).

Что же мы видим в действительности? Из четырех государств, только в Финляндии увеличилась численность на 0,3 млн. человек. Венгрия, Эстония и Россия потеряли свое население на 0,4 млн., 0,3 млн. и 0,4 млн. человек –

Таблица 2

Динамика населения финно-угорского мира за 1990–2009 гг., млн. человек [17. С. 11; 18. С. 511–513]

Государства	Год					
	1990	1995	2000	2002	2005	2009
Все население финно-угорского мира, в т.ч.	23,8	23,5	23,1	23,3	23,0	23,0
Венгрия	10,4	10,2	10,0	10,2	10,1	10,0
Финляндия	5,0	5,1	5,2	5,2	5,2	5,3
Эстония	1,6	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3
Россия	6,8	6,7	6,5	6,5	6,4	6,4
Доля финно-угорских народов России в финно-угорском мире, %	28,6	28,5	28,1	27,9	27,8	27,8

соответственно. Совместные потери указанных стран составили 1,1 млн. человек. Для Венгрии эти потери составляют 4,0 % ее численности в 2009 г., для Эстонии – 23,1 %, для России – 6,3 %. Как видим, списать все демографические проблемы финно-угорских народов, проживающих в России, на политические факторы, не совсем корректно, поскольку в Венгрии и Эстонии дела обстоят намного хуже.

Уменьшение населения страны (отдельного субъекта федерации или этноса) может происходить за счет либо миграционного оттока, либо естественной убыли населения. Можно сделать допущение или принять за факт, что в своем большинстве финно-угорские народы, как и другие коренные этносы России, меньше участвуют в территориальных перемещениях за пределы этнической родины. Тогда на их количественную динамику будут влиять естественный прирост населения либо ассимиляция с другими, более крупными этносами.

Чтобы ответить на вопрос о влиянии естественного прироста на динамику финно-угорских народов, необходимо располагать данными о воспроизводстве населения в этническом разрезе. К сожалению, сегодня органы статистики не представляют такую информацию. Анализ можно провести в целом по территориям проживания финно-угорских народов (табл. 3).

Выше мы уже отмечали, что к представленным в таблице 3 данным необходимо относиться взвешенно, и вот почему. Удельный вес финно-угорских народов на территории их проживания колеблется от 0,7 % – у манси, 9,2 % – у карелов, до 42,9 % – у марийцев и 59,0 % – у коми-пермяков (табл. 4). Следовательно, финно-угорские народы, в своем большинстве, не могли повлиять на общую величину коэффициентов воспроизводства в территориях своего проживания из-за своей малочисленности (табл. 4).

Действительно, в научной литературе отмечается, что при таком (грубом, с рядом допущений) анализе к статистическим данным, в том числе данным переписи, следует относиться осторожно. На переписную численность населения этнических общностей влияет не только естественное движение,

Таблица 3

Динамика коэффициентов естественного прироста, убыли населения России и финно-угорских народов за 1990–2009 гг., ‰ [1. С. 19; 18. С. 74–91; 20]

Территории проживания финно-угорских народов	1990	1995	2000	2009		
				все население	городское население	сельское население
Республика Карелия	3,1	-7,9	-7,8	-4,0	-2,5	-8,5
Республика Коми	6,1	-3,5	-3,5	-0,4	0,3	-2,3
Республика Марий Эл	5,5	-3,5	-5,8	-2,2	-1,5	-3,3
Республика Мордовия	2,0	-5,1	-8,4	-5,9	-2,2	-11,7
Удмуртская Республика	5,3	-4,3	-3,5	0,6	0,4	0,8
Коми-Пермяцкий АО	4,5	-5,0	-7,2	-2,4	0,9	-3,4
Ханты-Мансийский АО-Югра	12,9	3,4	4,5	9,0	9,2	6,0
Справочно: Россия	2,2	-5,7	-6,6	-1,8	-1,6	-2,4

Таблица 4

Удельный вес финно-угорских народов России в общей численности населения своей республики или округа за 1939–2002 гг., % [1. С. 18]

Финно-угорские народы	Годы переписей					
	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Карелы	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2
Коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,2
Коми-пермяки	69,0	54,1	58,3	61,4	60,2	59,0
Манси	6,2	5,0	2,0	1,0	0,5	0,7
Марийцы	47,2	43,1	43,7	43,5	43,3	42,9
Мордва	34,0	35,7	35,4	34,3	32,5	31,9
Удмурты	39,2	35,6	34,2	32,1	30,9	29,3
Ханты	13,0	9,0	5,0	2,0	0,9	1,2

но и – межэтнические процессы. Важно также учитывать и смену национальности при переписи, и административные решения, да и просто неточности или ошибки. У малочисленных коренных северян даже небольшие ошибки, незаметные для более крупных народов, приводят к значительным флуктуациям в динамике численности [15. С. 57–58].

Тем не менее, если вернуться к данным таблицы 3, то можно отметить, что в 2009 г. отрицательный прирост населения был выше, чем в среднем по стране (-1,8), на следующих территориях проживания финно-угорских народов: в Республике Мордовия (-5,9), в Республике Карелия (-4,0), в Коми-Пермяцком округе (-2,4) и в Республике Марий Эл (-2,2). У сельского населения отрицательный естественный прирост выше среднероссийского уровня (-2,4) был в Республике Мордовия (-11,7), в Республике Карелия (-8,5), в Коми-Пермяцком округе (-3,4) и в Республике Марий Эл (-3,3).

Соотношение численности мужчин и женщин

За последние 32 года у финно-угорских народов соотношение полов было крайне неблагоприятным. У всех этносов (исключение – венгры) наблюдается существенный перевес женского населения. В 2002 г. превышение женщин над мужчинами, в расчете на 1000 человек, колебалось от 167 человек – у марийцев до 1000 человек – у ижорцев. На селе соотношение полов у ижорцев приняло еще более ужасающие размеры: на 1000 мужчин приходилось 3545 женщин (впору каждому ижорцу заводить четыре жены). За анализируемый период из 14 рассматриваемых народов только у 8 произошло некоторое улучшение в соотношении полов – на 1000 мужчин стало приходиться меньше женщин. Но и это соотношение далеко от идеального (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение численности мужчин и женщин у финно-угорских народов России за 1970–2002 гг., на 1000 мужчин приходится женщин [1. С. 23]

Финно-угорские народы	Все население				Городское население				Сельское население			
	1970	1979	1989	2002	1970	1979	1989	2002	1970	1979	1989	2002
Венгры	394	576	741	864	392	546	728	847	401	666	772	901
Вепсы	1665	1679	1493	1468	1835	1828	1725	1585	1480	1445	1308	1333
Ижорцы	2667	2805	2427	2000	2297	2033	1986	1329	2933	3603	2950	3545
Карелы	1484	1450	1370	1341	1510	1442	1401	1445	1465	1459	1322	1221
Коми	1304	1292	1247	1267	1307	1367	1346	1433	1302	1237	1161	1135
Коми-пермяки	1302	1290	1248	1237	1268	1331	1298	1401	1312	1272	1216	1145
Манси	1167	1180	1224	1213	1287	1296	1415	1310	1128	1122	1086	1116
Марийцы	1257	1208	1163	1167	1038	1160	1172	1255	1317	1230	1157	1106
Мордва	1272	1258	1231	1194	1243	1261	1232	1210	1287	1256	1231	1176
Саамы	1207	1238	1285	1257	1486	1469	1695	1569	1111	1130	1082	1069
Удмурты	1272	1247	1210	1223	1184	1234	1225	1298	1315	1256	1196	1161
Финны	1359	1358	1337	1308	1359	1363	1344	1341	1358	1348	1318	1237
Ханты	1103	1127	1163	1200	1141	1257	1324	1390	1096	1094	1101	1112
Эстонцы	1200	1197	1133	1252	1148	1179	1136	1298	1271	1228	1127	1175

Анализ структуры населения с точки зрения пола выявил и вторую особенность у финно-угорских народов. Если у всех этносов на протяжении последних десятилетий численно преобладают женщины, то у венгров картина противоположная – преобладают мужчины. В 1970 г. на 1000 мужчин приходилось всего 394 женщины, в том числе в городах – 392 и на селе – 401 женщина. В 2002 г. соотношение полов значительно улучшилось, но и оно сегодня далеко от оптимального. На 1000 мужчин приходится 864 женщины, в том числе в городах – 847 и на селе – 901.

Столь неблагоприятная картина соотношения полов объясняется сверхвысокой смертностью мужского населения. Косвенно об этом говорят данные об ожидаемой продолжительности жизни при рождении (табл. 6).

Таблица 6

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении у финно-угорских народов России за 1990–2009 гг., лет [19]

Территории проживания финно-угорских народов	Год											
	1990			1995			2005			2009		
	все население	мужчины	женщины	все население	мужчины	женщины	все население	мужчины	женщины	все население	мужчины	женщины
Республика Карелия	68,8	63,3	73,8	60,8	54,0	68,9	62,1	55,3	70,0	66,6	60,0	73,4
Республика Коми	68,2	62,8	73,5	61,0	54,6	68,6	62,3	56,0	69,5	66,5	60,6	72,9
Республика Марий Эл	68,8	63,1	74,0	65,2	59,1	71,5	63,4	56,6	71,3	67,1	60,8	73,8
Республика Мордовия	70,4	64,6	75,4	67,5	60,9	74,2	66,6	60,0	74,0	69,1	62,8	75,6
Удмуртская Республика	69,4	63,9	74,2	63,8	57,0	71,2	64,3	57,4	72,1	68,3	61,6	75,0
Ханты-Мансийский АО-Югра	69,2	64,0	74,4	61,7	56,1	68,4	67,9	62,3	74,1	70,5	65,2	75,8
Справочно: Россия	69,2	63,7	74,3	64,5	58,1	71,6	65,3	58,9	72,4	68,7	62,8	74,7

Во всех республиках и округе ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин значительно ниже, чем у женщин. В территориальных образованиях, представленных в таблице 6, средняя продолжительность жизни при рождении ниже российского уровня (исключение составляют Республика Мордовия и Ханты-Мансийский АО-Югра).

О более высокой мужской смертности свидетельствуют также данные о возрастно-половой структуре населения. Удельный вес женщин старше трудоспособного возраста у всех народов минимум в два раза больше, чем мужчин. Но здесь, кроме всего прочего, можно выделить еще одну проблему: низкий удельный вес населения, дожившего до возраста старше трудоспособного. Сказанное подтвердим примерами. В 2002 г. доля лиц старше трудоспособного возраста в Республике Коми у женщин составляла 24,8 %, а у мужчин – 11,7 %; у карелов – 38,6 % и 18,8 %; у коми-пермяков – 26,9 % и 12,7 %; у мордвы – 35,6 % и 18,7 %; у удмуртов – 26,4 % и 12,9 %; у марийцев – 20,8 % и 10,3 % соответственно. У двух народов из-за высокой смертности доля населения обоих полов старше трудоспособного возраста составляет менее 10 %: у хантов доля женщин 9,6 %, а доля мужчин – 4,1 %, у манси соответственно – 11,0 % и 4,9 %.

Итак, рассмотрев основные характеристики демографического развития финно-угорских народов России и финно-угорского мира, можно сделать ряд обобщающих выводов.

1. 1990-е годы для финно-угорских народов стали тревожными в плане демографического развития. Они понесли существенные потери в численности населения. Однозначного ответа, почему это произошло, – дать невозможно. Для аргументированных выводов необходимо дополнительно проанализировать ряд демографических процессов, таких как результативность этнической миграции и ассимиляционные процессы. Есть надежда, что итоги переписи населения 2010 г. позволят взглянуть на данную проблему по-новому.

2. Анализ общих коэффициентов воспроизводства населения позволяет заключить, что за счет отрицательной естественной убыли населения финно-угорские народы не могли понести столь значительные потери. Пример Республики Коми показывает, что при анализе демографической динамики за последние 10–15 лет на естественную убыль населения приходится примерно 19–24 %, остальное – миграционные потери.

3. Несмотря на существенные в целом миграционные потери населения, этническая составляющая не занимает в них сколько-нибудь значимой величины. Этому есть и соответствующее подтверждение. Данные о численности финно-угорских народов, проживающих на территории национальных республик и округов Российской Федерации от их общей численности за 1970–2002 гг., показывают, что их доля не только не уменьшилась, но и возросла (табл.7).

Таблица 7

Удельный вес финно-угорских народов, проживающих на территории национальных республик и округов Российской Федерации за 1970–2002 гг., % [1. С. 15]

Финно-угорские народы	Годы переписей			
	1970	1979	1989	2002
Республика Карелия, карелы	59,6	61,0	63,2	70,3
Республика Коми, коми	87,6	87,7	86,7	87,4
Коми-Пермяцкий АО, коми-пермяки	82,3	72,3	64,8	64,1
Ханты-Мансийский АО – Югра, манси	87,8	82,8	79,3	86,5
Республика Марий Эл, марийцы	51,5	51,1	50,4	51,7
Республика Мордовия, мордва	31,0	30,5	29,2	33,7
Удмуртская Республика, удмурты	71,4	70,0	69,5	72,3
Ханты-Мансийский АО – Югра, ханты	58,2	54,1	53,4	59,7

4. В ходе переписи населения в октябре 2002 г. было обеспечено выполнение Конституции РФ в части свободного самоопределения национальной принадлежности. В соответствии со статьей 26 Конституции РФ национальность записывалась со слов опрашиваемых по самоопределению. Национальную принадлежность детей определяли родители. Так должно быть по Конституции, но история переписей населения имеет достаточно примеров, когда самоопределение переписываемого лица не совпадало с национальностью ни одного из родителей. Причины были разные, в том числе и конъюнктурного характера. Поэтому можно предположить, что часть населения финно-угорских народов отнесла себя к другой этнической группе. Судить об этом можно по тому, что от переписи

к переписи шло уменьшение числа и доли лиц, кто бы язык своей национальности считал родным языком, при одновременном росте числа доли лиц, считающих родным языком – русский (табл. 8).

Таблица 8

Распределение финно-угорских народов России по владению языками за 1970–1989 гг., % [1. С. 48]

Финно-угорские народы	Удельный вес лиц указанной национальности, считающих родным языком								
	язык своей национальности			язык другой национальности					
				русский			другие		
	1970	1979	1989	1970	1979	1989	1970	1979	1989
Венгры	77,8	62,9	61,2	19,9	34,6	35,1	2,3	2,5	3,7
Вепсы	33,9	36,1	51,3	65,8	63,5	48,3	0,3	0,4	0,4
Ижорцы	25,3	32,9	41,9	72,9	66,4	56,6	1,8	0,7	1,5
Карелы	63,9	56,5	48,6	36,0	43,4	51,2	0,1	0,1	0,2
Коми	83,4	76,9	71,0	16,6	23,1	28,9	0,0	0,0	0,1
Коми-пермяки	86,5	78,1	71,1	13,4	21,8	28,7	0,1	0,1	0,2
Ливы	…	100,0	48,4	…	-	43,7	…	-	7,9
Манси	52,2	49,7	36,7	47,5	50,1	62,7	0,3	0,2	0,6
Марийцы	91,9	87,7	81,9	7,9	12,1	17,8	0,2	0,2	0,3
Мордва	79,7	74,6	69,0	20,3	25,4	30,9	0,0	0,0	0,1
Саамы	56,3	51,8	42,0	43,6	47,5	56,8	0,1	0,7	1,2
Удмурты	83,5	77,6	70,8	16,4	22,3	29,0	0,1	0,1	0,2
Финны	51,8	42,8	36,2	47,9	56,8	63,1	0,3	0,4	0,7
Ханты	69,1	68,1	60,8	30,3	31,5	38,5	0,6	0,4	0,7
Эстонцы	52,6	46,9	41,5	47,2	52,9	58,1	0,2	0,2	0,4

Аналогичные результаты получены у народов Севера. Одним из показателей культурной ассимиляции может служить рост числа лиц, считающих русский язык родным (для эвенков и эвенов Якутии место русского языка занимает якутский). В 1959 г. только 15 % коренных северян назвали русский язык родным, в 1970 г. – 23 %, в 1979 г. – 29 %, а в 1989 г. – уже 36 %. Соответственно, уменьшается доля аборигенов Севера, называющих родным язык своего народа (с 76 % – в 1959 г. до 52 % – в 1989 г.) [15. С. 59].

5. Отсутствие в переписи населения 2002 г. информации о национальности супругов в семьях не позволяет увидеть процесс ассимиляции в динамике. Информация за 1970–2002 гг. показывает, что была отмечена тенденция к росту семей, где супруги относились к разным национальностям. В Республике Карелия доля семей, где члены семьи принадлежат к разным национальностям, увеличилась с 33,2 до 33,5 %, в Республике Коми – с 31,1 до 38,7 %, в Республике Марий Эл – с 7,9 до 19,1 %, в Республике Мордовия – с 10,2 до 24,1 %, в Удмуртской Республике – с 12,3 до 27,1 %, в Коми-Пермяцком АО – с 17,4 до 29,2 %, в Ханты-Мансийском АО – с 20,1 до 32,6 %. Это тоже могло послужить причиной «относительного» уменьшения финно-угорских народов. Созвучно

нашему выводу мнение С. Лаллукка, который отмечает, что большинству ученых, изучающих национальные проблемы бывшего СССР, вероятно, известно, что финно-угорские народы подверглись ощутимой ассимиляционной эрозии. В научной литературе, посвященной проблемам ассимиляции и деэтнизации, давление на сглаживание этнических различий обычно рассматривается как одна из неизбежностей современного многонационального общества. В то же время на Западе было проведено очень мало исследований, посвященных этим народам, и почти ничего не было сделано для количественного измерения их демографических и этнокультурных процессов [3. С. 11].

Завершая исследование, хотелось бы надеяться, что представленный материал о демографическом развитии финно-угорских народов, пусть частично, восполнит пробел в освещении развития этих уникальных народов. Необходимо также подчеркнуть, что для ответов на поставленные временем вопросы о дальнейшей судьбе финно-угорских народов, нужно провести ряд монографических исследований во всех субъектах их проживания. К этой работе необходимо привлечь ученых разных профилей: демографов, социологов, историков, политологов и др. Тогда результат не заставит себя ждать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Финно-угорские народы России: Статистический сборник. Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2005. 84 с.

2. *Попов А. А., Уварова Н. А.* К вопросу формирования современного понятия «финно-угорский мир» // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 656 с.

3. *Лаллукка С.* Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. 392 с.

4. Приветствие Главы Республики Коми В. А. Торлопова участникам III Всероссийской конференции финно-угроведов г. Сыктывкар, 1–4 июля 2004 г. // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. 624 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

5. *Фаузер В. В.* Этническая динамика финно-угорских народов (1989–2002) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы IV региональной научно-теоретической конференции (14 апреля 2005 г, Сыктывкар): в 2 ч. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2005. Ч. II. С. 188–194.

6. *Фаузер В. В.* Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты и специфические особенности // Социальная и демографическая политика. 2006. № 3. С. 40–51.

7. *Фаузер В. В.* Финно-угорские народы: история демографического развития // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: Сборник научных трудов (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)»). (Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.). Вып. 3. Ч. 4. М.–Сыктывкар, 2006. С. 18–30.

8. *Фаузер В. В.* Прошлое и настоящее демографического развития финно-угорских народов // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2008. № 3–4. С. 27–36.

9. *Фаузер В. В.* Финно-угорские народы в современном мире: демографическое измерение // Идентичность и изменяющийся мир: Материалы V Всемирного конгресса финно-угорских народов (Ханты-Мансийск, 2008). Сыктывкар, 2008. С. 150–165.

10. Демографическое будущее России / Под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. М.: Права человека, 2001. 56 с.

11. Почему вымирают русские. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 288 с.

12. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

13. *Антонов А. И.* Причины и последствия депопуляции в России // Почему вымирают русские. М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 35–55.

14. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. 747 с.

15. *Богоявленский Д. Д.* Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 55–61.

16. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 945 с.

17. Финно-угорский мир: Статистический сборник. Сыктывкар: Комитет государственной статистики Республике Коми, 2004. 68 с.

18. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 525 с.

19. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 654 с.

Поступила в редакцию 12.04.2011

V. V. Fauzer

The finno-ugric people in the modern world

The article describes the history of development of the Finno-Ugric people throughout the XX-th century. It is pointed out that no other people were so complexly studied by scientific community, as Finno-Ugric. On materials of the all All-Russia censuses demographic dynamics of Finno-Ugric people is resulted, its similarity and distinction in comparison with Russian and the population of Russia as a whole is marked. In the end generalizing conclusions and recommendations are given.

Keywords: the Finno-Ugric people, language groups, reproduction of the population, development prospects.

Фаузер Виктор Вильгельмович,
доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»
г. Сыктывкар
E-mail: fauzer@iespn.komisc.ru

Fauser Viktor Vilgelmovich,
Doctor of Economy, professor,
Syktyvkar State University
Syktyvkar
E-mail: fauzer@iespn.komisc.ru

Р Е Ц Е Н З И Я

УДК 82.95(=511.131)

Г. А. Никитина

Рец. на: Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа: Монография. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.: ил.

Михаил Гаврилович Атаманов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ, референт Ижевского епархиального управления, переводчик Библии и духовной литературы на удмуртский язык, член Союза писателей России, составитель национального эпоса «Тангыра», автор 6 монографий, приурочил публикацию рецензируемого труда к 65-летию со дня своего рождения.

Не могу утверждать, что автор задается целью решить проблему этногенеза удмуртского народа или представить читателям новые знания и открытия по этому вопросу. Пожалуй, нет. Свою основную задачу М. Г. Атаманов видит в другом: обобщив данные ряда наук (этнографии, лингвистики, археологии, антропологии), еще раз утвердиться в известном мнении об автохтонном происхождении удмуртского народа и как можно разностороннее изложить все перипетии его этнической истории.

Надо отдать должное автору: будучи филологом, а точнее – специалистом по исторической ономастике, он демонстрирует высокую степень научной осведомленности в смежных научных дисциплинах. По существу на все проблемы, связанные с этногенезом и этнической историей удмуртского народа, у него есть свой взгляд, который он обосновывает, не сомневаясь в собственной правоте.

В Предисловии к работе рассмотрены возможности этнографической, лингвистической, археологической и антропологической наук в решении этногенетических проблем. Даны лаконичная информация об объекте исследования и краткое изложение историографии вопроса, в котором автор не преминул указать на недоработки своих предшественников: «Остается путаница в названиях археологических культур, не все части предполагаемой пратерритории, где шло формирование удмуртского народа, археологически полно изучены. …Есть вовсе не исследованные этнолингвистические группы; крайне нужны палеоантропологические исследования по всем археологическим культурам Волго-Камья. Есть этнографы, фольклористы, лингвисты, но нет специалистов,

конкретно занимающихся вопросами происхождения удмуртского народа хотя бы в области своей науки» (С. 12).

Предваряя последующее изложение, замечу, что автор довольно часто критикует коллег, порой вполне обоснованно, но, на мой взгляд, нельзя согласиться с его категоричным утверждением, что этнографов, занимающихся разработкой проблем этногенеза и этнической истории удмуртов, в республике нет (С. 8–9).

Содержательная часть монографии заключена в 4-х главах, в которых последовательно рассматривается роль этнографии (гл. I), лингвистики (гл. II), археологии (гл. III) и антропологии (гл. IV) в решении этногенетических проблем удмуртского народа.

Анализ ресурсов этнографии занял чуть не половину объема книги. Основываясь преимущественно на данных языка, автор подробно изложил известные в этнографии интерпретации этимологий экзо- и эндоэтнонимов *удмурт, ар, одо, вотяк,* в том числе – гипотезу этнологов В. В. Напольских и С. К. Белых, по мнению которых, древнеудмуртское **odз-mort* является ираноязычным заимствованием и в языке-источнике могло иметь вид **ant(a)-mart(a)*, означая буквально: «человек окраины, житель пограничья».

«Кстати, – пишет далее автор, – и тюркское название удмуртов *ар* эти исследователи расшифровывают с таким же значением – «жители той стороны, задние, тыловые» (С. 16) [1].

В лаконичной форме рассмотрены ранние письменные сведения об удмуртах, от Геродота (около 425 г. до н. э.) до древнерусских памятников XIII в., и этническая характеристика, данная учеными разных времен и национальностей, специальностей и сословий. Автор высказывает личное суждение по этому поводу, в основном навеянное его служением в церкви. Подобного рода вкрапления в тексте встречаются неоднократно (они выделены другим шрифтом. – *Г. Н.*), и, на мой взгляд, вносят особый колорит в содержание книги.

После краткого представления динамики изменения численности и территорий расселения удмуртов по данным статистических сведений 1911 г., материалам переписей советского времени и 2002 г., автор переходит к обстоятельному изложению вопросов прародины и формирования этнотерритории удмуртов (предварительно раскрыв свое понимание понятий «прародина» и «этнотерритория», а также проанализировав историю вопроса прародины).

Проблему выявления прародины удмуртов М. Г. Атаманов решает на основе общефинноугорских/общеуральских названий деревьев, зверей, рыб и насекомых. Этот методологический прием известен, в свое время знаменитый венгерский ученый П. Хайду на базе данных палеоботаники по-новому взглянул на вопросы финно-угорской/уральской прародины; автор данной монографии делает упор на вопросах удмуртской части этого вопроса. С помощью зоо- и геоботанической терминологии он определяет, что границы этнической территории праудмуртов «проходили по южной половине ананьинской историко-культурной общности (VIII–III вв. до н. э.), куда входили бассейны нижних течений рек Камы, Вятки, Белой, некоторые левобережные притоки Волги. Здесь шло формирование удмуртских воршудно-родовых групп в единый этнос. Здесь была прародина удмуртов» (С. 63–64).

Более точные контуры былой прародины удмуртов М. Г. Атаманов выявил с помощью названий географических объектов, образованных от марийских эндоэтнонимов *одо, одо-мари,* тюркского – *ар*, в русских летописях также – *аряне, арские люди* и *вотяк.* По ареалу их распространения автор приходит к мнению, что южная граница этнической территории древних удмуртов проходила несколько южнее линии городов Чебоксары-Казань-Уфа, западная – по р. Ветлуге, левому притоку Волги, северная – по верховьям Камы, Вятки, до слияния рек Юг и Сухона, восточная граница определяется, по словам исследователя, с трудом. Скорее всего, она простиралась по линии от истока Камы – г. Оса – пос. Чернушка – до среднего течения Уфы и несколько южнее, до ее впадения в Белую.

Сужение обозначенной этнотерритории предков удмуртов происходило постепенно, в течение нескольких веков: в середине I тыс. н. э – с началом великого переселения народов, в начале II тыс. н. э. – под напором марийских племен, оттеснивших удмуртов на левобережье Вятки, а также в период господства Золотой Орды, позднее – Казанского ханства и массового освоения русскими Вятской земли и Прикамья. К концу XVII в. география проживания удмуртов приобрела современные очертания (С. 73–74).

Определившись с прародиной и этнической территорией удмуртов, исследователь переходит к проблеме происхождения удмуртского *воршуда* – родового божества, хранителя семейно-родового счастья и связанных с ним обрядов, а также семейно-родовых групп, поклоняющихся этому божеству и составляющих воршудно-родовую группу. По убеждению автора, проблема удмуртских *воршудов* является по-своему уникальной, так как из финно-угорских, да и других европейских народов только у удмуртов сохранились реликты родовых делений, «восходящих к эпохе матриархата» (С. 75), в основе названий которых «лежат тотемы рода» (С. 85).

Проделав фантастически скрупулезную работу по анализу лексического материала по всем удмуртским диалектам, некоторым родственным языкам, изучив архаизмы и историзмы, исследователь предложил свою версию расшифровки этимологии около половины из 70 сакральных *воршудных* названий. Автор убежден в их происхождении от названий зверей, птиц, насекомых, рыб – предполагаемых тотемов экзогамных материнских родов (например, *какся* – цапля, *паляка* – перепелка, *уля, пескарь* – рыба и др.). В эпоху господства отцовского рода *воршуд* превратился в семейно-родовое божество, хранителя семьи и рода, которому строились общеродовые и семейные святилища – *куа/куала.*

Автор приводит большое количество примеров из этнографии, лингвистики и даже археологии, чтобы доказать «архаичность и древность возникновения воршудных имен» (С. 93–94), и далее переходит к вопросам территориального расселения рассматриваемых групп.

Не подвергая сомнению стройно изложенную в монографии (преимущественно на лингвистическом материале) теорию воршудно-родовой организации удмуртов, полагаю, однако, что уверенности автора в научной достоверности его теории не помешала бы корректная дискуссия с В. С. Чураковым, предпринявшим попытку переосмысления этой теории в своей диссертации и продолжающим поиски в данном направлении [2].

Весьма пространный материал представлен о племенных объединениях удмуртов – *калмез* и *ватка* (степень изученности, этимология названий, археологические основы, расселение, характер взаимоотношений, специфика материальной и духовной культуры). Анализ имеющегося в распоряжении автора материала привел его к выводу, что до середины I тыс. н. э. *ватка* населяла Вятско-Нижнекамско-Волжско-Ветлужский район, а *калмезы* – бассейны среднего и нижнего течения р. Белой, среднего течения р. Камы. В период великого переселения народов *калмезы* были оттеснены со своей территории, многие ушли в южную и центральную части современной Удмуртии, проникли в бассейн Вятки, разорвав единую цепь поселений *ватка.*

Один из интереснейших разделов главы I связан с проблемой арских удмуртов и Арского княжества. Автор, со всей тщательностью проанализировав имеющиеся в его распоряжении сведения, приходит к мнению, что «Арское (Удмуртское) княжество, существовавшее в составе Булгарского государства, позже Казанского ханства, имело определенную самостоятельность и автономию», что арские удмурты не раз с оружием в руках защищали свою честь и отечество от неприятелей. Были с их стороны и восстания против хана, и бунты против исламизации.

В военных действиях Москвы против Казанского ханства в 1552 г. арские удмурты выступили на стороне Казани. Арская крепость пала через два дня ожесточенных боев, а после взятия Казани вся территория ханства с его подданными, в том числе удмуртами, перешла к Московскому государству.

Сетуя на то, что не осталось почти никаких исторических документов о внутреннем, политическом, социально-экономическом устройстве Арского княжества, что археологически местный край изучен недостаточно, автор книги выдвигает свои соображения о древних корнях арских удмуртов. По его мнению, эта группа сформировалась на местной пьяноборско-азелинской основе с включением поломско-чепецкого населения, переселившегося в VIII–IX вв. н. э. в Волго-Камье. Свидетельством тому – полное совпадение воршудно-родового состава слободско-глазовских и балтасинско-карлыганских удмуртов (С. 173).

Завершается глава сугубо этнографическими сюжетами. В одном – с опорой на солидную историографию – анализируется эволюция жилых, хозяйственных и культовых построек удмуртов, в другом – история формирования костюмных комплексов, изученных, по признанию автора, «вполне удовлетворительно» (С. 260). Как и в предыдущих разделах, изложение материала, собственные рассуждения, в том числе полемические, автор строит на широкой источниковедческой основе – этнографической, лингвистической и археологической, и потому они читаются с неизменным интересом.

В главе II «Лингвистика: ее роль в решении этногенетических проблем удмуртского народа», автор, на мой взгляд, раскрывает роль лингвистики не столько в области этногенеза народа, сколько его этнической истории, что, впрочем, совсем не снижает качество излагаемого материала.

После кратких сведений об удмуртском языке, в разделе речь идет о заимствованном пласте лексики удмуртского языка (индоиранском, тюркском, русском), а затем – об удмуртских заимствованиях в других языках. Исследователь

считает, что удмуртский язык (наряду с марийским) занимает центральное место в системе этноглотогенеза. Не случайно в нем до настоящего времени сохранились слова прауральского, прафинно-угорского, прапермского происхождения, а также древнейшие пласты заимствованной лексики, образцы которых в тексте приведены в большом количестве.

Довольно критически оценивает исследователь многократные попытки коллег-филологов решить вопрос о диалектном членении удмуртского языка. По его мнению, выделение «в удмуртском языке говоров, диалектов и наречий» до сих пор не завершено, и в его премудростях «не то что студент, но остепененный ученый запутается» (С. 299). Будучи уверенным в том, что при выделении диалектных единиц, помимо лингвистических, необходимо учитывать исторические факторы, ученый предлагает свой вариант деления удмуртской диалектной речи на 2 большие группы-наречия, в рамках которых вычленяются диалекты, говоры, каждый со своими говорами и подговорами (С. 301–305).

Не обошел вниманием автор и проблему происхождения бесермян. Сожалея, что нет археологических памятников, которые помогли бы пролить свет на этнические истоки этого народа (праудмуртские, булгаро-чувашские, мадьяро-номадские или среднеазиатские?), ученый переходит к анализу лингвистических данных. В итоге он приходит к мнению, что исторической родиной бесермян до переселения их части в верхневятско-чепецкий бассейн была Арская земля, расположенная в нижнем течении р. Вятки и Камы. Они жили в смешении с удмуртами, в соседстве с булгарами (чувашами), буртасами (иранцами), позднее – с татарами Золотой Орды и Казанского ханства.

Если допустить, что до появления на Арской земле бесермяне были иранцами или тюрками по языку, на удмуртский язык они перешли именно в среде арских (южных) удмуртов, носителей нижневятского (кукморско-мамадышского) и граховского говоров, и оснований считать их носителями булгарского языка нет.

Разработка проблем этногенеза бесермян осложняется тем, что в его среде, по мнению ученого, нет никаких следов воршудно-родовых подразделений, выявленных у всех групп удмуртов.

Что касается древней истории, этноязыковой основы, времени появления на Арской земле, связи этнонимов «бусурман» и «чуваша», причин переселения на Чепцу и ряда других важных моментов в этногенезе бесермян, исследователь не оригинален, констатируя, что этот народ до сего времени остается не разгаданным. Сюжет о бесермянах заканчивается предположением, что они, возможно, «единственный народ в России, не имеющий привязки ни к одной средневековой, тем более к древней археологической культуре» (С. 318).

Последний раздел главы посвящен анализу топонимического материала (исторические корни удмуртской топонимии, прапермский, собственно удмуртский, русский пласты и другие иноязычные элементы) в географических названиях Удмуртии и за ее пределами. Собранный и проанализированный автором языковой материал убедительно свидетельствует о том, что бассейны р. Вятки и нижних течений Камы и Белой были основными центрами формирования древнеудмуртского этноса. Глава читается с большим интересом, автор замеча-

тельно владеет материалом, но так как для аргументации своих взглядов часто апеллирует к лингвистике, здесь некоторые сюжеты воспринимаются как повторы (см., например, С. 263, 320, 324, 351). Это замечание относится и к III-ей главе «Археология: ее роль в решении древних этапов истории удмуртов», название которой, на мой взгляд, требует корректировки: древние этапы истории едва ли можно *решить*, а вот выявить/охарактеризовать – можно.

Удивляет и поражает воображение «включенность» автора в археологический материал. Начиная с анализа древнейших памятников человеческой деятельности в Камско-Уральском регионе (палеолит, мезолит, неолит), он последовательно, шаг за шагом рассматривает эпоху раннего металла (энеолит, бронза), ананьинскую историко-культурную общность (VIII–III вв. до н. э), в том числе общепермскую лексику, связанную с разными сторонами жизнедеятельности местного населения этого периода. Пьяноборскую культуру (III в. до н. э. – V в. н. э.) исследователь характеризует как начальный этап формирования этнодиалектных групп удмуртов. Континуум праудмуртских археологических культур раннего средневековья начинается с анализа бахмутинской (V–VII вв. н. э.) и через ряд других постепенно доходит до чепецких памятников позднего средневековья (X–XIII вв.), удмуртская этническая основа которых у преобладающего большинства региональных археологов не вызывает сомнений.

Археологическую часть своей книги автор начинает со ссылок на труды «замечательных исследователей древностей Прикамья… А. В. Збруевой и Р. Д. Голдиной, В. Ф. Генинга» и заканчивает ее их основными выводами (см. об этом С. 512–518), что, впрочем, не мешает ему по некоторым частным вопросам оспаривать мнение этих ученых.

В силу слабой изученности фенотипических особенностей удмуртского этноса антропологами, последняя глава рецензируемой книги оказалась самой лаконичной. Автор и сам осознает, что «по этой специфичной и важной отрасли знания» у него своих материалов нет, поэтому самыми важными для него являются данные К. Ю. Марк, М. С. Акимовой и некоторых других антропологов. Так, М. С. Акимова считает, что удмурты являются коренным среди народов Прикамья, в процессе формирования которых древнее население время от времени ассимилировало пришлые элементы, в результате чего и образовался современный тип удмуртов. Обитатели бассейна р. Чепцы конца I тыс. н. э. вполне могут считаться древними предками современных удмуртов.

По мнению А. И. Дубова, удмуртов со всей определенностью можно считать европеоидами с очень незначительной примесью элементов восточного ствола. Очевидно, что наиболее яркой особенностью удмуртов является чрезвычайно высокий процент рыжеволосых индивидуумов. И, наконец, еще один вывод сводится к тому, что удмурты, коми и коми-пермяки, будучи генетически наиболее близкими к финно-угорской праобщности, занимают центральное место не только в географическом, но в и генетическом отношении среди всех финно-угорских народов.

Завершая рецензию, считаю необходимым сделать специальную оговорку: очень трудно во всех подробностях раскрыть содержание столь объемного труда. Автор подготовил чрезвычайно интересную, при этом, я бы сказала, нестандартную

книгу, аккумулировав в ней все теоретические наработки и открытия этнографии, лингвистики, археологии и антропологии, касающиеся вопросов этногенеза и этнической истории одного из древних народов Урало-Поволжского региона. В итоге мы имеем на руках первое крупномасштабное междисциплинарное исследование, проведенное в широких хронологических рамках, посвященное чрезвычайно сложной научной проблеме.

Знакомство с книгой оставляет ощущение, что к ее подготовке и публикации автор отнесся как к акту служения своему народу ради всестороннего раскрытия древнейших страниц его истории. И в то же время процесс чтения сопровождается и другим впечатлением – не всегда оправданной категоричностью по отношению к коллегам, особенно этнографам. Как бы то ни было, появление рецензируемого труда – большое научное событие, и оно радует. Я уверена, что знакомство с ним позволит читателю взглянуть на удмуртский этнос по-новому – с бóльшим интересом и бóльшей симпатией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: *Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.

2. См., например: *Чураков В. С.* К критике воршудной теории // Финно-угроведение. 2003. № 2. С. 3–18.

Поступила в редакцию 18.08.2011

Никитина Галина Аркадьевна,
доктор исторических наук, профессор,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: adm@ni.udm.ru

Nikitina Galina Arkadyevna,
Doctor of History, professor,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: adm@ni.udm.ru

О Т З Ы В

УДК 94(47)

В. Н. Денисов

УНИКАЛЬНЫЙ ТРУД НИКОЛААСА ВИТСЕНА «СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ТАРТАРИЯ» ТЕПЕРЬ ДОСТУПЕН УЧЕНЫМ УДМУРТИИ

Уважаемые господа!

Настоящим имею удовольствие направить в адрес Вашей библиотеки экземпляр русскоязычного издания книги Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария».
Николаас Витсен (1641-1717), потомок влиятельной голландской семьи, был известным картографом, коллекционером, писателем, дипломатом, а также в течение многих лет бургомистром Амстердама.
В 1690 году, спустя двадцать пять лет после своего путешествия в Московию, Витсен издал первую карту Сибири, а в качестве комментария к ней – книгу «Северная и Восточная Тартария», куда вошли описания Сибири и соседних стран. В Нидерландах эта работа стала первым серьезным трудом о России того времени.

В течение многих лет голландские и российские ученые занимались переводом и подготовкой русскоязычного издания. Поддержка проекту была оказана со стороны нидерландского правительства, Общества Исаака Массы, издательства Pegasus и различных частных фондов.

Надеюсь, данное издание станет востребованным и послужит прекрасным дополнением к хранящимся в Вашей библиотеке публикациям в данной области науки.

С дружеским приветом,

Клаас Хейсман
Исполняющий обязанности Генерального Консула
Королевства Нидерландов в Санкт-Петербурге

В дни празднования 80-летия УИИЯЛ УрО РАН библиотека института пополнилась уникальной работой нидерландского ученого и государственного деятеля XVII–XVIII вв. Николааса Витсена (Nicolaas Witsen) «Северная и Восточная Тартария». Имя этого человека долгое время оставалось недостаточно известным широкой общественности не только в России, но и в самих Нидерландах. И лишь спустя почти 300 лет оно получило, наконец, достойное признание потомков.

Николаас Витсен (*род. 8 мая 1641 г. – умер 10 августа 1717 г.*), видный государственный деятель и признанный в Республике Соединенных Провинций Нидерландов (так назывались в XVII в. Нидерланды) специалист по России, долгое время был ключевой фигурой в голландско-русских отношениях. В течение длительного времени (с 1672 по 1707 год) Н. Витсен входил в группу регентов, которые управляли Амстердамом (то есть фактически был мэром города) и оказывали большое влияние на политическую и экономическую жизнь Республики. С 1693 г. он стал также одним из управляющих Ост-Индской Компанией (в то время самой большой торговой организацией в мире) и имел доступ практически к любой информации, которая поступала в Нидерланды со всего мира. Витсен также пользовался контактами, которые он установил в Москве в 1664–1665 гг., а также во время пребывания Великого Посольства Петра I в Нидерландах (1697–1698 гг.).

Среди европейских держав голландцы находились в особых отношениях с Московией, с которой поддерживали весьма тесные коммерческие связи. Нидерландское государство регулярно посылало в Московию посольства для торговых переговоров. В одной из таких дипломатических поездок принял участие тогда еще молодой Николаас Витсен, но в Сибири, Центральной Азии и Монголии ему самому так никогда и не удалось побывать. Однако именно после пребывания в Московии он начал активно и заинтересованно собирать сведения об этой части света. Будучи состоятельным человеком, Н. Витсен при необходимости покупал нужный для исследований материал и путевые заметки различных путешественников. Кроме того, имея в своем распоряжении значительные финансовые ресурсы, он создал разветвленную сеть осведомителей в Западной Европе, России и Азии, через которую черпал необходимую ему информацию. Таким образом, находясь в центре Европы, Витсен оказался в весьма благоприятной ситуации с точки зрения накопления знаний о Тартарии, а кроме того, он обладал амбициями, преданностью и выносливостью для того, чтобы десятилетиями заниматься этой кропотливой работой.

На рубеже XVII–XVIII вв. Витсен был, пожалуй, самым уникальным ученым в Европе. Его труд явился своего рода энциклопедией Сибири, поскольку включал в себя прежде всего многочисленные русские источники того периода.

В 1678 г. на основе собранных к тому моменту данных Витсен составил первую подробную карту еще практически неизвестного Европе региона, который в современной англоязычной литературе принято называть «Inner Eurasia» (Внутренняя Евразия), а при жизни Витсена – «Tartarije» (Тартария). Речь идет об огромной евроазиатской территории, населенной, как тогда полагали, кочевыми народами – тартарами. Книга «Северная и Восточная Тартария» прилагалась к карте в качестве обширного комментария, но содержала не только

географические сведения. Автора интересовали флора, фауна, обычаи, история и языки народов, населявших Тартарию. Поэтому Витсена можно считать одним из самых авторитетных в своем времени специалистов по кочевым племенам. В его книгу включено огромное количество описаний путешествий по Сибири и через Центральную Азию в Китай. При наличии информации не забывал он упомянуть и о таких природных ресурсах, как серебро, нефть, и о других богатствах, встречающихся на этих бескрайних просторах. Николааса Витсена среди его современников выделяли глубокая убежденность в значении Внутренней Евразии для мировой культуры и истории, вера в ее огромный экономический потенциал.

Вместе с тем, несмотря на свою влиятельность, Витсен был весьма осмотрительным человеком. Он прекрасно понимал, что географические данные о малоизвестных землях могут быть засекречены как Российской империей, так и нидерландской стороной в интересах Ост-Индской торговой компании. Поэтому, несмотря на то, что собрание сведений о Тартарии непрерывно росло, Витсен считал составленную им подробную карту 1687 г. и публикацию второго варианта книги лишь этапами большого пути. Он сам препятствовал распространению своего труда через издательство и книготорговцев. Лишь третье нидерландское издание книги Витсена было пущено в продажу, но уже через много лет после его смерти – в 1785 году.

Тем не менее книга «Северная и Восточная Тартария» оставалась библиографической редкостью, написанной к тому же на малодоступном старо-голландском (нидерландском) языке XVII века. Несмотря на то, что книга Н. Витсена содержала огромное количество уникальной информации, недоступность и сложная манера изложения помешали ей оказать сколько-нибудь значительное влияние на развитие западноевропейских знаний об Азии в XVIII веке. Значение Витсена как первопроходца в области евроазиатских исследований в XVII в. оставалось недооцененным и позднее. Отчасти это объясняется тем, что внимание Запада было приковано, прежде всего, к Ближнему Востоку, Индии, Китаю и другим странам азиатской периферии. Многие ученые даже в самих Нидерландах просто не знали о существовании «Северной и Восточной Тартарии».

Зато в России эта книга всегда вызывала живой интерес. Сегодня в Интернете можно найти немало русскоязычных страниц, в которых упоминается, что именно Витсен в своей книге впервые упомянул тот или иной город, народ, язык, образцы средневековых текстов или скифское украшение. И все это благодаря целому ряду выдающихся российских ученых, которые, начиная с 1732 г., исключительно тепло отзывались о Витсене и его трудах. Их поразило как количество, так и качество материалов, собранных амстердамским бургомистром. Они превозносили «Северную и Восточную Тартарию» как уникальный источник знаний о Сибири и сожалели о том, что до сих пор не вышел русский перевод этой книги.

Появление этой книги на русском языке стало возможным в конечном итоге благодаря Вильгемине Герардовне Трисман, уроженке Роттердама, которая в 1925 г. эмигрировала в СССР. Она работала в Ленинграде, в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР, и в период после 1945 г. перевела всю книгу

и дневники Витсена на русский язык. Но при жизни переводчицы обе работы так и не были опубликованы в Советском Союзе. В 90-е гг. прошлого века началось длительное сотрудничество нидерландских и российских ученых в рамках так называемого «Витсеновского проекта», который был инициирован почетным профессором русской истории и директором Института Восточноевропейских исследований Университета Амстердама Наарденом Бруно (Naarden Bruno). Он возглавлял также Общество Исаака Массы (Isaak Massa Foundation), основанное в 1991 г. в Гронингене с целью исследования истории российско-голландских отношений до 1917 года. Через это общество координировалась вся работа, и осуществлялось финансирование проекта. С российской стороны научными руководителями данного проекта выступили Наталья Павловна Копанева, основатель и председатель Петровского исторического общества, вице-президент Русско-Голландского клуба (Санкт-Петербург), и Николай Михайлович Рогожин, заместитель директора ЦРИ РАН (Москва).

Издание трехтомника стало возможным благодаря финансовой поддержке следующих организаций:

– Нидерландской организации научных исследований (NOW);

– Нидерландской правительственной организации Cross;

– Фонда Вильгельмины Янсен (Wilhelmina Jansen Fonds);

– Института Хейзинги Амстердамского Центра изучения Золотого Века;

– Генерального консульства Нидерландов в Санкт-Петербурге;

– Комитета по информационным ресурсам Ханты-Мансийского автономного округа.

Итак, спустя почти три столетия после того, как увидело свет второе издание «Северной и Восточной Тартарии» Николааса Витсена, и почти через 60 лет после завершения титанического переводческого труда В. Г. Трисман, совместные усилия нидерландских и российских ученых в рамках «Витсеновского проекта» привели к появлению этого уникального издания. В двух первых томах публикуется перевод «Северной и Восточной Тартарии» на русский язык. Третий том содержит две вводные статьи и научно-справочный аппарат, в том числе:

– Приложение к примечаниям о самоедах;

– Хронологический обзор важных фактов из жизни Николааса Витсена и его эпохи;

– Именной указатель;

– Указатель географических названий;

– Указатель этнонимов;

– Предметный указатель;

– Примечания к тексту «Северной и Восточной Тартарии»;

– Список основных опубликованных источников книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария»;

– Список основной использованной литературы.

Эти дополнительные материалы значительно облегчают как само чтение невероятно сложного текста Витсена, так и поиск в нем определенной информации. В целом три тома включают в себя почти 1500 страниц, 130 различных иллюстраций. К книгам прилагается компакт-диск, на котором размещен текст

на нидерландском языке, подробная карта описываемых территорий, составленная в 1687 г., а также дополнительная информация об иллюстрациях и лингвистических данных, использованных в работе Витсена.

Из соображений практического характера данное издание, напечатанное голландским книжным издательством «Pegasus» тиражом всего 500 экземпляров, не появится в открытой продаже, но оно будет бесплатно распространяться по российским библиотекам, научным и учебным заведениям. В ближайшее время предполагается также разместить в Интернете русский перевод, нидерландский оригинал и научно-справочный аппарат этой книги.

Автору этих строк совместно с ученым-лингвистом, членом Фризской Академии наук Тьердом де Граафом (Гронинген, Нидерланды) при активном содействии Генерального консульства Нидерландов в С.-Петербурге удалось организовать доставку вышеназванного многотомного издания в Ижевск и в дни празднования юбилея вручить его коллективу института. Таким образом, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН одним из первых в Российской Федерации стал обладателем уникального исторического труда «Северная и Восточная Тартария», принадлежащего перу голландского исследователя Николааса Витсена.

Поступила в редакцию 19.08.2011

Денисов Виктор Николаевич,
кандидат филологических наук, доцент
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН,
координатор международного проекта по сохранению звуковых архивов
С.-Петербург–Ижевск
E-mail: vicnicden@gmail.com

Denisov Viktor Nikolaevich,
Candidate of Science (Philology), associate professor
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg–Izhevsk
E-mail: vicnicden@gmail.com

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений –10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример*: Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104
тел./факс: 8 (3412) 52-61-83
e-mail: rvkir@mail.ru
Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. глав. редактора)
Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 3

Под редакцией *Н. И. Леонова*

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *Н. Ю. Юрпалова, И. В. Широбокова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 23.11.2011. Печать офсетная.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 11,28. Уч.-изд. л. 10,00.
Тираж 300 экз. Заказ № .....

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru